

ИТГАЛМАС

Литературно-художественный и публицистический журнал

№ 3 (11) 2011

Выходит 6 раз в год

Журнал основан в 2007 году

Учредители-издатели:

НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»,
Благотворительный фонд имени писателя Михаила Петровича Петрова

Редакционный совет:

В.А. Никулин – президент Благотворительного фонда имени писателя
Михаила Петровича Петрова, президент-научный руководитель
НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»
О.А. Дегтева – ректор НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»
Е.Е. Загребин – председатель правления Союза писателей Удмуртии
С.М. Решетников – профессор Удмуртского государственного университета
А.С. Зуева-Измайлова – профессор Удмуртского государственного университета
Н.Д. Украинец – член Союза писателей России

Редакционная коллегия:

З.А. Богомолова – главный редактор, член Союза писателей России
Н.В. Варламова – заместитель главного редактора
Е.В. Никулина – дизайнер и оформитель, председатель правления Благотворительного фонда
имени писателя Михаила Петровича Петрова, член Союза дизайнеров России
О.В. Парфёнова – член редакционной коллегии, член Союза писателей России
Д.В. Стрелков – член редакционной коллегии

Адрес редакции:

426003, г. Ижевск, ул. В. Сивкова, 12а.
Тел./факс (3412) 501-751, 501-761. E-mail: kigit@bk.ru.
Подписано в печать 30.08.2011. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Century Schoolbook.
Уч.-изд. л. 15,24. Усл. печ. л. 15,34.
Тираж 500 экз. Заказ №.
Отпечатано в МУП «Сарапульская типография».
427900, г. Сарапул, ул. Раскольниковова, 152.
Тел./факс (34147) 4-12-83, 4-12-85.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Зоя БОГОМОЛОВА Удмуртская литература как феномен духовного развития этноса 4

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

	Людмила БОГДАНОВА Проблема художественного метода в русскоязычных поэмах Г.Е. Верещагина 8
	Людмила БУСЫГИНА Солнце как символ гармонии жизни в удмуртской поэзии 12
	Анна ВЕРИНА Душевная проза, или Реабилитация совести <i>О рассказах Галины Прониной</i> . . 15
	Анна ЗУЕВА-ИЗМАЙЛОВА «Слово о полку Игореве» <i>К истории перевода на удмуртский язык</i> . 17
	Роза КИРИЛЛОВА Михаил Петров: <i>от века двадцатого к веку двадцать первому</i> 20
	Андрей КЛЕМЕНТЬЕВ Образ «своего» пространства в лирике пермских народов второй половины XX века 25
	Елена КРАСНОВСКАЯ Взор на обновленный край <i>О творчестве Василия Ванюшева</i> 27

ПРОЗА

	Рашида КАСИМОВА Дождь в декабре <i>Рассказ</i> 30
	Александр АБДУЛАЕВ Старухи <i>Рассказ</i> 32
	Галина ПРОНИНА На добрую вечную память <i>Рассказ</i> 35
	Олег СОВИН Фрустрация <i>Рассказ</i> 48
	Ольга ПАРФЁНОВА И жить не скучно <i>Рассказ</i> 52
	Ямиль МУСТАФИН Балалаечник <i>Рассказ</i> 56
	Виктор РОДИН Сырное счастье <i>Рассказ</i> 68

РЕЦЕНЗИИ

	Наталья СУРНИНА Внимание к слову звучащему <i>К выходу сборника Николая Дмитрошкина «Солнечный ветер»</i> 70
	Фаина БУШМАКИНА Размышления простого читателя <i>О романе Льва Роднова «Инвалид» и не только</i> 71

ПОЭЗИЯ

	Олег ХЛЕБНИКОВ «Я и сам такой же...»
	«Люди – это те, кого не трогать лучше...» <i>Стихотворение</i> 75
	«Был в молодости высокий...» <i>Стихотворение</i> 75
	«Вещи, как люди, вдруг пропадают куда-то...» <i>Стихотворение</i> 75
	«Откуда равнодушие это...» <i>Стихотворение</i> 75
	«Пишу приметы заката-восхода...» <i>Стихотворение</i> 75
	«Мы – люди Страстной субботы...» <i>Стихотворение</i> 76
	«Не зови меня в виртуальное ваше пространство...» <i>Стихотворение</i> 76
	«Синяк в пижамке, бабы-слобожанки...» <i>Стихотворение</i> 76
	«Не пишется больше о красоте природы...» <i>Стихотворение</i> 76
	Владимир ДЕВИСИЛОВ «Мне сегодня немного груститя...»
	Венский вальс <i>Стихотворение</i> 77
	Незнакомка <i>Стихотворение</i> 77
	Вопросы на закате <i>Стихотворение</i> 77
	Осень <i>Стихотворение</i> 77
	Наваждение <i>Стихотворение</i> 78
	Багряный лист <i>Стихотворение</i> 78
	Букетик мимозы <i>Стихотворение</i> 78
	Падает снег <i>Стихотворение</i> 78
	«Благодарю тебя за верность...» <i>Стихотворение</i> 78
	Валерий ИГНАТИК «Бог и так сделал столько всего для меня...»
	«На своих песнях соловьи...» <i>Стихотворение</i> 79
	«В рыбацких сетях задремавшего сада...» <i>Стихотворение</i> 79
	«Не печалься, так бывает...» <i>Стихотворение</i> 79
	«Из тряпья и другой чепухи...» <i>Стихотворение</i> 79
	«Меня снова бросает судьба...» <i>Стихотворение</i> 80

	«Листопад. И бьются листья...» <i>Стихотворение</i>	80
	«Постучусь в чужие двери...» <i>Стихотворение</i>	80
	«Все чаще в доме моем хлопают двери...» <i>Стихотворение</i>	80
	«В синих звездах окно...» <i>Стихотворение</i>	80
	«Ножам черными изрежут...» <i>Стихотворение</i>	80
	«Чтоб не было так страшно вам...» <i>Стихотворение</i>	80
	Александр ГРЕБЁНКИН «Буду жить и радоваться жизни...»	
	«Буду жить и радоваться жизни...» <i>Стихотворение</i>	81
	Возвращение в прошлое <i>Стихотворение</i>	81
	Дети войны <i>Стихотворение</i>	81
	Лето <i>Стихотворение</i>	81
	Дорога к дому <i>Стихотворение</i>	82
	Дядя Лёша <i>Стихотворение</i>	82
	«Любить тебя не перестану...» <i>Стихотворение</i>	82
	Мое поколение <i>Стихотворение</i>	82
	«По полю плыву, как по морю...» <i>Стихотворение</i>	82
	«Я родился в июне за год до войны...» <i>Стихотворение</i>	82
	Николай МРЫХИН «...Есть любовь и солнце после мрака»	
	«А часики идут...» <i>Стихотворение</i>	83
	Борщевик <i>Стихотворение</i>	83
	«В славном городе N мне знакомо все было и близко...» <i>Стихотворение</i>	83
	Земляки <i>Стихотворение</i>	83
	На спектакль «Айна» <i>Стихотворение</i>	84
	«Ночь подкралась, как волчица...» <i>Стихотворение</i>	84
	Осеннее <i>Стихотворение</i>	84
	Разговор с дворовым псом в распутицу <i>Стихотворение</i>	84
	Спасы <i>Стихотворение</i>	84

	ПУБЛИЦИСТИКА. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ. КРАЕВЕДЕНИЕ	
	Валентин КУДИНОВ Общественная палата Удмуртской Республики – институт гражданского общества	85
	Инна СЕРГЕЕНКОВА Гражданское общество в Удмуртской Республике: механизмы взаимодействия с властью	87
	Николай ВИТРУК Этнофутуризм в культуре удмуртского народа	92
	Маргарита ГРИШКИНА Природа: мачеха или матушка-кормилица? <i>О взаимодействии удмуртского крестьянства с природной средой</i>	95
	Николай МИТЮКОВ Баба Катя	102
	Светлана СКОПКАРЁВА «...И, как руда, пожертвовать собой»	106
	Татьяна ПАРМОН Родные и близкие	108
	Вениамин МОРОЗОВ-БАРИНОВ Пушкина в городе	111

	ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ	
	Милитина ГАВРИЛОВА-РЕШИТЬКО Незакатное солнце <i>К 45-летию со дня написания Михаилом Петровым поэмы «Италмас»</i>	112
	Нина ЕРМОЛАЕВА Цветок дружбы иммортель <i>К 75-летию со дня рождения Петра Чернова</i>	115

	ТЕАТР	
	Александр БЛИНОВ Борис Иванович Равенских, каким я его знал и помню	118
	Анна ЕВСЕЕВА Солнечный артист <i>Слово об Апполосе Перевошикове</i>	122
	Оксана ЗЕЛЕНИНА Сергей Кудрявцев – непревзойденный мастер сцены	124

	МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО	
	Ариадна ГОЛУБКОВА «Жаворонка солнечные песни...» <i>Книга о педагоге-композиторе Г.Н. Матвееве</i>	126
	Эльза БОРИСОВА Преодоление <i>О создании Государственного гимна Удмуртии</i>	128

	ДЕБЮТ	
	Анна БУБНОВА Калейдоскоп <i>Рассказ</i>	132
	Антон ПРОЗОРОВ «Облака кроить, синеву просеивать, ветер мять...» <i>Стихотворения</i>	140

УДМУРТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ФЕНОМЕН ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ ЭТНОСА

Чем старше становятся люди, живущие духовной жизнью, тем больше расширяется их умственный кругозор, тем более яснее их сознание; люди же, живущие мирской жизнью, с годами тускнеют все больше и больше.

Талмуд

Духовная основа политики России и принципы международного сотрудничества в условиях демократизации нашего общества – глобальная проблема, проблема государственной значимости, имеющая исторический аспект, связанный с менталитетом наций, интеллектуальным и культурным их развитием. Проблема духовной сущности политики любого государственного образования приобретает судьбоносное значение: определяет его место в цивилизованном мире, влияет на ход развития прогресса. Духовность политики, культура мышления – интеллектуальное достоинство государственного аппарата, имеющее и личностный аспект, связанный с общим уровнем духовного развития общества, уровнем развития наук и искусств.

Литература как составная часть культуры – визитная карточка любого государства, определяющая духовное лицо нации: Италия Данте и Петрарки, Россия Пушкина и Толстого, Англия Шекспира и Байрона, Франция Бальзака и Флобера, Удмуртия Верещагина и Герда.

Расцвет или крушение цивилизации, смена общественных формаций связаны с высоким или низким уровнем духовности политики: революционные катаклизмы, смена общественных укладов. Как пример, – политические потрясения во Франции в 1789, 1830, 1848 годах, Распутин и политика царского самодержавия в канун Февральской и

Октябрьской революций 1917 года в России.

Духовная основа политики связана с социально-экономическими проблемами общества, его благосостоянием. Нравственное здоровье нации зависит от направления деятельности государственной власти в области развития культуры, соблюдения и укрепления принципов общественной морали.

Сказанное выше имеет прямое отношение к тенденциям развития молодых финно-угорских литератур. Конспективно коснемся тех перемен, которые произошли в культурной и литературной жизни страны в связи с перестройкой и сменой социально-политического устройства.

С распадом Советского Союза разрушилась организационно и внутренне великая советская литература, перестал быть единым многонациональным литературный процесс, прекратил существование Союз писателей СССР как объединяющий центр национальных литератур, изменилась географическая карта литературы государства. Вместо единого Союза писателей возникло множество литературных союзов. На сегодня в Москве их 6, в Санкт-Петербурге – 3, в Чувашии – 3, в Якутии-Саха – 2. В финно-угорских республиках России – Удмуртии, Мордовии, Коми, Мари-Эл – таких разделений не произошло.

Причина распада творческих союзов мировоззренческая. В процессе борьбы против идеологизации литературы и искусства, по

существо, достигнута их политизация: писатели разделились по политическим пристрастиям. Как убедительный пример – Союз писателей России и Союз российских писателей в Москве.

Финно-угорские литературы – составная часть литературы России, но они имеют свою специфику развития. За исторически короткий период 100-150 лет сформировались и обрели свою стать литературы народов Удмуртии, Манси, Мари-Эл и другие, в которых проявились крупные творческие индивидуальности: Г. Верещагин и К. Герд в Удмуртии, И. Куратов – в Коми, С. Чавайн – в Мари-Эл, которые приобрели европейскую известность. Рождению молодых национальных литератур предшествовал длительный процесс создания тысячелетней книги фольклора, связанный с формированием самосознания народов, пути к себе и пути от себя, государственного мышления, освоением художественных традиций русской и мировой классики, опыта более развитых финно-угорских литератур: Венгрии, Финляндии, Эстонии.

Рождение литературы – это становление художественного метода, школ, стилевых направлений, возникновение творческих межрегиональных, международных связей путем участия в европейских конгрессах, конференциях, съездах финно-угорских писателей, выход в новое духовное пространство Европы, Запада и Востока, а также выработка основополагающих, в том числе, – организационных принципов бытования национальных литератур. Такова диалектика развития литературы любого народа.

Что характерно для современного состояния литератур бывших автономных республик? Стремление к духовной и творческой свободе, освобождение от сковывающих художественное сознание идеологических догм и нормативов, разрушение представления о социалистическом реализме как о господствующем методе. Выработка новых художественных принципов – это обращение к традициям «натуральной школы» русской литературы первой половины XIX века, внимание к «физиологическому» очерку, историческим жанрам, расширение тематического и жанрового диапазона, выход в открытое пространство родственных литератур, осмысление традиций фольклора с позиций современности, а главное, – стремление обрести свое достойное место в контексте развития многонационального литературного российского и европейского движения.

Эти перемены в культурном, духовном развитии финно-угорских народов происходят одновременно с формированием нового национального самосознания, углублением

государственного мышления с его тягой к суверенитету, президентству, с тенденциями к пересмотру исторических связей с Россией, политики царского самодержавия по отношению к «малым» народам, а также с переоценкой роли и значения христианизации.

В период ломки старого социального уклада жизни для литературы и искусства всех времен и народов свойственно обращение к прошлому. В национальной прозе становится важным «вопросать историю» (А. Юзыкайн – Мари-Эл, Г. Юшков – Коми, П. Куляшов – Удмуртия), в историческом романе усиливается внимание к архетипам, носителям, по выражению Бахтина, исторической памяти, к языческим сюжетам, к мифологическому мышлению, а также к истории христианства и православия. В Удмуртии прошли торжества по случаю 150-летия со времени выхода на удмуртском языке двух книг «Евангелия».

Заметно усиливается влияние фольклорных традиций на литературу и искусство, что сказалось на развитии драматургии, создании исторических хроник в духе Шекспира: «Эбга» П. Захарова, «Эш-Терек» Е. Загребина, в которых исторические факты XIII-XIV веков периода образования народа из разрозненных племен поэтизируются, облекаются в форму легенд, сказок. Следует вспомнить картины В. Белых, первый художественный фильм из истории удмуртского народа «Тень Алангасара».

Одновременно идет процесс переоценки художественных ценностей, не связанный с развенчанием кумиров или отказом от духовного наследия классиков, свидетельством чего явилось празднование 100-летия со дня рождения основоположников удмуртской поэзии Кузубая Герда, Ашальчи Оки, Михаила Петрова на российском уровне и уровне ЮНЕСКО.

Национальные литературы интенсивно изучают свою историю, свою культуру. Вышли Книги памяти, посвященные героям Великой Отечественной войны, Книги памяти писателей: Г. Красильникова, М. Лямина, Ф. Васильева, М. Петрова, Д. Яшина, К. Герда, С. Широбокова, Кедре Митрея, С. Самсонова. Обращение к мемуарам – особенность жанрового развития удмуртской литературы.

Есть основание утверждать, что литература финно-угорских народов обретает новый уровень исторического, философского, нравственно-оценочного мышления. Это сказалось и на поисках новых средств художественной выразительности, новых сюжетов, а также в стремлении к углублению психологизма, открытию новых черт характера национального героя в контексте

изменившейся социальной истории, в исследовании психологии общества, его социальных срезов (рассказы и повести удмуртов О. Четкарёва и В. Емельянова, русского В. Болтышева). Обращение к новым стилевым приемам – символическому, гротеску, фантазматической форме – характерно для молодой этнофутуристической прозы.

Молодые национальные литературы осмысливают проблемы: жизнь и смерть, добро и зло, человек и земля, человек в трех временных измерениях, человек в космическом пространстве (научная фантастика А. Андреева). А главное, – исследуются реалии изменившейся действительности: человек в водовороте драматических обстоятельств, в которых происходит обезличивание «я», попрание гуманистических, общечеловеческих ценностей (повесть Г. Перевощикова «Жестокосердие»).

В последних произведениях удмуртских поэтов и прозаиков заметно усиление внимания к язычеству, к нравственным заповедям христианства как к истокам милосердия, высокой морали. Однако заметна и такая особенность: из поэзии все больше уходят «вечные» темы: человек и природа, любовь. Поэзия приобретает публицистический, морализирующий пафос. Причины этих явлений – социальные, экономические. Но национальные литературы пополняют свой фонд за счет ликвидации «белых пятен», возвращения «потаенной» литературы – произведений репрессированных писателей.

В современных этнополитических условиях особую значимость в углублении творческих связей приобретает литературное двуязычие, которое выводит деятелей культуры на европейский уровень общения. Симпозиумы, конференции, конгрессы, съезды финно-угорских писателей, как правило, проходят на двух языках: русском и английском. Двуязычие финно-угорских писателей способствует и взаимным переводам с удмуртского на русский, с русского на удмуртский. Русский язык, являясь языком международного общения, способствует выходу финно-угорских литератур на европейский уровень. Переводы произведений удмуртских писателей на финский, шведский, эстонский, венгерский частично делаются с русских переводов.

В Федеральном Законе «О творческих работниках литературы и искусства и об их творческих союзах» (Постановление от 1 декабря 1999 года) сказано: «Целями настоящего Федерального закона являются создание правовых гарантий для обеспечения социальных прав творческих работников литературы и искусства независимо от их членства в общественных объединени-

ях творческих работников, а также правовое регулирование отношений, связанных с особенностями создания и деятельности творческих союзов и ассоциаций творческих союзов, в интересах сохранения и развития традиций отечественной литературы и искусства». К сожалению, сказанное остается пока добрыми пожеланиями в масштабах страны для творческих союзов.

Национальные литературы потеряли возможность выхода в российское культурное пространство. В московских издательствах «Современник», «Художественная литература», «Русская книга», «Современный писатель», редакциях столичных журналов ликвидированы редакции литератур народов России. Последняя удмуртская книга на русском языке – исторический роман М. Петрова «Старый Мултан» – вышла в издательстве «Современник» в 1990 году. Разрушен институт переводов с финно-угорских языков на русский. Российская критика перестала быть законодательницей общественного мнения, из ее поля зрения ушли произведения молодых национальных литератур. В Союзах писателей бывших автономных республик упразднены советы по критике, литературоведению, прозе и поэзии, советы по работе с молодыми. Новые литературные объединения не заполняют пробелов в воспитании молодой литературной смены. Коммерческие издания – газеты, журналы, альманахи – выражают «вкусовые» пристрастия новых слоев общества, в них почти нет места литературе и искусству.

В связи с изменением издательской политики в национальных республиках резко сократилось издание книг. Если в недавнем прошлом в Удмуртии издавалось 60-90 наименований в год, то в 1996 году – только 20, в 2001 – 11, в 2002 – 2 (имеется в виду государственное субсидирование). Издательское дело перестает быть государственным, а должно быть взято под особую опеку. Писатели, лишённые возможности выпускать свои книги, пишут в стол, а те, что все-таки издаются, не могут реализовать даже малые тиражи – 300-500 экземпляров.

Библиотеки в силу финансовых затруднений не могут приобретать новинки национальной литературы: художественной, научной. В районах закрыты книжные магазины. Писатели становятся «лоточниками», а литература – «вещью в себе».

Перед национальными литературами встал гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?». Если государство в корне не изменит отношение к социальному положению деятелей культуры, народу грозит духовное оскудение.

Материальная незащищенность писате-

лей (кроме Якутии-Саха, Орловской области и некоторых других), невозможность творческих командировок, творческих отпусков, работы в Домах творчества пагубным образом сказываются на развитии литературы. Творческая интеллигенция, творческие Союзы, по существу, оказались в социальном вакууме.

Вопреки сказанному, национальные литературы переживают своеобразный творческий «взрыв». Создаются произведения разных жанров, открывающие новые явления, нового героя действительности («Гололед» Г. Перевощикова, «Крушение трех иллюзий» Ф. Пукрокова), набирает силу интеллектуальная проза и поэзия (В. Ар-Серги, М. Федотов). Необходимо отметить положительную практику пропаганды лучших произведений финно-угорских писателей региональными журналами «Север», «Луч», «Ончико», в которых появляются переводы удмуртских и русских писателей на марийский, финский, русский языки.

В Венгрии, Финляндии, Эстонии за последние десятилетия вышли исследования по финно-угорским российским литературам (самая значительная работа – «История удмуртской литературы» венгерского ученого П. Домокоша, 1993), переводы произведений писателей, как теперь принято говорить, «титированных наций» (удмуртов, мари, коми, мордвы) на финский, эстонский и венгерский языки.

Жизнь и содержание литературы любого народа может претендовать на долговечность только тогда, когда в ней есть движение от национального к общечеловеческому, интернациональному. Этот процесс в настоящее время идет крайне медленно.

Что сделано руководством Удмуртской Республики, Президентом, Госсоветом, Правительством для улучшения социального положения писателей, деятелей культуры? Впервые в истории Удмуртии принят Закон Удмуртской Республики «О культуре», который предусматривает совершенствование системы социального обеспечения, будет способствовать свободе и независимости творческих работников и работников культуры, росту востребованности результатов их труда со стороны общества, содействовать расширению межнациональных и международных контактов.

В республике принято постановление Президиума Государственного Совета и Пра-

вительства «О государственной поддержке творческих союзов писателей, художников, журналистов, композиторов» (1995).

В проекте постановления Правительства Удмуртской Республики «Концепция государственной национальной политики Удмуртской Республики», подготовленном Комитетом по делам национальностей УР (ныне – Министерство национальной политики), в разделе «Национальное культурное развитие и сотрудничество народов Удмуртии» говорится: «Сохранять и обогащать историческое культурное наследие, иметь свободный доступ к национальным культурным ценностям, а также сохранить национальную самобытность языка, культуры».

Немаловажным фактором, определяющим в будущем развитие и подъем духовной культуры народов Удмуртии, является принятие Государственным Советом Закона о двух государственных языках – удмуртском и русском, Флага и Гимна Удмуртской Республики (авторы Т.Г. Владыкина и А.А. Шепталин).

Продолжая разговор о духовной основе государственной политики в свете состояния современных национальных литератур, необходимо высказать ряд практических предложений:

– Литературное дело должно стать составной частью государственной политики, проявляющейся в организации столичных и региональных издательств для переводов и изданий произведений национальных писателей финно-угорских литератур.

– В столичных издательствах должны быть восстановлены редакции по литературам народов России.

– Для жизнедеятельности Союзов национальных литератур в республиканские и областные бюджеты необходимо включать статьи расхода на материальную поддержку художников слова, деятелей культуры.

– Необходимо продолжить практику обсуждения состояния национальных литератур на секретариатах Союза писателей России, Международного сообщества писательских Союзов, на пленумах и съездах.

– Требуется восстановить в масштабах страны дни российской литературы, а также дни национальных литератур.

Многонациональная российская литература должна вернуть себе былую славу великой литературы, международный авторитет и признание.

Ирина Лова

11 октября 2011 года исполнится 160 лет со дня рождения Григория Егоровича Верещагина. Статьей Людмилы Анатольевны Богдановой мы начинаем цикл публикаций, посвященных первому удмуртскому писателю, просветителю, ученому.

Людмила БОГДАНОВА

кандидат филологических наук,
старший преподаватель
кафедры литературы ГПИ,
критик, литературовед

ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТОДА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЭМАХ Г. Е. ВЕРЕЩАГИНА

Григорий Егорович Верещагин – один из плеяды деятелей удмуртской культуры. Его с полным правом можно назвать энциклопедистом. «Зналок быта, нравов, фольклора своего народа». (Богомолова З.А. Песня над Чепшой и Камой. М., 1981, стр. 25). Педагог и этнограф, общественный деятель и талантливый писатель – все это сказано об одном человеке. Именно с его произведений начинается история удмуртской литературы.

Казалось бы, не должно остаться загадок в творчестве Верещагина, но до сих пор, обращаясь к поэтическому наследию одного из виднейших удмуртских просветителей, мы делаем для себя все новые и новые открытия.

Серьезное место в творчестве художника занимают поэмы, написанные как на удмуртском («Золотая рыбка», «Богатырская одежда»), так и на русском языках («Загубленная жизнь», «Скоробогат-Кашей»).

Жанр позволял поэту обращаться к анализу самых различных сторон общественной жизни и проявлять свое отношение к тем или иным явлениям. Лиро-эпические произведения Г.Е. Верещагина – это, прежде всего, глубоко личные размышления о природе человека вообще и современника в частности. В его русскоязычных поэмах прослеживается обращение к проблемам, волновавшим в конце XIX века многих писателей России. Власть денег, социальная несправедливость, трагедия «маленького человека», падение нравов, пьянство и т.д. – все это нашло отражение в произведениях Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ф.М. Достоевского и других художников.

Г.Е. Верещагин продолжает традиции русской классической литературы. Его по-

эмы «Загубленная жизнь» и «Скоробогат-Кашей», созданные в 90-е годы XIX века, представляют собой социальное, психологическое, философское исследование жизни. Но если «Загубленная жизнь» достаточно четко видится как стихотворное повествование о судьбе маленького чиновника, не выдержавшего ударов судьбы, спившегося и ушедшего из жизни незаметно для других, то «Скоробогат-Кашей» представляется нам сложным по замыслу, композиции, особенностям метода произведением.

Хотя говорить о художественной самостоятельности поэта достаточно проблематично, правомерно заметить, что любая литература начиналась с ученических, подражательных опытов. Кроме того, сам Верещагин в своеобразном лирическом обращении к друзьям в «Предисловии» к поэме «Скоробогат-Кашей», предупреждая высказывания будущих критиков, пишет:

Вам не найти в труде моем

Отборных фраз и мыслей новых...

(Верещагин Г.Е. Скоробогат-Кашей. Поэма. Сборник статей: Вопросы своеобразия жанров удмуртской литературы и фольклора. Ижевск, 1983, стр. 101. – Здесь и далее поэтические тексты Верещагина даются автором со ссылкой на это издание. – *Ред.*)

Молчать поэт не мог: накопленный жизненный материал, состояние души требовали воплощения в литературных произведениях. Взяв в учителя А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, Г.Е. Верещагин берет за перо. Влияние русской классической литературы разных периодов, серьезное знание удмуртского фольклора, практическая просветительская деятельность самого писателя – все это

в итоге воплотилось в его произведениях, сплелось в такую сложную художественную мозаику, что более или менее четко обозначить принадлежность Верещагина к какому-либо методу, пожалуй, невозможно.

Исследователи достаточно осторожно отмечают обращение писателя к *реальным* сюжетам, его *критически-разоблачительные* позиции, движение от *романтического* изображения жизни к воспроизведению и разоблачению *реальной* действительности. (Ермаков Ф.К. Удмуртская поэма. Историко-литературный очерк. Устинов, 1987, стр. 20). И все-таки вопрос о художественно-эстетических позициях поэта пока остается открытым.

С этой точки зрения небезынтересно будет обратиться к рассмотрению художественных особенностей поэмы «Скоробогат-Кашей». Произведение объемно и сложно по структуре, состоит из предисловия и семнадцати глав (всего 1792 строки). Как замечает А. Уваров во вступительной статье к поэме, «созданию выпуклого, колоритного сатирического образа центрального персонажа способствуют и красочные описания природы, лирико-философские отступления, возвышенные рассуждения о смысле жизни». (Уваров А. К публикации поэмы Г.Е. Верещагина «Скоробогат-Кашей». Сборник статей: Вопросы своеобразия жанров удмуртской литературы и фольклора. Ижевск, 1983, стр.97).

Действительно, композиция поэмы сложна и неоднородна. Особое место в произведении отводится лирическим размышлениям, отступлениям и обращениям. С первых строк перед нами предстает романтический образ автора:

Я жил у камских берегов,
Как на берегах Амура ссыльный,
Гонимый злобою богов,
Под игом службы непосильным
И светлых праздников не знал...

«Гонимый злобою богов» «отверженник судьбы» в то же время окружен вполне реальным миром. В духе Достоевского описывается быт художника:

Квартиру с запахом могильным
Почти день каждый проклинал,
Она и стоила проклятья
За сырость, плесень и грибы...

Тем не менее, проблемы реальной жизни не мешают поэту «петь»

...алмазных звезд мерцанье
Среди божественных ночей,
И солнца яркое сиянье,
И теплоту его лучей...

Свои размышления автор завершает обращением к друзьям (любопытно сравнить поэтические строки Верещагина с отрывком

из пушкинского «Евгения Онегина»):

В моей бесхитростной поэме
Заметных тоже нет плодов,
Какие редкие в Эдеме
Среди божественных даров.
Примите ж плод моих сидений
Среди безмолвной тишины
В часы свободные мышлений
Под диском северной луны.

(Г.Е. Верещагин. Предисловие к поэме «Скоробогат-Кашей»).

...рукой пристрастной
Прими собранье пестрых глав...
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

(А.С. Пушкин. Предисловие к роману «Евгений Онегин»).

Много места в поэме отводится пейзажу. Верещегинские зарисовки природы возвращают нас к рубежу XVIII–XIX веков в русской литературе. Именно в этот период любимой русскими поэтами становится тема «прогулок на кладбище», позволявшая задуматься о смысле человеческой жизни, направлявшая читателя на добрые чувства. Тема эта часто пересекалась в лирических произведениях с мрачными макферсоновскими ночными пейзажами и размышлениями в стиле Ж.-Ж. Руссо о «естественном» человеке. В России эта тема проявилась в творчестве М. Хераскова, Г. Державина, Н. Карамзина, В. Жуковского.

Интересно сравнить, например, строки из перевода Жуковского элегии Т. Грея «Сельское кладбище» и поэтические размышления Верещагина о жизни и смерти. У Верещагина:

Науки трутник, иль пиит,
На лире стройной петь избранный
Красу божественных харит,
Иль селянин простого рода,
Проведший жизнь в семье родной, –
Не разбирая, мать-природа
Всех обращает в прах земной...

У Жуковского:

А ты, почивших друг, певец уединенный,
И твой ударит час, последний, роковой,
И к гробу твоему, мечтой сопровождаемый
Чувствительный придет услышать
жребий твой.

Быть может, селянин с почтенной селиною
Так будет о тебе пришельцу говорить:
«Он часто по утрам встречался здесь со мною,
Когда спешил на холм зарю предупредить»...
(Жуковский В.А. Сельское кладбище. Русская поэзия XIX века в 2-х томах. М., 1974. Том 1. Стр. 14).

Но элегические мотивы и в творчестве

В.А. Жуковского, и в поэме Г.Е. Верещагина могут сменяться романтической фантастикой. У Верещагина:

Над ними филин лишь когтистый
Угрюмо где-нибудь сидит,
Смотря на ряд могил бугристый,
Средь ночи лунной говорит:
«Лежите, мертвецы глухие,
Покой в утробе вам земной,
Я ваши косточки сухие
Здесь стерегу порой ночной...».

У Жуковского:

Что же, что в очах Людмилы?
Камней ряд, кресты, могилы
И среди них божий храм.
Конь несется по гробам;
Стены звонкий вторят топот,
И в траве чуть слышный шепот,
Как усопших тихий глас...
Вот денница занялась...

(Жуковский В.А. Людмила. Русская поэзия XIX века в 2-х томах. М., 1974. Том 1. Стр. 24).

У Верещагина кладбищенский пейзаж сочетается с философскими мыслями о неизбежности, неотвратимости смерти. Наблюдается поразительное сходство взглядов удмуртского поэта с лирическим мироощущением поэтов рубежа XVIII–XIX веков, в частности, – Г.Р. Державина. Сравним некоторые строки. У Верещагина:

Сегодня точно новоселье,
Пирушки, шутки, хохот, смех,
Забавы, буйное веселье –
Подлунной жизни вольный грех.
А завтра – тошнотные вздыханья,
Печаль – веселия венец,
Там – слезы горькие, рыданья,
И пиру жизни там конец...

У Державина:

Утехи, радость и любовь
Где купно с здравием блистали,
У всех там цепенеет кровь,
И дух мятется от печали.
Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались клики,
Надгробные там воют лики,
И бледна смерть на всех глядит...

(Державин Г.Р. На смерть князя Мещерского. Русская поэзия XVIII века. М., 1972. Стр. 546).

Постепенно к последним главам все чаще у Верещагина начинают проявляться элементы классического романтического пейзажа: *ночной мрак, серебристая луна* и т.д.:

Полночный час. Везде во граде
Царит немая тишина.
В своем серебряном наряде
По небу шествует луна.
Ее кругом сопровождают
Планеты разных величин...

Достаточно близок романтическому пейзажу образ главного героя. Исследователи до сих пор отмечали сатирические мотивы в изображении Скоробогата-Кащея. Не отказываясь от данной мысли, хочется обратить внимание на некоторые детали в изображении главного персонажа. Перед нами глубоко одинокий человек. Уродство героя отталкивало от него людей на протяжении всей жизни: в детстве не было друзей, в юности его не могли полюбить девушки, он не смог, а позже уже не хотел создать семью, рано потерял родителей, скоропостижно ушел из жизни единственный близкий друг, герой сам сбежал от приемного отца. На пороге смерти Кащей вспоминает свою жизнь:

Я в детстве, мать-отца лишенный,
Стал одиноким сиротой,
Как бурным ветром отдаленный
Листок от ветки молодой.
Во граде был купец известный,
Старик, бездетный миллионер,
Правдивый, сердобольный, честный,
Хотя немного двоевер.
Меня он взял к себе охотно,
Вскормил как сына, воспитал,
Мне волю торговать свободно
Своим товаром всяким дал.
Ему за все благодеянья
Я делом подлым отплатил...

Образ оторванного от родной ветки листка, гонимого по миру злым роком, знаком нам по романтической поэзии М. Лермонтова. Более того, нам вспоминается лермонтовский Демон, когда мы замечаем, что одиночество верещагинского героя обретает вселенские масштабы: обозленный на жизнь и людей, Кащей приближается в своих мыслях к царству преступного Люцифера:

Своими тихими мечтами
Носился, сидя под ветлой,
Он высоко над облаками
В лазури неба голубой,
Вперяя взор туда прискорбный,
Как обескрыленный орел...
Где мыслит Люцифер преступный,
Навеки брошенный творцом:
«Когда-то, в злобе недоступный,
Я был небесных сил венцом,
Тогда, творцу покорный, свято
Его веленье исполнял,
Как полированное золото,
Своею святостью блистал;
Но вдруг паденье совершилось,
И стал я зваться «сатаной».
Творца проклятье разразилось
На веки вечны надо мной...».

Скоробогат-Кащей подвержен только одной, но всепоглощающей страсти: всю свою жизнь он посвятил накопительству. Но чем больше было денег в его подвалах, тем бы-

стрее уходили из Кашея жизненные силы. Верещагин называет состояние героя «неизлечимой болезнью»:

...Жалел подать рукой скупой
Какой-нибудь сиротке бедной,
Лихой обиженной судьбой.
Вдовам, просящим «на детишек»,
Велел при встречах проходить,
Давал совет им: ребятишек,
Себе подобных, не плодить,
Калекам говорил, что могут
Ручным заняться ремеслом,
Что если «есть, одеться хотят»,
Пускай идут в рабочий дом.
И для себя жалел. Порою
Питался кашею одной
Да толокном, и то с водою,
Еще похлебкою мучной...

И снова вспоминаются герои классической русской литературы: гоголевский Плюшкин, Иудушка Головлёв М. Салтыкова-Щедрина, пушкинский Скупой рыцарь с его тяжелыми, мучительными думами:

Кто знает, сколько горьких воздержаний,
Обузданных страстей, тяжелых дум,
Дневных забот, ночей бессонных мне
Все это стоило?..

(Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-ти томах. М., 1981. Том 4. Стр. 280).

Галерея скряг, уходящая корнями в античную литературу (комедии Плавта), продолженная мольеровским Скупым, к человеческому ужасу, не заканчивается именами названных героев. Более того, будто заглядывая в душу читателей, Верещагин замечает: «Ведь деньги все, друзья, мы любим...».

Автор поэмы, выходя из рамок романтизма, обращается к изображению реальной действительности: прежде всего Верещагина ужасает пьянство в России. Поэт солидарен в своем гневе с Н.А. Некрасовым, Ф.М. Достоевским, М.Е. Салтыковым-Щедриным, обличавшими государственную политику российских властей, потворствующих развитию зла, поддерживающих процветание питейных заведений. Сравним, например, нагнетание мрачных красок в «Преступлении и наказании» Ф. Достоевского и в поэме Г. Верещагина.

У Достоевского: «Нестерпимая же вонь из распивочных... и пьяные, поминутно попадавшиеся, несмотря на буднее время, довер-

шили отвратительный и грустный колорит картины...». (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Ижевск, 1983. Стр 6).

У Г. Верещагина:

В его «питейных» распивали
Сильней сивуху среди ночей,
Они без «пьющих» не бывали,
Вино лилось в них, как ручей.
Стоял в них до полу дым едкий
И смрад противный от кутил,
И дух бочонков винных мерзкий –
Как дух мертвецкий от могил.
Хмельные все в них были дики,
Безумны, грубы их слова...

Таким образом, неожиданно логика поведения романтического героя социально обусловливается. Воспитанный в духе поклонения *копейке*, он всю жизнь ставил ее выше всего остального: выше человеческой благодарности, общения, доброго отношения с другими людьми. Герой загнал себя в тупик, в котором оставалось только одно: взглянуть в глаза беспощадной совести и умереть от ощущения непоправимости всего, что произошло в его жизни.

Поэма заканчивается гибелью героя, а значит, с точки зрения автора произведения – просветителя и проповедника, – уничтожением некой социальной болезни, сочетающей в себе как неотъемлемые части корысть, одиночество и злобу.

Анализируя поэму Г. Верещагина, мы заметили глубокое влияние на удмуртского поэта не только творчества отдельных писателей. Логика развития самой русской литературы отразилась в поэмах удмуртского художника: сентиментально-романтические черты в одном произведении переплетаются с обличительным пафосом, характерным для реалистической литературы.

Еще раз обозначая глубокое влияние на поэта русской классики, стоит отметить особое значение для культуры Удмуртии его творческого наследия. Талантливый педагог, просветитель, этнограф, он взялся за перо для того, чтобы донести до удмуртского читателя те гуманистические идеи русской литературы, что привлекли и его самого. Задача была выполнена. При этом у удмуртского народа появился писатель, приблизивший свою нацию к мировым ценностям и познакомивший мир с достижениями и вершинами культуры своего народа.

Людмила БУСЫГИНА

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Лаборатории лингвистического
картографирования и исторической
лексикологии ФУНОЦГТ УдГУ

СОЛНЦЕ КАК СИМВОЛ ГАРМОНИИ ЖИЗНИ В УДМУРТСКОЙ ПОЭЗИИ

«Эше, тон оскы, жужалоз
Шудлэн яркыт чыж инльöлез...».
Жужаз со!
Шунды жужаз, поэт!..
Тон кырзäд...
Калыклэсь сюзэмзэ
Кырзанэн шунтыльд,
Зарни инльöль жужанлы
Оскыны дышетйд...
Тон памятник
Аслыд лэсьтйд,
Гений – поэт,
Даурьёс чöже
Быронтэм!

(Петров М.П. Люкам сочинени-
ос: Кылбурьёс, кыржаньёс, поэмаос: 6 томен.
Ижевск: Удмуртское книжное издательство,
1959. Т.1. Стр. 227).

«Друг, ты верь, взойдет она,
Счастья яркая заря...».
Взошла она!
Взошло солнце, поэт!..
Ты пел...
Сердце народа
Песней согревал,
Восходу золотого солнца
Верить научил...
Ты памятник
Себе воздвиг,
Гений-поэт,
На века!

(Здесь и далее подстрочный пере-
вод автора статьи. – *Ред.*).

Нетрудно заметить перекличку строк сти-
хотворения М.П. Петрова «Шунды жужаз» со
строками великого русского поэта А.С. Пуш-
кина и классика удмуртской литературы
Кузубая Герда. До боли в сердце узнаваемы
образы, созданные поэтом М. Петровым: то
это пахарь, сеятель, то гуслиар, воздвигшие
себе «памятник нерукотворный» – поэзию,
живущую в народе, в его памяти.

Художественное совмещение образов поэ-
та и поэзии не случайно. В.И. Чулков, обосно-
вывая параллель между Кузубаем Гердом
и А.С. Пушкиным в своей статье «Свободы
сеятель пустынный...», писал: «Потомки на-
зывают их основоположниками, пролагате-
лями новых путей, от их творчества отсчиты-
вают и с ним сверяют все, что происходило в
литературе потом». (Чулков В.И. «Свободы
сеятель пустынный...». Как молния в ночи...
К. Герд. Жизнь. Творчество. Эпоха. Ижевск,
1998. Стр. 28). Для М. Петрова поэзия Ку-
зубая Герда и А.С. Пушкина явилась своего
рода точкой отсчета и точкой опоры.

Интертекстуальное поле его стихотворе-
ния позволяет говорить об этических пред-
почтениях поэта, его нравственно-эстети-
ческих ценностях, идеалах, более того: оно
в известной степени позволяет судить о его
мировоззрении, отношении к окружающему
миру и проблемам окружающей его социаль-
ной среды. В стихотворении автор выражает
чувство большого уважения и преклонения
перед творчеством русского художника сло-
ва, а между строк сквозит чувство призна-
ния высокого таланта «запрещенного» еще
в то время поэта Кузубая Герда. (Кузубай
Герд был реабилитирован лишь в 1958-м,
окончательно – в 1977 году).

Стихотворение М. Петрова – своеобраз-
ный акт признательности своим учителям,
преклонения перед их талантом. В те дале-
кие 30-е годы прошлого столетия, когда, по
мнению З.А. Богомоловой, началась травля
Кузубая Герда, молодой М. Петров предла-
гал своему другу уехать. Но поэт, уверенный
в своей невиновности и правоте, отказался
скрываться и продолжал работать, писать.
Следует признать, что в 1920-х он активно
воздействовал на формирование и развитие
удмуртской литературы. Благодаря его ста-
раниям выросла целая плеяда удмуртских

писателей: Ашальчи Оки, Айво Иви, М. Тимашев, А. Клабуков и другие. В этом ряду, несомненно, был и Михаил Петров.

Художественные системы Кузубая Герда и Михаила Петрова сформированы под влиянием традиций удмуртской культуры и развивались в одном культурно-историческом пространстве, поэтому многие темы, образы, мотивы в их творчестве сходны и перекликаются.

Примечателен в этом плане образ золотого солнца – символ прекрасного будущего, счастья, свободы. Образ солнца и его золотой цвет – своего рода высшая точка устремлений поэтов. Как пишет Кузубай Герд в своем стихотворении «Зарни шунды жужалоз!», впоследствии ставшем гимном удмуртского народа:

Зарни шунды жужалоз!
Калыкъяслы шуд ваёз.
Золотое солнце взойдет!
Народу счастье принесет.

С золотым солнцем художники слова связывают все свои мечты и надежды. В нем – и романтические порывы души, и ностальгия по невозвратно ушедшей старине, и светлая, святая надежда на будущее, на новый, свободный мир. Для М. Петрова солнце – это еще и источник света, добра, объект, побуждающий к жизни, росту, созиданию. Для его лирического героя – сеятеля – порой важно даже не семя, упавшее в почву, а то, каким будет греющее землю солнце, поможет ли оно семени прорасти и созреть:

«...Мукетыз ке шунды жужасал». Ю тысен валче
Дауръяс чоже
Кизизы калыкъяс сыче малпанзэс.

(Петров М.П. Люкам сочинениос: Кылбуръяс, кыржанъяс, поэмаос: 6 томен. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1959. Т.1. Стр. 79).

«...Если бы другое солнце взошло». Вместе с семенами
Веками
Сеял народ такие мысли.

Этот образный ряд в поэтической системе Кузубая Герда и М. Петрова дополняет серебряный месяц (луна). Она не противопоставлена образу солнца, что, собственно, не противоречит и воззрениям удмуртов. (Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. Стр. 70). В их художественном мире луна, как и солнце, выполняет роль светила, несущего в народ свет и счастье, ассоциируется с будущим. Здесь, возможно, уместно говорить вообще о небесном свете как о мечте, к которой направлена поэтическая мысль. Например, в элегии Кузубая Герда «Гужемлэн жытэз» («Летний вечер») ночное небо

безлунное, но окрашено пламенем звезд. На этом фоне представлен монолог-размышление лирического героя о друге, посаженном в тюрьму за стремление освободить народ из-под царского гнета. Сияние звезд соотносится с трагической судьбой единомышленников поэта – борцов за народное счастье. Трагизм, безысходность ситуации усиливает тема воздуха, пропитанного кровью, его нехватки в эту летнюю ночь. И все же детали природы в стихотворении насыщены оптимистическим настроением:

Ожыт улса толэзь жутскоз –
Югыт кароз.
Немного погода луна взойдет –
Свет прольет.

В данном контексте луна и ее свет семантически сопоставимы с образом солнца.

В лирике М. Петрова наблюдается обилие «лунных» мотивов: тыр толэзь 'полная луна', толэзь югыт 'свет луны', вазь кизили 'ранняя звезда', среди которых наиболее значимым является образ полной луны (тыр толэзь). В ней поэт зафиксировал переполняющие лирического героя чувства, будь то любовь или ненависть, добро или зло, воплотил свою безграничную веру в счастье, в светлое будущее родного народа. В данном случае акцент смещается на символический образ полноты. Образ полной луны дополняют картины поля с полными зерен колосьями, вид полных колосьев: тыр шепась ю бусыын 'в колосьящемся поле ржи', тыр юос ветгаско тул-кымен 'полные колосья колыхаются волнами', Шулдыресь кырзанме мон нуо лудъясы, /Зарни шеп йыръясы тыр тысен кисьтыло 'Веселые песни я в луга унесу, /На золотые колосья полными зернами их я пролью'. Семантика звенящего золотистыми, полными колосьями ржи поля, полной луны, сопутствующая им цветовая палитра (переливающиеся и звенящие краски: чильчильяс, чальтыр-чальтыр, чыж-чыжыт, лызчагыр, чуж зарни) напоминают об утопическом мире праздника, мире вечного солнца и счастья.

Дополняют этот мир цветы, семантика которых в лирике Кузубая Герда и М. Петрова также широка и многообразна. Но в используемых поэтами словах сясъка 'цветок' и сясъкаяськыны 'цветистый', в мотивах цветения в большинстве случаев запечатлен образ советской страны, воплощена тема советской жизни как счастья.

Новая страна для Кузубая Герда, к примеру, это – огромное Поле, где Бусы – бадзым Будзын крезь 'Поле – большие Великие гусли', где яркие краски счастья цветения: Сюлмам жужаз горд сясъка /Май толэзь кадь горд луи 'В сердце взошел красный цветок – /Красным стал, как месяц май', Мак сясъ-

ка кадь горд луи 'Красным стал, как маков
цветок', Лыз гырлыос-шыркунъёс, /Чуж но
тӧды сяськаос / Тулыс возь вылын 'Синие
колокольчики, /желтые и белые цветы /
Весной на лугу', Чыртыям – /Гордкышет, /
Синъёсам – /Горд сяська! 'На ше – /Крас-
ный платок, /В глазах – /Красные цветы'.

Мотивы цветения и молодости, раз-
вивающиеся применительно к образу со-
ветской страны, в 1930-е годы стали рас-
пространенными поэтическими приемами.
Можно вспомнить поэму В. Маяковского
«Хорошо!», песни В. Лебедева-Кумача «Цве-
тет красотой небывалой народного сча-
стья весна», «Как яблонь цвет, краса твоя».
«Цветовые ассоциации, вызванные мотивом
цветения, приобрели характер общепо-
требительных штампов в массовых песнях
30-х годов». (Фоменко Л. Краски и звуки
«Счастливой Москвы». «Страна философов»
Андрея Платонова: Проблемы творчества.
По материалам III международной научной
конференции, посвященной творчеству А.П.
Платонова (26-28 ноября, 1996. М., 1999.
Стр. 176).

И в поэзии М. Петрова образы цветения и
цветовые ассоциации становятся символом
социализма, в них воплощаются абсолют-
ные советские ценности:

Сяськаясь сад выллем вордӱськем шаертӱз
Пумысен пумозяз ортчылэ.

По зацветающему, как сад, родному краю
Проходит от края до края.

(Петров М.П. Люкам сочинени-
ос: Кылбуръёс, кыржанъёс, поэмаос: 6 томен.
Ижевск: Удмуртское книжное издательство,
1959. Т.1. Стр. 126).

Сяськаё возь выл кадь ик

Шулдыр шаере

Туннэ

Кисьтаське

Пачылэс шудбурен.

Подобно цветущему лугу,

Красива моя страна.

Сегодня

Переливается,

Переполняется счастьем.

(Петров М.П. Люкам сочинени-
ос: Кылбуръёс, кыржанъёс, поэмаос: 6 томен.
Ижевск: Удмуртское книжное издательство,
1959. Т.1. Стр. 63).

М. Петров видел и изображал будущее
в радужных тонах, воплощая в стихах извеч-
ную мечту человечества о гармоничной и ра-
достной жизни.

Но в отличие от романтических, радуж-

ных, ярких оттенков поэтического мира
М. Петрова художественное пространство
Кузубая Герда в стихотворениях позднего
творческого периода порой освещается хо-
лодным светом электричества. Этот свет, с
одной стороны, – образ, воплощающий идеи
передовой мысли, научно-технического про-
гресса, с другой, – это не совсем реальный,
скорее искусственный свет, который приво-
дит к мысли, что постепенный отказ поэта
от красок – это, возможно, не эстетическая
позиция автора. Возможно, – это отказ от
мечты и счастья, реализацию которых поэт
не видит. Быть может, в изменениях цвето-
вого фона поэзии отразилось его психологи-
ческое состояние в конце 1930-х годов, когда
он уже был практически лишен творческой
свободы.

Тяжелая обстановка в писательских ря-
дах, атмосфера жестокой травли, а затем во-
йна наложили свой отпечаток на характер,
судьбу М. Петрова, на его мироощущение и
миропонимание, но, в отличие от Кузубая
Герда, в душе он смог остаться лириком, ро-
мантиком. Об этом он говорит в своем пись-
ме журналисту К.А. Камскому (Потеряеву):
«Когда я так один на один думаю о поэзии,
о своих стихах, перспектива меня часто пугает,
с меня будут требовать стихи тяжелые,
точно вот такие же, как эти охающие разры-
вы наших бомб <...>, но я едва ли смогу пе-
реключиться и забыть свой лирический тон.
Вот, например, с час тому назад мы стреля-
ли по самолетам трассирующими пулями
– как красив их яркий полет...». ((Письма
огненных лет. 1941–1945. Составители С.П.
Зубарев, Р.А. Ислентьева, Л.Ф. Сентемова.
Устинов: Удмуртия, 1985. Стр. 105).

Действительно, в художественном мире
Кузубая Герда и Михаила Петрова можно
обнаружить большое количество сходных
моментов, различного рода пересечений. Но
при этом лирическая система каждого из
них принципиально отличается. Бесспорно,
в реалистической концепции мира Кузубая
Герда присутствует романтизм, но у Михаи-
ла Петрова романтический тип мироощуще-
ния заметно преобладает над реализмом.

Но средствами реалистической ли по-
этики, или средствами романтического от-
ражения действительности поэты в своих
произведениях ярко осветили действитель-
ность с разных сторон, отразили особенности
крайне неоднозначного и противоречивого
времени, оставив на века память для поко-
лений.

Анна ВЕРИНА

русская поэтесса,
прозаик,
член Союза писателей России

ДУШЕВНАЯ ПРОЗА, ИЛИ РЕАБИЛИТАЦИЯ СОВЕСТИ О РАССКАЗАХ ГАЛИНЫ ПРОНИНОЙ

Большинство живет в ритме непрерывного решения только самых насущных житейских проблем. Но, к счастью, не все. Есть категория людей, которым интересны события прошлого, настоящего и даже будущего. Они не просто собирают и фиксируют различные проявления жизни, но и спешат поделиться своими наблюдениями и историями со всеми. Активная жизненная позиция автора – это не только индикатор таланта, но и одновременно гарантия будущего успеха.

Рассказы Г. Прониной написаны в жанре журналистских очерков о реальных событиях и людях. Живые сцепления фактов, фрагменты мозаики нашей жизни, недавно прошедшей и настоящей, описаны со знанием дела, чему способствует богатый жизненный опыт автора. Другими словами, это свидетельский документ эпохи. Ее проза отвечает главным требованиям документалистики – это строгость и правдивость как источник надежных сведений для потомков.

Живая жизнь – вот главный и основной элемент прозы Г. Прониной. Причем, жизнь, описанная с редкостной человеческой теплотой и деликатностью. «Душевная проза» – так хочется обобщенно охарактеризовать все произведения Галины Прониной. Ее проза – сильное вложение в общую память человечества. А память является основой любой культуры.

«Единство содержания и формы» – это не только традиционное заклинание большинства критиков и литературоведов, но и главное условие полноценности и цельности любого произведения. И это единство присутствует в рассказах, которые подготовила для публикации Галина Николаевна. Почти все они знакомят читателя и с жизнью людей, прошедших через военные ужасы, и с

послевоенным поколением, которому достались отзвуки грозной и беспощадной войны. И в каждом без исключения повествовании поражает глубокая доброта автора к героям своих очерков. Происходит сохранение и оформление реального прототипа и протофакта – определенного человека и жизненного события – в детали художественного повествования. Автор понимает этих людей, обстоятельства их жизни и раскрывает читателю их внутренний мир. Важная особенность прозы Г. Прониной – отсутствие модного и красивого пустословия.

В ее прозе нет ярких и бурных романтических страстей, но многие прозаические вещи несут в себе широкий общечеловеческий смысл, в котором незримо присутствует общая мысль о главной человеческой ценности – о жизни в согласии со своей совестью.

Г. Прониной не чужд и сатирический жанр. «Юбилей» – вполне удавшийся рассказ в стиле незлой иронии. Если рассматривать его в рамках современной литературной продукции писателей Удмуртии, он несет в себе определенные черты новизны. Тем не менее, текст все же требует небольшой доработки – сокращения длиннот и более удачного построения некоторых фраз. В этом рассказе хорошо показана динамика живой речи.

Вообще, ирония – способ самозащиты очень чувствительной и ранимой (читай, «бескожей») души человека, часто свойственный утонченным натурам. Автор, по видимому, хорошо знаком с душевной болью, которая чаще бывает невыносимей, чем физическая. Поэтому ее ирония не злая и сопровождается доброй и прощающей улыбкой автора. Она просто представила читателю человека, героиню рассказа с ее,

в общем-то, почти безобидными привычками. Портреты героев выписаны скупыми, но точными словами, не остается сомнительного недоумения – кем является герой повествования, какова его душа.

Суть таких произведений не стареет и не изменяется, так как, отражая особенности человеческого характера, они универсальны для любого времени. Изменяются условия существования человеческой цивилизации, но жизнь и внутреннее пространство души человека останутся теми же, со своими извечными проблемами и противоречиями.

В словаре автора присутствуют яркие, самобытные народные выражения. Почти во всех рассказах читатель встречает слова уходящего бытового уклада, речевые особенности народа, которые имеют давние и глубокие корни. При этом острый и точный язык прозаика легко согласуется с неизменной доброжелательностью.

В лексике нет экспрессивности, повествование льется легко и спокойно, и при чтении возникает четкая картина происходящего. Нет ни комсомольского максимализма, ни наивного оптимизма, а только максимальный реализм фактов. Видно, что автор не выносит пафоса, даже искреннего, очень чуток к фальши. Он обладает притягательным обаянием, в котором сочетаются насмешливый ум и эрудиция, причем насмешливость не уничижительна. И в то же время между строчек прозы Г. Прониной проглядывают признаки внутренней чистоты и остатки былого наивного романтизма.

В своих рассказах автор невольно раскрывает глубинные черты своего собственного характера, своей личности. Это умный и, что очень важно, спокойный и рассудительный человек, хороший повествователь, обладающий здравомыслием, железной логикой и одновременно сильно развитым воображением, что довольно редко сочетается в одном человеке. «Человек должен жить по совести!» – это, на мой взгляд, основная идея не только произведений писательницы, но и всей ее натуры в целом.

Многообразие тем, затронутых Г. Прониной, свидетельствует о широте кругозора автора. Она умеет многое услышать и увидеть из того, что происходит вокруг, она вдумчивый и внимательный наблюдатель. Ей присуща поразительная трезвость взгляда на жизнь, отсутствие стремления к кричащей эффектности, что в современной писательской продукции, наверно, выглядит как своего рода ересь. Особенно привлекают легкая, обыденная простота, предельная правдивость описываемых событий без эгоистического стремления добавить к описанию собственное отношение. Но нет и холодного

равнодушия. В основе всех произведений – терпимое или, как ныне модно говорить, толерантное отношение к чужим мнениям. И, главное, – уважение к простому человеку независимо от его профессии, социального положения или национальности. В этом проявляется внутренняя свобода автора.

Помимо всего, Г. Пронина обладает высоким уровнем той внутренней культуры, которая произрастает, независимо от образования, из народных обычаев, семейных традиций и памяти рода. Можно привести примеры природной внутренней культуры, вспомнив таких известных талантливых и творческих людей, наших земляков, как поэт О. Поскрёбышев, художник А. Ложкин, филолог Н. Прокуровская, поэт М. Зимина, ученый В. Туганаев.

Автором накоплен хороший фактический материал, человек «создал» прочную начальную «ступеньку» своей творческой лестницы. Но каждая ступень, как и все последующие, требует остановиться хоть на минуту и постараться осмыслить то, что автор «сотворил». Должна определиться реальная и беспристрастная «оценка» творениям, и, в первую очередь, важна честная авторская оценка. Это невероятно трудно. Только тогда следующая ступень будет выше по творческому мастерству. Кто не стремится к более совершенным формам и методам, тот остается на своей начальной стартовой черте и не выходит на творческую «дистанцию». Такой творец не способен преодолеть ни себя, ни время, ни пространство. Не стремящийся к совершенству неизбежно теряет и себя, и свой талант.

Для преодоления ступеней важно хорошо знать не только отечественную, но и мировую литературу, чтобы выверить свои ориентиры и равняться на колоссов мысли.

Талант просто обязывает человека быть эрудитом. Чтобы не остановиться, надо стремиться знать как можно больше о нашем мире.

Хорошая литература – это накопитель духовного опыта человечества. Факты зафиксированной реальности являются для читателя определенными моделями, в которых есть универсальные для нашего мира структуры: «зарождение → развитие → завершение», «причина → следствие». В художественных произведениях описываются самые разнообразные модели причинно-следственных связей в различных жизненных ситуациях. Чем больше таких моделей известно человеку, тем меньше он может сделать ошибок в своей жизни, так как имеет возможность выбрать те модели, которые наиболее эффективны и безопасны для человека и его среды. Это, на мой взгляд,

– главная функция литературной прозы как очень важной детали нашего общечеловеческого жизнеустройства.

Помимо этого, литературное творчество – это опосредованное общение автора с читателем, но только при условии, что обязательно есть «обратная связь». Если автор хочет испытать удовлетворение от своего творчества через оценку читателей, он должен знать, как его понимает другой человек. Иначе творчество теряет ценность, смысл и радость, а также стимул для дальнейшего совершенствования.

Основной мотив, который мне видится в

произведениях Г. Прониной, – это реабилитация совести как главное правило жизни каждого человека. Она очень ненавязчиво проповедует нравственные основы общежития людей, что является еще одним достоинством ее прозы. Это тем более важно сегодня, когда некоторые «лукавые» люди, как когда-то сказал Г. Гейне, «сами потихоньку пьют вино, а другим проповедуют пить воду».

Г. Пронина – обладатель несомненного таланта в сочетании с вдумчивым и кропотливым писательским трудом. Она дает читателю возможность увидеть этот мир новыми глазами – глазами автора.

Март 2011.

Анна ЗУЕВА-ИЗМАЙЛОВА

критик, литературовед,
доктор филологических наук,
профессор УдГУ,
член Союза писателей России,
лауреат Государственной премии
Удмуртской Республики

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»: К ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА НА УДМУРТСКИЙ ЯЗЫК

«Слово о полку Игореве» – гениальное произведение древнерусской литературы. Академик Д. Лихачев назвал его «золотым словом» русской литературы. Интерес к «Слову о полку Игореве» не пропадает и в наши дни. Во время социальных и национальных конфликтов, борьбы за всевозможные суверенитеты это произведение древнерусской литературы звучит как духовное завещание давно ушедшего поколения. Это «золотое слово» учит нас любить свою Родину и хранить ее единство.

Образ страдающей отчизны очень важен в идейном и художественном замысле «Слова»: он вызывает сочувствие к ней читателя, возбуждает ненависть к ее врагам, зовет русских людей на ее защиту. Неудачный поход князя Игоря на половцев послужил для автора поводом к страстному обращению к князьям с призывом объединиться перед

лицом общего врага. Чувством любви к Родине проникнуто все повествование, начиная с похода Игоря, его поражения, плача русских жен по убитым воинам и заканчивая широкими картинами русской природы, мирной жизни.

В композиции «Слова» важную роль играют женские образы. Русские женщины, проводив мужей в поход, чувствуют боль, страх за их судьбу, переживают за них и за всех воинов.

Образ Ярославны является символом женской преданности, любви, нежности и верности. Автор сравнивает женщину в минуты ее глубоких переживаний с одинокой кукушкой, способной долететь до раненого мужа и залечить его раны. В русском фольклоре кукушка – это символ одинокой женщины, бросившей детей на произвол судьбы. В данном случае смысловое значение образа

кукушки в фольклоре и в «Слове» не совпадает.

Голос Ярославнин слышится,
на заре одинокой чечеткою кличет.
«Полечу, говорит, кукушкою по Дунаю,
Омочу бобровый рукав в Каяле-реке,
Оботру князю кровавые раны
на отвердевшем теле его».

(Здесь и далее перевод В.А. Жуковского. – А. З.-И.).

Проследим переводы «Слова о полку Игореве» трех удмуртских авторов, сравнив перевод плача Ярославны М. Петрова, А. Уварова, В. Романова.

М.П. Петров (1905 – 1955) жил и творил в 30-50-е годы XX века. Своей поэзией, прозой, драматургией Михаил Петрович Петров внес значительный вклад в литературу финно-угорского мира, в духовную культуру России. М. Петров наряду с Кузубаем Гердом, Игнатием Гавриловым по праву считается зачинателем удмуртской драматургии. Его перу принадлежат роман «Старый Мултан», повесть «Перед рассветом», поэма «Италмас».

Талантливый переводчик поэзии и прозы, М. Петров познакомил удмуртского читателя с шедеврами русской и мировой литературы, эпосом разных народов: русским «Словом о полку Игореве», армянским «Давидом Сасунским», карело-финским «Калевалой».

М. Петров рассматривал перевод как важное средство повышения художественного мастерства писателя. Обращаясь к собратьям по перу, он писал: «Перевод – огромная творческая школа, если хотите, перевод для нас – это университет, где в числе лучших профессоров выступают А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, Н.А. Некрасов, А.М. Горький, В.В. Маяковский и другие корифеи русской литературы».

«Слово о полку Игореве» переведено М. Петровым в 1938 году и посвящено 750-летию юбилею этого памятника древнерусской культуры. Надо отметить, что М. Петров сумел донести до удмуртского читателя слово и дух оригинала, сохранив при этом ритмичность, интонацию, синтаксические построения фраз, образный строй:

«Лобзо, – шуэ, – кыкы сямен,
Дунай выйти,
Бобровой саесме котто
Каяла шурын,
Князьлэн кужмо мугорысьтыз
Виресь ранаоссэ
Чушо саесэным».

Особенность М. Петрова-переводчика в том, что он использует русизмы. В данном тексте это «бобровой саес», «виресь рана». Переводчики, работавшие в 80-е годы, нахо-

дят удмуртские слова-адекваты. «Бобровый рукав» становится у Анатолия Уварова «небыт чиль буртчин саес», у Владимира Романова – «буртчин саес». Эпитет «виресь рана» А. Уваров переводит как «вирзектэм яра», В. Романов – как «зуз вир яраоссэ гылто».

Ярославна с мольбой обращается к ветру, солнцу, Днепру. Здесь ярко выражена связь человека и природы, которая одухотворена, очеловечена; она является участницей действия, радуясь и страдая так же, как человек. Обращаясь к силам природы, прося у них помощи, Ярославна словно подготавливает бегство князя Игоря из половецкого плена.

Ярославна поутру плачет
в Путивле на стене, приговаривая:
«О ветер ты, ветер!
К чему же так сильно веешь?
На что же наносишь ты стрелы ханские
Своими легковейными крыльями
На воинов лады моей?»

В обращении Ярославны к ветру, солнцу, воде чувствуется ритм большого, свободного дыхания народного плача. Полный нежности и беспредельной грусти, он носит глубоко народный характер.

В переводе М. Петрова сохранен эмоциональный и образный строй русского песенного стиха, этот перевод близок к оригиналу. Напротив, в переводах А. Уварова и В. Романова, сделанных в 80-е годы XX века, подчеркнута национальное, удмуртское восприятие текста.

В удмуртском фольклоре нет жанра плача, но есть другие жанры: языческая молитва-куриськон, заклинание, заговор, оберег. В них присутствует просьба к магическим оберегающим силам, способным защитить от темного потустороннего вмешательства. Именно на это обратил внимание В. Романов – тонкий ценитель удмуртского фольклора и знаток русской поэзии. В предисловии к своему переводу он пишет: «Слово о полку Игореве» переведено на русский язык около 80 авторами. На украинский язык перевел Т. Шевченко, на удмуртский – М. Петров. Многие из этого я прочитал и решил перевести на удмуртский язык один отрывок – плач Ярославны. Как и В. Жуковский, Н. Заболоцкий, И. Шкляревский, перевел классическим размером. Вспомнил удмуртские молитвы-куриськоны, заговоры, заклички, обращенные к солнцу, силам природы. Вот это то, что мне нужно!».

Замысел В. Романова удался на славу. Он переводит плач Ярославны в жанре и стиле удмуртской молитвы-куриськон:

Ярославна чукна чук
Путивль бордъёс вылын бордэ
Кыласа-бураса:

«Толэ-Толпое! Малы-о, кузёе,
Сокем шурдыт пельтылыськод,
Лул-гаж(ан)элэн ожгарчиосыз вылэ
Малы
Капчи бурдэд вылын
Половец ньол вуттылыськод?
Уг тырмы-а
Пилем улын
Поръяллям ед,
Чагыр зарезьёсын
Мурпыжъёсты лэйкатъямед».

К сожалению, В. Романов не успел довести начатое дело до конца.

Одновременно с ним работал над переводом «Слова» Анатолий Уваров. Ему удалось завершить перевод «Слова о полку Игореве» на удмуртский язык в 1985 году: «С детства увлекался чтением переводов на родной язык национальных эпосов «Джангар», «Давид Сасунский», «Слово о полку Игореве». Многие строки запечатлелись в памяти. Особенно понравилось «Слово о полку Игореве». И при чтении, и при переводе обращал внимание на мотивы, ситуации, которые близки и понятны удмуртам. Например, изображение времени и пространства, батальные сцены, обращение к силам природы, чудесные превращения и другое. При переводе пытался воссоздать художественное мышление древнерусского народа, используя богатые возможности родного языка. Для перевода выбрал размер амфибрахий, который дает возможность передать минор и мажор в равной мере».

Перевод А. Уварова можно оценить как новаторский. Он доказал способность удмуртского языка творчески освоить и верно отразить словесно-изобразительную культуру Древней Руси. Переводя, он открывал

для удмуртской литературы новые стили, художественные пути, неизведанные возможности языка и стиха, неустанно экспериментируя, пробуя, как величайший памятник древнерусской культуры поддается воспроизведению на современный удмуртский язык.

А. Уваров использовал богатые возможности словарного состава удмуртского языка, нашел эквиваленты и термины таким русским словам, как «братъёс» («вын-агайёс»), «воинъёс» («ожгарчиос»), «мора» («зарезь»), «орёл» («орзи»); постоянный эпитет «вещий Боян» заменил словами «усто Боян», «визьмо Боян», а «вещой чиньыос» превратил в «пезьгыт чиньыос». В отличие от М. Петрова, он формирует синонимический ряд эпитетов, глагольных сказуемых, усиливая напевность эпического повествования («бордэжылбура», «вынмуртъёс-ожчиос», «чыж-горд»).

Переводческая деятельность А. Уварова тесно связана со всем его творчеством. Поэт-сатирик, он выпустил шесть сборников стихов на удмуртском и русском языках, написал кандидатскую диссертацию «Художественное своеобразие удмуртской сатиры», занимается переводом венгерской и финской литературы. Сейчас он переводит карело-финский эпос «Калевала».

Таким образом, перевод «Слова о полку Игореве» дал возможность писателям разных поколений повысить свое мастерство, обогатить литературный удмуртский язык, приблизить к удмуртскому читателю мир древнерусской культуры. М. Петров, В. Романов и А. Уваров воссоздали образ мира русского человека, показали свои возможности перевоплощаться в чужие миры и исторические характеры.

НОВАЯ КНИГА

Лариса Горяева. Звездное небо. Стихи. Ижевск: Удмуртия, 2011.

Не потеряй себя, когда стемнеет,
Когда вокруг бушует мир не твой,
Направь все силы к сердцу побыстрее,
Почувствуй холод, как огонь живой.

Строки эти, вынесенные Ларисой Горяевой на обложку книги, можно рассматривать как поэтический манифест. Благодарность – вот, наверное, главное чувство лирической героини сборника. Благодарность жизни и миру за обретение себя, возможность утверждать добро и свет, за каждый момент такой короткой человеческой жизни – этого подарка судьбы, за счастье любить, материнство и просто за звездное небо над головой.

Роза КИРИЛЛОВА

кандидат филологических наук,
преподаватель Удмуртского
государственного университета

МИХАИЛ ПЕТРОВ:

ОТ ВЕКА ДВАДЦАТОГО К ВЕКУ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОМУ

В истории литературы есть разряд писателей, которые сыграли для своего времени заметную, даже значительную роль, но прошли годы, наступила иная эпоха, и значение это утратилось, потому что они не выдержали самого главного экзамена – экзамена на зрелость. Наследие М.П. Петрова, напротив, с течением времени приобретает все большее идейно-эстетическое, историко-культурное значение для современной удмуртской литературы.

Развитие литературы и яркая творческая индивидуальность – явления взаимосвязанные. Нельзя не согласиться с мнением литературоведа З.А. Богомоловой о том, что «понятие «талант» соотносится с главными принципами жизни нации: в нем фокусируется ее нравственно-этическое начало». (Богомолова З.А. Истоки жизни и вдохновения. Река судьбы. Жизнь и творчество Михаила Петрова: Воспоминания, статьи, речи, письма. Составитель З.А. Богомолова. Ижевск: Удмуртия, 2001. Стр. 8).

Личность М. Петрова представляет большой культурно-исторический интерес, поскольку многие оценки писателя являются ключом к пониманию целой эпохи – эпохи социальных и политических катаклизмов первой половины XX века. Судьба творческого наследия Михаила Петровича неразрывно связана с судьбой самого автора, которая, в свою очередь, схожа с судьбами многих видных деятелей литературы и искусства. Произведения М. Петрова – художественная летопись жизни удмуртской интеллигенции первой половины XX века, история ее метаний, стремлений, поисков истины. Писатель всегда находился в гуще исторических событий и как их участник, и как свидетель, что, несомненно, «обогастило историческую память, историческое мышление Петрова, обострило его социальные чувства, углубило его нравственные принципы». (Там же. Стр. 131).

Первая половина XX века в России – время великих уроков и жесточайших испытаний, отразивших трагические и героические, темные и светлые страницы новейшей мировой и отечественной истории. Именно на этот период приходится, как это ни парадоксально, расцвет удмуртской литературы, в развитии которой важную роль сыграли деятельность и творчество Кузебая Герда, Ашальчи Оки, Кедр Митрея, М. Петрова, М. Коновалова, Г. Медведева.

В этой связи актуализируется поиск ответа на вопрос об истоках и смысле творчества художников слова как в русле «классических», так и в русле новых методик анализа текста в свете современных литературных, исторических, философских и иных подходов. Литературоведческие труды, появившиеся в последние годы в области исследования феномена творческой личности М. Петрова, свидетельствуют о заметном интересе ученых к этой теме. Это можно было бы только приветствовать, однако приходится констатировать, что при этом главное внимание концентрируется порой лишь на творческом процессе и на проблемах мастерства. Такой подход таит в себе опасность отрыва как от социально-политической ситуации, в которой жила творческая личность, так и от ее биографического контекста, вбирающего в себя параметры и черты времени и исторической судьбы народа.

Литературная деятельность М. Петрова началась с поэзии, как, собственно, и творчество большинства удмуртских писателей. Как отмечает Ф.К. Ермаков, «этот путь характерен для многих младописьменных литераторов, оформившихся под благотворным воздействием устной поэзии». (Ермаков Ф.К. Поэзия и проза М. Петрова. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1960. Стр. 220). Настойчиво работая над собой, над языком и стилем своих произведений, он создал настоящую «школу словесного мастерства»,

чем проложил дорогу новым поколениям удмуртских поэтов. Сегодня, спустя десятилетия, «школа» М. Петрова обнаруживается в творчестве талантливых молодых поэтов А. Леонтьева, А. Перевозчикова, В. Романова, В. Шибанова и других.

Биография автора, определенные коллизии его жизни, его внутренний мир во многом служат отправной точкой, «исходным материалом», которые объясняют те или иные существенные характеристики, параметры его творчества. Попытка проникнуть в творческую лабораторию писателя, несомненно, дает возможность максимально приблизиться к тайне самого творческого процесса, прочувствовать глубину эмоций автора, уловить движение его мыслей, изменение внутреннего психологического поиска и определить влияние времени на характер созданных им произведений.

Формирование и развитие М. Петрова как художника слова и общественного деятеля происходили на всем протяжении его жизненного пути. Но при этом следует подчеркнуть, что вся его поэзия пронизана, прежде всего, ощущением детства. Так называемая «память детства» выстраивает авторскую позицию, являясь одним из импульсов мироощущения поэта. Это подтверждают строки известной поэмы М. Петрова «Италмас» (1946):

Кемалась, казалась – вашкала дыръёсы –
Зундэсьёс, чигвесьёс кылдылон аръёсы,
Сяськаясь льёмпуо Вало шур кожъёсын,
Сутэрен данъяськись Вожой шур дуръёсын,
Оло нош кыдэкусь Чупчилэн йылъёсаз,
Оло нош Туймылэн волмытэсь возъёсаз...

Словно гром отдаленный

в столетьях живет,

Незапамятный век, незапамятный год.

Средь черемух, что пышно

цветут над Валой,

Или там, где смородиной пахнет Вожой?

Близ Чепцы иль Туймы – неизвестно

для нас –

В незапамятный день,

в незапамятный час...

Перевод В. Семакина

Эти строки, несомненно, навеяны детскими впечатлениями. С малых лет М. Петров рос в самом тесном соприкосновении со своим народом, с его традициями, обрядами, обычаями, в атмосфере задушевных удмуртских песен. С материнским молоком он впитывал в себя таинство и красоту народного творчества. Не случайно при знакомстве с творчеством мастера обращает на себя внимание особая музыкальная тональность его сочинений. Обладая от природы хорошим голосом и музыкальным слухом, он любил петь, писал частушки, сценарии для школь-

ных концертов. Этот интерес к народным песням не исчез и в зрелом возрасте. М. Петров активно занимался собирательской деятельностью и входил в состав фольклорных экспедиций. При жизни писателя вышло четыре книги собранных им народных песен и частушек. Обработав фольклорные записи, собранные в 1934 – 1935 годах в удмуртских деревнях, он составил два песенных сборника под названием «Удмурт калык кырзанъёс» («Удмуртские народные песни»). В 1937-м М. Петров выпустил третий сборник удмуртских народных песен с нотами, в 1939 году под его редакцией вышел очередной сборник стихов и песен «Кылбуръёс но кырзанъёс» («Стихи и песни»).

Неисчерпаемым источником вдохновения удмуртского поэта был фольклор как обобщенная многовековая народная мудрость, что особенно ярко подтверждает родство поэта со своим народом. Он сам пишет стихи, песни, ставшие впоследствии народными: «Яратон» («Любовь»), «Марым, лэся» («Кажется, влюбился»), «Такмакъёс» («Частушки»). В своих публикациях поэт не раз подчеркивал, что в песнях изливается гордая, красивая, поэтичная душа народа. Они звучат как молитва, как оберег, как исповедь. В песнях поэта слышен звон удмуртских монист, топот «Гапыртона», шепот родника. Слова и музыка уводят в загадочный мир предков, в мифическую «колыбель» удмуртов, откуда поэт черпал свои образы, характеры, мудрость. Невозможно представить поэзию М. Петрова без того мифопоэтического колорита, который так осязаемо присутствует в его текстах, фольклорных реминисценциях. Его художественный мир по праву можно назвать кладовой устного творчества удмуртов.

Нельзя упустить из вида то обстоятельство, что восприятие мира ребенком, лишившимся родителей в двенадцать лет, не могло не отложить соответствующего отпечатка на его творчество. Трудное сиротское детство, заполненное недетскими проблемами – заботами о хлебе насущном, о работе, – нашли прямой отзвук в его поэзии:

Озы вал:

Педнялэн жокъ сьобраз мон огпол

Сиськоно черодме ортчгты.

Пастухын кураськись кадь ветлон –

Шудбуре...

Эх, улон!

Кӧс нянен-а, жожен-а гуньдй?..

Улонам мон уно адзонэз ортчгты, –

Кисьтылэм пӧсь синву-а тӧроз чуръёсам?

Чапкыен, мыжыкен уно пол гуньдылй,

Ой, уг шедӧ кылъёс вераны кылбурам.

Помню, было: я у Педня

За столом большим сидел,

Свой черед справлял в обеде,
Хлеб хозяйский черствый ел...
Знал: с притворной лаской спросят:
«Чай, устал, сынок?».
И на стол картофель бросят:
Дескать, ешь, щенок...
Много в жизни одинокой
Снес я мук лихих,
Слез соленые потоки
Не вместятся в стих.

Перевод В. Цвелёва

Нищета, унижения, страдания, пережитые поэтом в детстве, как крик души выплеснулись в его поэтических строках. Боль и горечь за судьбу матери и сестры воплотились в его монологах о горькой судьбе женщины-удмуртки. Неутешными воспоминаниями переполнены поэма «Ортчем вамыш» («Былое»), стихотворения «Мынам сюресэ» («Мой путь»), «Гожтэт» («Письмо»):

Милый брат, когда тебе пишу я,
Вспоминаю нашу жизнь в былом.
Как сегодня длинный лог я вижу,
Где соху сломали мы вдвоем.
С детских лет в батрачках я ходила,
За работой ночи не спала,
Чуть подрос ты, и тебя, брат милый,
Я в чужие люди отдала.
Не могу в простом письме коротком
Прожитое горе передать...

Перевод В. Цвелёва

Тем не менее, детство поэта окрашено не только горестными, порой трагическими ощущениями, но и яркими светлыми красками родного края: заревом восходящего солнца, светом зреющих хлебов, звуками журчащих ручьев, звонких песен птиц, широкой панорамой, открывающейся с горы Байгурезь.

Посмотрю с вершины горы Байгурезь –
Красота, что не высказать вдруг.
И Чепца, словно Кама, широкая здесь,
И широко раскинулся луг.
Байгурезь, как взгляну я с вершины твоей,
Словно Родина вся предо мной.
На просторах ее неоглядных полей
Ветер нивы колышет волной.

Перевод В. Цвелёва

Все светлые помыслы поэта были связаны с родной землей и своим народом, все сокровенные тайны и мысли были доверены удмуртским просторам, всей его сыновней любовью была одарена земля удмуртов. Видимо, именно вниманием к «малой родине» объясняется такая черта его творчества, отмечаемая исследователями, как «автобиографическая локализация»: «Ортчем вамыш» («Былое»), «Мынам сюресэ» («Мой путь»).

Любовь к «малой родине» стала первоосновой миропонимания поэта. Ему бесконеч-

но дорого все, что связано с детством: полноводная, бурлящая река Чупчи, стремительно убегающая в камыши Вожойка, бескрайние поля и луга, уходящие к горизонту леса.

Природа щедро одарила поэта. Она дала ему чуткую душу, влечение к изящному, способность к восприятию красоты и доброты. Не случайны его признания в стихотворении «Вандэмо»:

Быдэ вуытозь, тон монэ будэтгид,
Вожой шур дурьсь вож садо Вандэмо.
Мынам малпанам тон али но дуно:
Вордэм мемиез кадь, шуныт яраті
Тонэ, Вандэмо.

До совершеннолетия ты растила меня,
Расположившаяся у речки Вожойки
с зелеными садами

Деревенька Вандэмо.

В моих мыслях ты и сейчас мне дорога:
Как родную мать, тепло я любил
Тебя, Вандэмо.

Или такое признание:

Вордйськем Вандэмо, тон монэ быдэтгид,
Кырзаса көкыин веталляд...
Родная деревня, ты меня взрастила,
Напевая, в колыбели качала.

(Подстрочный перевод автора статьи. – *Ред.*)

Родная деревня, кусочек удмуртской земли во многом заменили поэту родительский дом. Односельчане с их характерами, верой, обычаями сыграли свою немалую, если не решающую роль в воспитании юноши, формировании его эстетических принципов. Картины малой родины и образ народа неразрывно связаны с его взрослением, становлением личности. В своих произведениях художник с преклонением и благодарностью называет моральные ценности, вынесенные им из родительского крова – родной земли: остро осознанное чувство национального родства, любовь, чувство доброты, милосердия, взаимопомощи, сплоченности.

Одной из определяющих черт поэзии М. Петрова является отстаиваемая им идея гармонического единения человека и природы. Его лирический герой осознает себя частицей мироздания, он органично включен в жизнь природы, он как бы подчиняет себя ей, то есть живет по тем законам, которые предписаны самой природой и первоначально были приняты предками. Отсюда – яркая очеловеченность образов природы в стихотворении «Уй суредьёс» («Ночные картины»):

Шуныт төл шыпыртэ сад пöлын,
Сяськаен со шудэ льöмпуын,
Ки йылын кадь ветра учыез
Ярдуре вöльгяськем бадьпуын.
Теплый ветер шепчет в саду,
С цветами играет среди черемухи,
Словно на руках качает соловья
На раскидистой прибрежной иве.

Однако осознание взаимосвязи человека и природы заключается не только в традиционном очеловечивании природы, но и в утверждении природной основы самого человека, в утверждении органичного, хотя и противоречивого единства человека с природой. Традиционная цепочка «природа – человек – общество» для М. Петрова является главным обуславливающим фактором познания внутреннего мира личности. Так, переходящие из произведения в произведение образы солнца, луны, ветра, рек, гор, цветов служат неперенным природным фоном и средством выражения лирического переживания, благодаря чему поэт каждый раз открывает все новые грани человеческого «я».

М. Петров строит свою образно-метафорическую систему с опорой на фольклорные ассоциации, хотя традиционный образ каждый раз обогащается авторскими коннотациями. Для его поэтической речи характерны анималистические и антропоморфные образы-метафоры, сравнения, олицетворения, эпитеты, восходящие к устно-поэтическим формулам. Они позволяют выявить и древнейшие корни удмуртской культуры, понять духовный мир, мироощущение народа, помогают восстановить подчас «потерянные» элементы знания истории народа. Тем самым с определенными изменениями в соответствии с индивидуально-авторской картиной мира сохраняется «этническая маркировка» образов, их ассоциативная соотношенность с изначальной знаковой системой, хранящей информацию о духовной культуре, мировоззрении народа. Более того, при внимательном чтении текстов М. Петрова ярко выделяется некая включенность удмуртских мифов как экспликаторов национальной ментальности в сознание и язык поэта. По нашему мнению, такое прочтение этих мифов дает новые перспективы в понимании современных культурных и художественных реалий как в их национальной специфике, так и в связи с общемировым литературно-творческим процессом.

П. Домокош говорит: «О себе, о своем поэтаемном «я», о своих настроениях, раздумьях, о том, как он смотрит на мир, подобно другим удмуртским поэтам, М. Петров говорит редко или очень косвенно». (Домокош П. История удмуртской литературы. Перевод с венгерского В. Васовчик. Ижевск: Удмуртия, 1993. Стр. 448). На наш взгляд, именно исследование метаязыка, мифопоэтических конструкторов в идиостиле поэта позволяет нам приблизиться к пониманию их эстетической значимости в поэтике мастера, в его поэтическом самосознании.

Интересным оказывается и вопрос влияния соседних культур – русской, татарской,

марийской – на мировоззрение поэта (проблема соотношения трех начал в мифомышлении М. Петрова). Вполне естественно, что при межэтнических контактах, взаимодействии этносов (родная деревня поэта Вандэмо расположена почти рядом с русской, марийской и татарской деревнями) неизбежна интеграция культур, языков, в результате чего происходит как взаимопроникновение и взаимообогащение национальных культур, так и самопознание каждого из этносов. Будущий поэт с малых лет свободно говорил на трех языках: русском, удмуртском, татарском, проявляя живой интерес ко всему, что его окружало.

Ранняя поэзия М. Петрова развивалась в русле революционно-романтической тенденции, характеризовавшей целый этап в истории советской многонациональной литературы XX века. При этом в его творчестве одновременно сосуществуют и взаимодействуют агитационно-митинговое начало как отклик на требование времени и начало песенно-лирическое, восходящее своими истоками к устно-поэтическому творчеству. Содержательная сторона ранней поэзии М. Петрова, представленная по преимуществу пафосными героико-романтическими стихотворениями, довольно явственно обнаруживает отпечаток его работы в областном комитете комсомола, учебы в областной партийной школе (1921), в школе командного состава (1923), где он был принят в члены коммунистической партии. В своих художественных произведениях этого периода поэт стремится подчеркнуть мысль о своем идейном и кровном родстве с революционным рабочим классом. Свою творческую жизнь он как бы подчиняет этому классу – строителю нового общества:

Революция – снаряд
Гудырьям куарая
Валтйсь класс –
монэ –

Пролетариат вордйз,
Миллион стройын
вормонэ мыныны
Со класс ик мыным
Оскон мандат сётйз.

Революция –
под гром снарядов,
ведущий класс –
пролетариат –
меня растили.
В строй миллионов
победного марша
этот класс
и вручил мне мандат.

(Подстрочный перевод автора статьи. – *Ред.*).

Идея строительства, обновления, стремление связать прошлое и будущее и в то же

время чувство единения, слияния с природой оказываются существенными слагаемыми мировоззрения и эстетики поэта. И в какой бы форме ни выражалось его лирическое слово, будь то страстные призывы к активным действиям, искреннее восхищение происходящими преобразованиями в обществе или же любование ликом природы с его палитрой красок, симфонией звуков и набором запахов, в нем всегда присутствует оценка, восходящая к истокам его ранней поэтической памяти:

Со ортчем дырьёсыз ке тодам ваисько,
Сюлэмме чидантэм вöсь луон позыртэю...

Когда вспоминаю прошедшие годы,
Сердце нестерпимая боль сжимает...

Нош али

Учкисько но вордскем шаермес, –
Азьлолэсь со дас пол но шулдыр...

А теперь

Смотрю на родные края –

В десять раз лучше прежнего...

(Подстрочный перевод автора статьи. – *Ред.*)

Характерной для поэзии М. Петрова лейтмотивной антитезой «ортчем – али» («прошлое – настоящее, будущее») осмысливается ценность прошлого и цена счастливого будущего. Такой подход наблюдается и в творчестве представителей многих российских литератур послереволюционного периода, в том числе – и финно-угорских. При этом в поэтических текстах наблюдается одновременное присутствие двух лирических «я» – мальчика и повзрослевшего героя, проявляемое в сочетании «взрослого» и «детского» начал. При этом важно учитывать, что если «детское» связано с особенностями мировосприятия взрослого, помнящего себя ребенком, то «взрослое» – с осмыслением этого прошлого с позиций опыта взрослой жизни.

В постижении художественного мира М. Петрова принципиально важными являются те моменты жизни поэта, которые сыграли существенную роль в формировании идейных и эстетических принципов поэтического творчества художника. Та специфическая социальная среда и культурная атмосфера, в которой рос поэт, определили особенности становления его поэтической системы, его лирической индивидуальности, обладавшей особым, самобытным мировосприятием, обнаружившей все более возрастающий интерес к постижению национального и стремление к самовыражению через него. Более того, проявилась такая особенная черта поэзии М. Петрова, как одновременное присутствие в текстах двух лирических «я», то есть определенная двойственность, которая обнаруживается в сочетании «взрослого» и

«детского» начал. «Память детства» явилась одним из мощных импульсов мироощущения поэта.

М. Петров был представителем своего времени, и на его творчество активно влияли бурные и противоречивые события и процессы, происходившие в советском обществе 20–30-х годов. Он, как и многие другие люди великой страны, попал «под каток» тоталитарной системы. Грандиозные потрясения и вызванные ими не менее грандиозные преобразования в стране и в связи с этим «перелицовка» ценностной системы человека противоречиво отразились на всем мироощущении и художественном мире М. Петрова.

Сегодня творческое наследие М. Петрова постепенно, год за годом оценивается все более высокой мерой. Своеобразным оценочным этапом этого «восхождения» является книга З.А. Богомоловой «Река судьбы» (2001). Здесь автором собраны письма, воспоминания, статьи, записи рассказов современников писателя, которые общались с ним: учили его, учились с ним и у него, работали, участвовали в различных общественных, научных мероприятиях, экспедициях и оставили добрую память о выдающемся сыне удмуртского народа.

Деятельность М. Петрова была чрезвычайно плодотворной и результативной, он стал самым любимым, самым почитаемым поэтом, прозаиком удмуртского народа. Его изучают в школах и вузах Удмуртии, его стихи и песни звучат по всей стране, его произведения вдохновили деятелей искусства на создание произведений разных жанров, да и сам он стал героем этих произведений, его юбилеи торжественно отмечаются повсюду. По решению ЮНЕСКО 100-летие М. Петрова праздновали во всем мире. Потому что и потомкам будут близки мысли и чувства М. Петрова о непреходящей ценности знания, книги, красоты природы, высоких человеческих чувств. Потому что в исторической памяти народа сохраняются его неуемность, страстная борьба за просвещение, свободу и справедливость.

Произведения М. Петрова навсегда вошли в культурный багаж человечества, расширив рамки культурного горизонта всего мира. Труды М. Петрова – это не просто опубликованные, а прочитанные, воспринятые читателем тексты. Такова животворящая сила искусства, сближающая времена и пространства, питающая культуру будущего. Художественное слово М. Петрова будет ярко светить своим почитателям и в новом, XXI веке.

Андрей КЛЕМЕНТЬЕВ

кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой
удмуртской филологии
и национальных языков
ИПК и ПРО УР

ОБРАЗ «СВОЕГО» ПРОСТРАНСТВА В ЛИРИКЕ ПЕРМСКИХ НАРОДОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Национальный образ мира в лирике пермских народов (как и в мировой литературе в целом) выражается, прежде всего, через особенности художественного пространства и времени. В данной статье мы делаем попытку изучить своеобразие «своего» пространства в удмуртской, коми-зырянской и коми-пермяцкой лирике второй половины XX века.

Исследователь латиноамериканского художественного мира А.Ф. Кофман утверждает, что «художественный образ «своего» пространства, каким он складывается в искусстве и литературе тех или иных народов, является важнейшей частью национальных или региональных литератур». (Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. М.: Наследие, 1997. Стр. 25).

Образ «своего» пространства находит своеобразное воплощение и в лирике пермских народов. В удмуртской, коми-зырянской и коми-пермяцкой лирике второй половины XX века он реализуется через категорию родины, имеющую богатую и сложную семантику. Но лишь в 1980–1990-е годы поэты посредством художественного слова стремятся, в первую очередь, презентовать, транслировать человечеству свою этническую среду, особенности национального мировидения через традиционные пространственные мифологемы дома, дороги, леса и т.д.

Значимость пространственных категорий в художественном сознании пермских народов, на наш взгляд, отчасти объясняется природно-климатическими особенностями среды их обитания, освоением лесных территорий в Предуралье, ставших «своим», окультуренным пространством, постоянным возвращением лирического героя к началу начал – семейно-родовому очагу как к наивысшей сакральной ценности. «Своим», окультуренным пространством в лирике пермских народов изучаемого времени, прежде всего, являются родные: край, земля, дом. Родная деревня в поэтическом мире удмуртского поэта М. Федотова воплощает одну из наивысших ценностей мира – человечность, гуманность. Приведем пример из

его стихотворения:

Кинлы кытчы,
Нош мон – аслам гуртам.
Отын – дунне,
Отын – адымылык...
(«Кинлы кытчы...»)

Кому куда,
А мне – в родную деревню.
Там – целый мир,
Там – человечность...
(«Кому куда...»)

Родная деревня коми-зырянского поэта Г. Юшкова как «свое» пространство лирического героя способствует возвращению ему первородности и естественности:

Окота мен коркыя моз косаын
Тыдмавы бур мудзымыслысь кыр.
Окота мен дас нель ары косавны,
Чужан сиктын асын лоны быр!
(«Чужан сиктын»)

Хочется мне, как когда-то, косою
Узнать у хорошей усталости вкус.
Хочется мне возвратиться
в четырнадцать лет,
В родном селе обратно стать самим собой.
(«В родном селе»)

Подстрочный перевод Н. Гориновой.

Одну из координат пермского пространства можно обозначить термином «сакральный центр». В этом центре проходит Ось Мира, именно вокруг него происходит самоорганизация удмуртского, коми-зырянского и коми-пермяцкого миров. Он несет информацию об идентичности пермских народов. Такими сакральными центрами в удмуртском образе мира являются, например, Мудор Кыз (Мать Леса), дом, очаг. Мудор Кыз в удмуртском этнокультурном контексте есть воплощение образа Мирового Древа. Этнограф и поэт В.Е. Владыкин о Мудор Кыз, являющем собой своеобразный символ удмуртской идентичности, говорит следующим образом:

Нюлэскын кукке но улэм,
будэм пересь мудрон кыз.
Нимало сое вылэм Мудор Кыз.
Со, пе, Нюлэслэн мумиз вылэм, оло,
быдэс Музьемлэн со мумиз вал.

Мудор Кыз пыке вылэм Инбамез,
медаз со музъем вылэ усь шуыса.
Шунды шутэтскылэм солэн вылй улвайёсаз.
Со Мудор Кыз выжы улысь вордске вылэм
жильыр-жильыр пичи ошмес,
Кудйз быдзым Тоды Камез кылдытэ вылэм.
Кыдёкысь-кыдёкысь вуыллйлям калыктьёс
Мудор Кызлы йыбырттыны.

(«Быдзым Крезьлэн гурез»)

В лесу когда-то жила,
росла старая мудрая ель.
Звали ее Мудор Кыз.
Говорят, она была матерью леса,
может, матерью всей Земли.
Мудор Кыз подпирала Небо,
чтобы оно не упало на Землю.
Солнце отдыхало на ее верхних ветвях.
Из-под корней Мудо Кыз
нарождался звонкий маленький родник,
который превращался в великую
Белую Каму.
Издалека приходили люди поклониться
Мудор Кыз.

(«Напев Большого Крезя»)

С течением времени семантика сакрального центра изменялась и усложнялась. В частности, она приобрела значение счастливого локуса, места, где открываются высшие цели и смыслы. Таким сакральным центром, координатой пространства у пермских народов является дом. В структуре их художественного образа мира его важнейшая функция – связь с прошлым, ушедшим, культурная «реинкарнация» и самоидентификация. К примеру, в творчестве современного удмуртского поэта Ёшапи Онди дом как сакральный центр реализуется следующим образом:

Ёша выжы юртэ,
Пичи дырысь вйтэ,
Тон таркамын но пазямын,
Кйзонед эгырзёмын...
Удмурт гурзэ ыштйз ук выжые,
Муртлэсь крезьзэ шудэ ни та вие.
Нош мон вйтме весь утчасько,
Пеньзём юртмес тупатъясько.
(«Кураськись Ёша выжые»)

Дом рода Ёша,
Мой сон из детства,
Ты разрушен и разбросан,
Половая перекладина обуглилась...
Мой род утерял удмуртский напев,
Он играет теперь на чужом инструменте.
А я свой сон все ищу,
Испепелившийся дом чиню.

(«Мой род Ёша, просящий милостыню»)

Дом здесь становится символом «удмуртскости», воплощением этнических традиций, миропонимания, но все это ушло в прошлое, потому что его обитатели потеряли родной язык, культуру и образ жизни. На данном

частном примере подтверждаются слова А. Ф. Кофмана о том, что «сакральный центр <...> мыслится как наикратчайшее связующее звено между настоящим и прошлым; это та точка в пространстве, где происходит максимальная актуализация прошлого». [Там же. Стр. 57].

Дом в художественной картине пермских народов изучаемого времени воплощает в себе отношение человека с окружающим миром. Он становится антиподом хаотичного, алогичного пространства, он есть осмысленное, окультуренное пространство. Образ дома выражает идею оседлости как противостояния хаосу и воплощения космоса, стремления лирического героя пустить корни, найти точку опоры в окружающем мире и вместе с тем преодолеть трагическую дисгармонию со средой. Тем самым, построив дом, герой обретает свое место в пространстве и самоидентифицируется. Данная функция дома наиболее полно реализуется в лирике удмуртских и коми-зырянских поэтов М. Федотова и Г. Бутырёвой.

Через дом происходит общение с прошлым семьи и рода. Для лирического героя, ушедшего из дома в целях познания мира, характерно ностальгическое стремление вернуться в его пространство на встречу с ушедшим детством, прошлым. Этот мировой сюжет довольно широко представлен в лирике пермских народов второй половины XX века. В поэтическом контексте удмуртского автора С. Матвеева он реализуется следующим образом:

Гур азын сылэ на-а чужон? –
Исьнерлэсь, шуизы, лэсьтэмын...
Со вылэ мон одно пуксьысал –
Пичи дыр выжыкыл чужонам...
Из квартира, монэ кутыса,
Мыжыказ пачкатэ но шона.

(«Гур азын сылэ на-а чужон?..»)

Стоит ли еще перед печкой метла? –
Из прутьев, сказали, она сделана...
На нее бы я обязательно сел –
На сказочную метлу из моего детства...
Каменная квартира, схватив меня,
Давит в своем кулаке и размахивает им.
(«Стоит ли еще перед печкой метла?..»)

Встречи с прошлым, детством представляют собой своего рода священнодействия, ритуалы, через которые восстанавливаются утраченные ценности, происходит излечение больной души, прилив новых сил. Данная функция дома обнаруживается, например, в поэтическом слове Ёшапи Онди:

Усьтэм остй атай юртам пыри,
Шунит мумыкоре каллен йотски,
Оброс азын кирос кари,
Ортчем пичи дырам кадь берытски.
(«Кёня ползэ мон бертысько...»)

Через открытую дверь вошел в отцовский дом,
Притронулся к теплой матице,
Перекрестился перед божницей,
Словно вернулся в свое детство.

(«В который раз я возвращаюсь...»)

Окна и двери символизируют открытость дома, в особенности, – удмуртского дома (Ф. Васильев, В. Романов, М. Федотов). Через

них происходит единение со средой, окружающим миром.

Итак, образ «своего» пространства в лирике пермских народов второй половины XX века выражает национальное мировидение удмуртов, коми-зырян и коми-пермяков и является важной категорией в художественном сознании поэтов.

Елена КРАСНОВСКАЯ

музыковед,
кандидат филологических наук,
заслуженный деятель
искусств Удмуртии

ВЗОР НА ОБНОВЛЕННЫЙ КРАЙ О ТВОРЧЕСТВЕ ВАСИЛИЯ ВАНЮШЕВА

Главными темами научных трудов, поэзии доктора филологических наук, профессора, народного писателя Удмуртской Республики Василия Михайловича Ванюшева являются любовь к родному краю, историческая связь эпох и поколений, дружба и братство народов. В российской и удмуртской литературе он известен как автор многих жанров науки, поэзии, прозы, публицистики.

Широкую популярность получил его поэтический сборник «Колосок, задевший небо» (1985), вызвавший резонанс не только в Удмуртии, но и за пределами республики. Газета «Советская Чувашия» писала: «Мудростью, философской глубиной, жизнелюбием отличаются творения Ванюшева... Его стихи – подлинный гимн доброте и силе земли, красоте родных просторов». (Богомолова З. А. Голоса эпохи: Статьи, воспоминания, эссе, очерки, письма. Ижевск: Удмуртия, 2003.

Я просто песни твои запою:
Они – живые, им надо петься.
Василий Ванюшев

Стр. 446).

В 1995 году на удмуртском языке вышло избранное В.М. Ванюшева под названием «Лицом к лицу». Им созданы и другие книги стихов: «Выжыосы» («Родные корни», 1976), «Шунды но гудыри» («Солнце и гром», 1980). Как поэт он известен многими публикациями за пределами Удмуртии.

Творчество В. Ванюшева – поэта, ученого, публициста – многожанрово. Его первой книгой, увидевшей свет в 1973 году, был сборник очерков «Нити времени» – взгляд на историю через судьбы людей. Высокая культура мышления, тонко выраженная национальная специфика присущи в полной мере его очеркам. Как известно, очерк отличается от рассказа и новеллы отсутствием единого, подлежащего разрешению конфликта и значительной долей описательности. «Для очерка показательны и документальность изображения, и публицистическая заострен-

ность. На примере какого-либо реально происходившего события, часто называя конкретные лица, автор четко заявляет свое отношение к описанному». (Основы литературоведения. Учебное пособие для филологических факультетов педагогических институтов. Под общей редакцией В.П. Мещеракова. М.: Московский лицей, 2000. Стр. 58).

Важное место в очерках В. Ванюшева занимает история родного края, судьбы его людей, преобразования в общественной жизни, а, значит, и в психологии общества.

Обратимся к изобразительной системе его творчества, уделив внимание одной из характерных особенностей его прозы – музыкальным включениям очерков, которые не только эмоционально обогащают повествование, сообщая ему выразительность и подчеркивая историческую достоверность, но и служат элементом композиционной организации текста.

На первых страницах очерка «Под сенью старых берез» речь идет об истории села Дебессы, через которое проходил известный старый Сибирский тракт. Автор несколькими штрихами: «звон кандалов каторжан», «переливы колокольчиков, бубенцов, вихрем проносющихся троек» – воссоздает атмосферу времени, живыми свидетелями которого остаются березы. В подтверждение писатель обращается к дневнику А.Н. Радищева, проезжавшего через Дебессы: удмурты, «пюют, едучи, как русские ямщики». В повествовании звучит удмуртская ямщицкая – замечательный образец народного творчества былых времен:

Запряг я пару лошадей красивых,
Шлеи – с кистями зелеными.
Кабы эти кони
Были у меня своими.
Мне суждено, ой, сидеть
Лишь на облучке,
В тарантасе на подушках
Сидит проклятый барин!

(Здесь и далее – по книге Ванюшева В.М. «Нити времен». Ижевск: Удмуртия, 1972. Стр.12).

В очерке раскрываются биографии тружеников Дебессы, описание фотографий которых включены в сюжетную ткань. В заключение автор, выражая свое отношение к сказанному, пишет: «Лишь человек, знающий, что было до него, чье дело он продолжает, может твердо и убежденно шагать по жизни».

Зная законы жанра, автор начинает очерк с описания берез, слышавших на своем веку много горестных песен, и завершает «звучными» строками о березах: «И шуршат, шепчутся летним днем молодые и старые. О чем их разговоры? Может быть, о том, как

много пришлось увидеть старому тракту, а, может, – как много небывало хорошего увидит еще растущая поросль». Таким образом, словно переброшена смысловая, музыкальная арка от начала к концу, являясь формообразующим компонентом очерка.

Писатель акцентирует внимание на дружбе удмуртского и марийского народов в эпоху новой истории. Об этом – очерк «В одной семье». В нем автор на примере жизни двух деревень – Удмурт Гондырево и Мари-Гондырево, разделенных речкой и вошедших в один колхоз «Коммунар» – опровергает пословицу, являющуюся рефреном повествования, что «двум медведям в одной берлоге тесно». Автор пишет о революционных событиях 1905 года в Удмуртии, о мавке, в которой участвовали удмурты, марийцы, татары и русские, подчеркивая, что разноязычность не помешала людям найти общий язык: «Это был язык борьбы за достоинство и свободу человека», что нашло отражение в событиях 1917 года, Гражданской и Отечественной войн.

Для того, чтобы придать этим событиям художественную выразительность, писатель использует лейтмотивную разработку песен и танцев. Приведем первый музыкальный фрагмент – одно из ярких поэтических описаний народных танцев в удмуртской прозе: «Под звуки гармошки плавно, как лебеди, выплыли девушки в ярких разноцветных платьях с широкими оборками, дробно застучали каблук парней. Танцующие выделяли фигуры, выходили солисты, появлялись пары, менялись... Танцевали марийцы, удмуртские парни, девчата, как влетаемые в венок цветочки, один за другим стали присоединяться к ансамблю». А когда, чуть передохнув, гармошка заиграла удмуртскую песню и одна из голосистых девчонок начала: «Ветли, ветли колхоз садэ...», – то ее тут же дружно поддержали все присутствующие и марийцы, и удмурты».

Другой звуковой эпизод связан с Великой Отечественной войной, автор пишет об удмуртах и марийцах, вместе с другими народами страны защищавших общий дом – СССР. В. Ванюшев дает выразительную характеристику голосу диктора Евгения Ермолаева: «В сотнях домов послышался густой, бархатистый голос». В описании весны звучат задорные ноты: «Снег по бокам топорщится комками. Комки легкие, пористые. Заденешь – звенят...». Один из героев очерка – мариец Артем Кириллович Кириллов, старик из деревни Охотничье: «...потянулся к стене, где висела старая тальянка, снял ее, с азартом сыграл две три мелодии: «Я гармонист. С удмуртами

всегда гуляли вместе).

Приведенные звуковые включения обогащают повествование, углубляют характеристики персонажей, подчеркивая музыкальность, песенность двух народов. Завершается очерк «В одной семье» воспоминаниями о клубных танцах и песнях, но уже лишь одной выразительной строкой. И вновь протянута связующая, мелодичная нить от начала к завершению повествования.

Очерк «Как дом родной» посвящен Можгинскому педучилищу, ставшему кузницей кадров национальной культуры. В его стенах сделали первые шаги в литературу такие известные удмуртские писатели как Михаил Коновалов, Григорий Медведев, Трофим Архипов, Михаил Покчи-Петров, Филипп Кедров, Игнатий Гаврилов, Герман Ходырев, Василий Ванюшев и другие.

Автор пишет о преподавателях техникама Екатерине Алексеевне Коноваловой – сестре писателя М.Г. Коновалова, Михаиле Алексеевиче Курочкине – многосторонне образованном учителе музыки, об Александре – Александре Шишкине, известном в Можге кубызчи.

В. Ванюшев увлекательно повествует об изменениях в быту училища, произошедших со времен его студенчества, уделяя внимание месту, которое занимают инструменты в процессе музыкального обучения: *«Я иду по коридору учебного корпуса. На всех подоконниках раскрыты нотные тетради. Около них сидят парни и девчата с аккордеонами и баянами: каждый учащийся готовит домашнее задание. В музыкальном кабинете училища сто пятьдесят домбр, более пятидесяти баянов, четыре аккордеона. Все эти инструменты в классах, коридорах, на лестничных площадках звучат одновременно. И разногласно».*

Автору статьи вспомнилось сказанное Геннадием Поздеевым о Флоре Васильеве, о годах учебы большого поэта, о его любви к музыке, о внимании к классической музыкальной литературе. Известно, как вы-

разительно играл поэт на мандолине и скрипке. На страницах очерка упоминается однострунный старинный музыкальный инструмент кубыз, содержатся интересные сведения об истории музыкальной профессиональной культуры, которая создавалась и в стенах Можгинского педагогического училища. Усилиями членов музыкального и литературного кружков возник сборник «Кубыз», подготовленный к печати учителем музыки М.А. Курочкиным. Это была первая книга удмуртских народных песен с нотами.

Живой интерес в очерке вызывают строки о хоровом пении. Автор проявляет себя и как знаток исполнения без инструментального сопровождения – а капелла, и как музыкальный критик: *«Хор пользовался большим успехом. И не удивительно. Впервые за всю историю он исполнил удмуртские песни по всем правилам хорового искусства. На концерты хора педучилища шли как на праздник. Крестьяне не жалели для него лошадей. Бубенцы двенадцати-пятнадцати подвод со звонкоголосыми хористами не раз будили тишину лунных зимних ночей в окрестностях Можги... Да, это был поистине народный хор, ноту за нотой собравший и разработавший удмуртские мелодии и щедро возвращавший их первоначальным творцам, подняв до уровня большого искусства».*

В заключение В.М. Ванюшев справедливо называет Можгинское педучилище первым университетом в Удмуртии, выпускники которого – писатели, художники, журналисты – гордятся его лучшими традициями.

Завершить разговор о книге «Нити времен» хотелось бы строками З.А. Богомоловой: «Содержание творчества В. Ванюшева, публициста и поэта, автора стихотворений, баллад, поэм, научных исследований, его творческая и человеческая позиция – писать только правду «из понимания добра...» – находит душевный отклик у читателя». (З.А. Богомолова. Голоса эпохи. Ижевск: Удмуртия, 2003. Стр. 446).

ПРОЗА

Рашида КАСИМОВА

прозаик, автор книг
«Под сенью муз», «Осенний дебют»,
«Дождь в декабре»,
живет в Глазове

ДОЖДЬ В ДЕКАБРЕ

Рассказ

Кивнув нашей помощнице Наташе, которая возится в углу с цветами, я взлетаю по ступенькам вверх, горя нетерпением увидеть сашино лицо. И замираю на полуслове. Да, это конечно же она, Саша. Но это уже и не она, не моя Сашенька.

«Что ты сделала со своим лицом?». Я спрашиваю это почему-то шепотом, забывая обнять ее после полугодовой разлуки. «Милый, тебе не нравится? Но ты же помнишь, у меня появились морщины под глазами...». Саша растеряна.

Я обильно поливаю телячьи отбивные фруктовым соусом. Украдкой изучаю ее новое лицо. Приподнялись брови, придав лицу выражение постоянной легкой тревоги и нарушив обычную мягкость; верхняя губка, утратив прежний прелестный изгиб, делающий ее рот очаровательным и единственным для меня среди тысяч женщин, теперь отчего-то неестественно припухла...

И сама Сашенька в новой лиловой тунике с ниточкой жемчуга на шее кажется мне немного поплневшей...

После ужина мы берем бокалы, бутылку кьянти в соломенной оплетке и выходим в нашу малую гостиную. Саша оборудовала ее для нас двоих.

Над бугристым камином – декоративная ниша с японской мозаикой из морских камушков, выложенных в форме белых лилий. Подсветка над ней и свечение камина создают особое ощущение уюта. Светло-желтая стена справа от нас кажется полупрозрачной. Как бы продолжая японскую тему, в центре она украшена цветной копией одной из лучших работ Обри Бердслея: женская головка с замысловато-причудливой приче-

ской тянется к вазе на тонкой витой ножке. Из вазы, наполненной плодами экзотических фруктов, свешиваются гроздья винограда. Художник так искусно передал это, что при долгом рассмотрении изображенное становится ярче, рельефней. Постепенно проступает прозрачная золотая пыльца аромата, которую втягивают в себя тонкие ноздри молодой женщины. Ваза на высокой ножке и женская головка на длинной шее, в своих совершенных линиях уподобляясь друг другу, как бы являют образец гармонии.

Огонь играет на стенках наших бокалов. Пошлая схожесть вина и крови. Мы не глядим друг на друга. Но хмель вкрадчиво льнет к нам, заглядывает в глаза. Я касаюсь сашино плеча, и она кладет мне голову на грудь. Последние минуты нашего почти безмятежного счастья.

Я несу ее в спальню. Жадно припадаю к знакомой шее. Рука моя – о, из тысячи тысяч женских грудей она узнала бы сашину, небольшую, с твердыми сосками, родную девичью грудь, – рука моя ложится на тяжелую, студенистую, незнакомую мякоть. Похолодев, я открываю глаза. Чтобы убедиться воочию, что со мною рядом действительно лежит Саша, резко включаю ночник... Две огромные, расплывшиеся тестообразные массы. Сашины глаза, наполненные слезами и ужасом...

В эту ночь я не могу и не хочу ее больше. Долго лежу без сна. Дождь за окнами неутомно бивает чечетку. Кажется, и Саша не спит.

Утро. Тугая струя холодного душа и чашка кофе. Саша спит. Она склонила голову

на плечо. Вытянула руки вдоль тела. Как девочка. Секундная жалость. Я нагибаюсь, чтобы поцеловать ее. Но не нахожу прежней родинки над губой. Она съехала куда-то в сторону. Жалость сменяется едкой ненавистью к ней. Я хватаю ее, спящую, за плечи и трясу. «Что ты сделала с собой? Ты меня спросила? Ты спросила меня?» – твержу я. Молча рыдая, она падает на подушку. На пороге я бросаю: «Ты украла у меня то, что я любил!»...

Холодный дождь продолжает свой безумный пляс. Бесстыже втаптывает скудную растительность в оголившееся тело земли. Навстречу мне сквозь мокрую хмарь плывут зажженные фары автомобилей. Кровь толчками пульсирует в голове. Наше с Сашей прошлое. Горький ком в горле.

Начинали учиться в одном вузе на разных курсах графического дизайна. Но познакомились пять лет спустя, когда я, бросив дизайн, закончил факультет современных бизнес-технологий и успешно разворачивался в деловом мире.

...Презентация работ художницы Гаевой. В руках ее – бокал с розовым мартини и долькой лимона. Гаева – сердцевина веера, вокруг которой лучами полыхают дамские наряды. Веер движется мне навстречу. Но за ним, на заднем плане – она. Моя Сашенька. Она стоит у золоченого портала, вглядываясь в художественные миниатюры. Заслышав возбужденные голоса дам, поднимает голову. Меня поражает покой, заключенный в соседстве густых русых бровей над серо-синими глазами и тонко очерченного рта. Темно-зеленая ткань платья подчеркивает свет ее тяжелых волос и редкое совершенство хрупкого тела. Все в ней тихо согласно друг с другом. Так сказал бы поэт.

Через полгода мы соединяем наши судьбы. Я счастлив и горд своим счастьем. Ее непохожестью на жен и подруг моих компаньонов. Сашенька увлекается цветной графикой. У нее маленькая фотомастерская в нашем доме.

Как-то увеличила свой фотопортрет. Долго смотрит на него. «Кажется, я старею». И вдруг спрашивает. Глаза в глаза: «Ты будешь меня любить... старую?»...

Консультант и акционер двух крупных фирм, я постоянно занят. Мы редко видимся с Сашей. Раздражение на жену не отпускает меня. Я ощущаю себя обманутым. Да, говорю я себе, это эгоистично. Она не игрушка, она имеет право и так далее. Но ведь ее лицо принадлежит и мне. Наши тела и лица в любви отданы друг другу. Она отняла у меня то, что я любил, и взамен предложила то, что я не могу любить.

«Интересно, для кого ты сделала пласти-

ку? – спрашиваю я на пороге ее спальни. – Может, тебя с твоим новым телом уже кто-то успел отлюбить на этой кровати, пока меня не было?».

«Не надо, милый... Остынь», – тихо говорит Саша.

Я закрываю дверь. Гадливое ощущение от себя. Как запах изо рта.

Долго и бесцельно плыву в потоке машин по вечерним улицам. Расплывающиеся справа и слева фонари и рекламы. Стайки хохочущей под зонтами молодежи возле баров. Тающие свечи на елках в окнах соседних коттеджей. Приближаются новогодние праздники. А дождь между тем от свободной пластики снова переходит к браурным прыжкам, поливая забывшую о снеге землю. Какой-то танец-модерн. И всеобщая тоска.

Навстречу мне спускается Саша. Никакая. На ней нет лица. Ни того, что было прежде, ни ее нового. Почти пройдя мимо, я ловлю ее руку и, не глядя на нее, говорю: «Передай Наташе... Короче, в Новый год у нас гости и... Прости меня».

Жалкая попытка к примирению.

От нашего дома тянется хвост иномарок. Гостиная высотой в два этажа сияет звездной пылью. У барной стойки мои гладковыбритые, тугие компаньоны. Деловой бомонд и представители арт-бизнеса. Черные френчи и фарфоровые зубы. Бесконечные попытки говорить на отвлеченные темы и острить. Предполуночное оживление. Как будто завтра, то есть уже через пару часов, с боем курантов мир перевернется. Дамы хохочут. Я с трудом узнаю в женской стайке свою жену. У них у всех одно лицо: убывающие брови, вывернуто-влажные рты и готовые вывалиться бюсты, обтянутые блестящей тканью.

Я отворачиваюсь, но успеваю заметить внимательно-горький взгляд Саши. Слыша закипающее во мне бешенство, иду к барной стойке.

К утру все разъезжаются. Проводив гостей, возвращаюсь в дом. Захожу в малую гостиную и зажигаю свет. Что это?... Я холодею от ужаса. Из фруктов на картине Бердслея ползут черви: жирные, желтовато-серые, насытившиеся черви. Они лезут и из женских локонов.

Приглядевшись, я понимаю, что это обыкновенные потеки. Картина, очевидно, отсырела от дождей, так как гостиная смыкается с остекленной и недостроенной в кровельной части верандой.

С чувством омерзения стою перед испорченной картиной. Слышно, как стукнула входная дверь. Должно быть, я плохо прикрыл ее. Вторые сутки не унимается ветер.

Открываю дверь в ее спальню. Гладко застеленная безмолвная кровать с откинутым

шифоновым пологом. Где Саша? Я бреду в соседнюю комнату, и в другую, и в третью. Ее нет нигде. Заглядываю во все ванны, душевые и клозеты. И уже холодея, открываю дверь в мастерскую. Там пусто. Где Саша?!

Начинаю искать ее по второму кругу. Заглядываю в гардеробные. Все на месте. Все ее шубки, пальто, дубленки. И даже домашние туфли. Где она?

Я несусь в гараж. Ее машина стоит на месте. В бессильной ярости и обиде опускаюсь на нижние ступеньки лестницы, ведущей вверх.

Устал. Утренние сумерки нового дня. Середина зимы без единой упавшей снежинки.

Предметы и очертания холла становятся все четче. Я долго сижу в каком-то замершем пространстве и курю сигарету за сигаретой.

Я еще не знаю, как комнаты в доме станут гулкими из-за ее отсутствия. И постепенно

из памяти стен выветрится звук ее шагов. Не знаю, что уже завтра, теряя сон и аппетит, я кинусь искать ее, подниму на ноги частный сыск, милицию, скорую помощь...

Замысел Сашеньки станет для меня очевидней, когда у меня попросят ее фотографии, и я не найду их даже в семейном альбоме. Она забрала с собой все свои фотографии. Унесла свой воплощенный образ.

Составляя фоторобот с молодым сыщиком и вполне осознавая неадекватность моих действий, я опишу ее – ту, прежнюю, какую любил: и тонкий рисунок нежного рта, и родинку над губой, и густые русые брови... А через минуту вернусь обратно, вызвав замешательство и подозрение: «Виноват, лейтенант, замечтался. Нарисуем другой портрет...».

...И лишь к середине января выпадет снег.

Александр АБДУЛАЕВ

писатель,
участник ликвидации аварии
на Чернобыльской АЭС,
награжден орденом «За личное
мужество», дипломант Международной
премии «Чернобыльская звезда»,
лауреат литературной премии
«Патриотизм и верность долгу»
Российского Союза «Чернобыль»

СТАРУХИ

Рассказ

На серой от времени деревянной лавочке сидели две старухи. Из-за низкого штакетника палисадника вылезали ветки сирени. В воздухе плавал едкий запах кострового дымка. Его притянуло от соседей, которые жгли на своих огородах разный хлам. Небо было голубое, чисто вымытое вчерашним дождем. Старухи сидели и молчали, изредка провожая глазами редких прохожих. Лица у старух были схожи, глубокие морщины изрезали когда-то молодые лица. Кисти рук лежали на коленях, скорее похожие на клешни, загрубевшие и почерневшие от тяжелой работы.

Лукерья, которая была постарше, тяжело вздохнув, сказала:

– Слышь, Михайловна, с вечера только задремала, все ждала, что какой-нибудь сон приснится, и вдруг всю комнату заполнил белый свет, и оттуда выступает образ архангела Гавриила. И спрашивает он меня тихим голосом: «Готова ли ты, Лукерья, предстать перед судом Божьим? Исправно ты

богу молилась или нет?». И только хотела

я ему ответить, что чиста в помыслах и делах, как тут и проснулась. Так и лежала до первых петухов. К чему бы этот сон?

И она опять замолчала.

Лукерья коротала свой вдовый век. Замуж вышла перед самой войной, с мужем так и не налюбилась, забрали суженого повесткой на фронт. Бежала, едва уняв сердечное колотье, при виде почтальона, все ждала весточку от мужа. Потом пришло короткое письмо от командира, что погиб красноармеец Аверин смертью храбрых и боевые товарищи поклялись отомстить за него. Тоску нечем было прогнать, она гвоздем сидела в душе. Ни тяжелой работой в поле, ни слезами, которые текли по ночам сами. В минуты отчаяния доставала она рубаху мужа, пахнущую потом, сжимала ее в руках и, уткнув в нее лицо, горько рыдала. Так и жила одна, храня верность своему супругу.

Другая старуха, Михайловна, тоже была одинока. Несколько лет назад похоронила своего старика, и покоился он на местном погосте в лесочке за церковью. Кирпичная церковь стояла над селом, выложенная из красного кирпича добротными мастеровыми. Только ветер и дожди немного вымыли раствор из кладки. Пять маковок по ее углам блестели и были видны издали. На высокой колокольне висел большой колокол, и его малиновый звон растекался по всей окрестности. Большие арочные окна поднимались кверху и были затянуты узорчатыми переплетами. Церковь в старое время была обнесена красивой кованой изгородью, растащенной потихоньку после революции на всякие хозяйственные нужды. Люди перестали бояться Бога. С улицы к алтарю пристроили кинобудку, но вскоре фундамент лопнул и просел. Видимо, сам Господь противился, чтобы в святом месте устраивали сельский клуб. Потом церковь использовали как зернохранилище, и часовой в острокопечном шлеме с длинной винтовкой ходил вокруг заколоченной церкви. С еще не сдернутых крестов на него смотрели голуби. И только перед самой войной в село привезли молодого священника, который и стал нести службу. Старики принесли из домов иконы, и церковь ожила. Только звонить в колокол не давали. Парторг любил повторять, что церковь отделена от государства – и все тут.

Михайловна об аварии на атомной станции узнала совершенно случайно от своего сына. Венька, мужичок цыганистого типа, приехал на своем мотоцикле «Восход», и только сели за стол откусывать, как он с полным ртом гречневой каши сразу заговорил:

– Знаешь, ма, на станции пожар был, всю ночь тушили, пожарных и «скорых» тьма сколько. Говорят, сильный выброс радиации. Нас всю бригаду собрали – и на речку, а там горы песка намыто. Так мы весь день мешки кантарили. Потом солдат нагнали, они эти мешки в вертолеты грузили. Мешки, говорят, собирали со всего города.

Михайловна ответила, немного подумав:

– Может, все обойдется, не так страшен черт, как его малюют. И раньше там, на станции не все спокойно было. Обойдется.

Она вытерла платком уголки рта и добавила:

– Ешь, не торопись.

Венька посмотрел прямо матери в глаза:

– Нет, перекушу и обратно в Припятъ, объявили по радио, всех будут эвакуировать. Надо детей приготовить, отправить к теще.

Уже в сумерках Венька топнул по мотоциклу, мотоцикл на больших оборотах взревел, Венька вскочил на него, махнул рукой и ис-

чез в дальнем сосняке. Когда уже стемнело, ветер принес запах сгоревшей резины, в стороне на большой дороге грохотала военная техника. Село жило ожиданием. На шестой день после аварии людей собрали возле колхозного правления, где на коньке развевался красный флаг. Из одноэтажного здания вышел председатель Сорока: тучный, в немного мятом пиджаке. Его лицо с широкими скулами было напряжено, в правой руке был зажат небольшой листок бумаги. Он прокашлялся, как это делают трубачи перед тем, как заиграть на своих инструментах, и с волнением в голосе произнес:

– Товарищи, пришла телефонограмма сверху, село будем эвакуировать на несколько дней. Повода для паники нет, в первую очередь поедут старики и дети, с собой надо взять документы. За свое хозяйство не беспокойтесь, все объекты милиция возьмет под охрану.

Кто-то невидимый натянул тетиву напряжения, кажется, сорвись один голос, его волной подхватят все. Старухи переглянулись и встретились глазами, в которых можно было прочесть тревогу и волнение. Они-то помнили и знали, что такое эвакуация, это слово пробуждало память о войне. ...В первый год войны, когда наши войска отступали на восток и в спешке не успели сжечь мост, немцы вкатились в село, когда еще в воздухе висела пыль от сапог наших солдат. Оккупанты чувствовали себя уверенно. Скот забрали, молодежь грузили в вагоны и отправляли на работу в Германию... От слова «эвакуация» пробивала дрожь и рождалась неуверенность.

Ночью возле дома несколько раз посигналила машина. Хозяйка включила свет во дворе и в окно увидела колхозного зоотехника Сюткина в длинном зеленом дождевике. Михайловна накинула на плечи старый мужнин пиджак, вышла во двор. Падающий свет выхватывал из темноты половину мужского небритого лица. С виноватой ноткой в голосе Сюткин проговорил:

– Ты извиняй меня, Михайловна, за такое, и спать тебе не дал да и корову сейчас заберу. Дам тебе справку, что сдали корову на мясокомбинат, потом деньги получишь. Вернемся обратно в село, новую себе купишь.

У Михайловны в груди что-то сперло, и казалось, что сердце пульсирует в висках. Из глаз сразу потекли слезы, она вытирала их рукавом пиджака. Не могла она себе представить, как будет жить без коровы. Порой стосковавшись по общению с людьми, она разговаривала с коровой будто с человеком. Корова, чувствуя разлуку, головой жалась к старухе. Вскоре машина, стуча бортами, ехала к другому дому, где уже горел

свет. Соседи уже поджидали заготовителей. Михайловна не знала, что весь скот из радиоактивной зоны будет пущен под нож и отправлен по огромной территории Советского Союза, кроме Москвы и Ленинграда. Такое решение было принято оперативной группой Политбюро партии.

Пасха в 1986 году выпала на 4 мая. С утра старухи напекли куличей, выкрасили яйца в луковой шелухе. Весь день прошел в ожидании всенощной. Вошли в церковь молча и благоговейно. Сотворив три поклона, прошли вглубь церкви, в ней было сумрачно. Встали возле алтаря, чтобы лучше было слышно батюшку, и пели вместе с прихожанами «Христос воскрес» и «Аллилуйя». К концу службы батюшка освятил куличи. Старухи оставили пожертвования на большой тарелке и пошли домой. Вдалеке край неба приподнялся, и была видна розоватая полоска нового дня. Они шли по улице, подерживая друг друга.

Лукерья возилась на кухне, гремя крышками кастрюль. С улицы мужской голос крикнул, чтобы она шла к правлению. Лукерья собрала в узелок немного провизии, документы и деньги положила в небольшой целлофановый пакетик и перетянула красной резинкой. С болью в сердце вышла из дому, встала лицом к нему, перекрестилась, низко поклонилась и, не оборачиваясь, пошла вдоль по улице. Дом с осуждением смотрел ей вслед подслеповатыми окнами.

На асфальтовом пяточке уже гомонил народ. К Лукерье подошла сердешная подруга Михайловна:

– Поедем, милая, на новое место. Погостим – да обратно.

Лукерья поправила рукой платок на голове, сухо ответила:

– Бог даст, скоро вернемся. Не на век отсюда уезжаем, дома побросали. Без хозяина все разрушится. Вот напасть какая случилась.

Михайловна вторила ей:

– Шут его знает, что это за радиация, не видно, на зуб не попробуешь. Ликвидируют эту аварию. За огородом надо следить, а иначе все травой затянет.

Рядом скрипнул тормозами новенький, еще без номеров автобус. Шофер открыл дверь и махнул рукой, приглашая войти. Все без толкотни расселись по местам. К полудню доехали до большого села Полесское, где их уже поджидали. В школьной столовой налили по тарелке супа да на раздаче полная улыбочивая повариха положила каши от души. Лукерья, было дело, стала возму-

щаться:

– Куда столько, милая?

Повариха улыбнулась, показывая передний щербатый зуб:

– Кушайте, бабушки, на здоровье, харч еще подвезут.

Запив обед стаканом компота с плавающими дольками сухофруктов, они пошли в спортзал, где на полу лежали скатанные полосатые матрацы. Обустроив свои лежачие места, вышли в школьный садик. Просидев на лавочке до темноты, вернулись в спортзал, легли рядом, повернувшись спиной друг к другу.

Ветер разогнал облачность, и на небе проклюнулись яркие весенние звезды. Они заглядывали сквозь большие окна. Михайловне не спалось на новом месте, она ворочалась и все вздыхала, затем нашла руку подруги:

– Слышь, Лукерья, прости меня, старую дуру, никуда не поеду, назад хочу. Не могу старика оставить. Кто будет за могилкой смотреть? Да и умереть хочу дома, когда время придет.

Лукерья слушала ее и тайком утирала слезы, которые сами собою катились из глаз. Так остатки ночи прошептались старухи, вспоминая прожитую жизнь. Утром Лукерья сбегала в сельмаг, купила полбуханки черного хлеба, немного сала. И они ушли, ни с кем не попрощавшись, обратно, домой.

К тому времени запретная зона была обнесена колючей проволокой. Они наткнулись на нее в невысоком сосновом лесу. Солнечные лучи проглядывали сквозь плотную крону деревьев и оставляли на земле, покрытой хвоей, светлые пятна. Палкой приподняв нижний край проволоки, они по очереди, помогая друг другу, проползли под ней.

На следующий день они опять сидели на лавочке возле палисадника с таким невозмутимым видом, как будто и не было поездки. Сидели молча, положив руки на колени, и только выцветшими от времени глазами провожали длинную колонну бронированных машин, двигавшихся в сторону атомной станции.

...Эвакуация была проведена с опозданием на семь дней. Какую дозу радиации получили сельские жители, неизвестно. Люди бросали обжитые места, свои родовые гнезда, чтобы никогда сюда не вернуться.

Собаки, брошенные своими хозяевами, позже стали сбиваться в стаи, представляя опасность для тех, кто вернулся к родному очагу, не прижившись на новом месте.

Галина ПРОНИНА

поэт, прозаик,
лауреат Всероссийского
литературного конкурса «Мастер»,
Республиканского литературного конкурса,
посвященного 65-летию Победы

*Посвящается моему дяде
Сергею Дмитриевичу Исакову.*

НА ДОБРУЮ, ВЕЧНУЮ ПАМЯТЬ...

Рассказ

Катюха сидела на пыльном полу, широко раскинув ноги, и перебирала лежащие перед ней фотографии. Их было много: в старинных тяжелых альбомах с корочками, оклеенными синим потертым бархатом, в пакетах из черной плотной бумаги и просто кучей в большой коробке из-под обуви. Она сортировала их, откладывая в сторону старые пожелтевшие фото с надломами и разорванными уголками, на которых были изображены незнакомые ей люди в старомодной одежде со странными старомодными лицами. На обороте этих снимков уже нельзя было различить ни имен, ни дат, чернильные надписи давно выгорели или размылись. На некоторых из них можно было еще прочитать написанное размашистым крупным почерком «На добрую память» или «На вечную память».

В бабушкиной квартире шла генеральная уборка, приехали все, у кого нашлось свободное время. Бабушка Дуся умерла несколько месяцев назад, теперь ее квартиру освобождали от вещей, готовя к продаже.

Баба Дуся, – а Катюхе она приходилась прабабушкой, – прожила восемьдесят два года, на пятнадцать лет пережив своего мужа Сергея Дмитриевича. Была она старушкой боевой и энергичной, хоть и жаловалась привычно на недомогания и боли то тут, то там. Любое постановление правительства находило в ней живейший отклик и сопровождалось собственными комментариями. Проработав много лет в собесе, Евдокия Прокопьевна особенно равнодушна была к пенсионным реформам и даже отправляла в правительство свои предложения. От матери Анны Александровны она унаследовала патологическое

трудолюбие и не любила сидеть, сложа руки, потрясаяще готовила, а на каждое Рождество устраивала большой семейный прием.

Прошлой осенью баба Дуся попала в больницу. Не особенно сопротивляясь, прошла все обследования. Диагноз был неожиданным и страшным, но еще до приговора врачей баба Дуся объявила навестившим ее сыновьям и снохам, что было ей видение: через сорок дней она умрет. Ее перевезли домой и вызвали старшую дочь Алевтину, которая, оставив хозяйство и семью, ухаживала за матерью до последнего дня. Через сорок дней бабушки не стало.

– Мам, тетя Аль! Я все разобрала, принимайте работу, – крикнула Катюха, вытянув шею в сторону коридора. Катюхе пятнадцать лет, она – уменьшенная копия своей мамы Наташи: те же ясные округлые глаза, придающие миловидному личику чуть наивное выражение непреходящей детскости. Тете Але – Алевтине Сергеевне – уже за шестьдесят. Из некогда хрупкой девушки с нежным овалом лица она превратилась в уютную добрую матрону. Весь ее облик: раздавшаяся со временем фигура, светлое лицо, обрамленное седыми волосами, добрые лучики морщинок в уголках глаз в сочетании с тихим воркующим говором – делает ее похожей на сдобную ватрушку. Можно позавидовать ее сыновьям, которые могут уткнуться в материнское плечо и ощутить море покоя и любви.

Наташа и Алевтина Сергеевна с тряпками в руках вошли в комнату.

– Вот это – баба Дуся с дедом, это – родственники, это – семейные, а это – не-

известно кто. Старье какое-то. Предлагаю выбросить.

Катюха показывала на разложенные перед ней стопки фотографий.

– Выбросить. Как это – выбросить? – Алевтина Сергеевна уселась на стул и, нацепив на нос очки, стала поднимать с пола старые фото, внимательно всматриваясь в каждое.

– Вот это моя мама, – Алевтина перевернула небольшой снимок с оторванным уголком и прочитала: «Лиза умерла в 1948 году».

– Как это в 1948-м? – Катя привстала на колени и заглянула через плечо Алевтины. Красивая девушка в белом берете с глазами в пол-лица, с аккуратно причесанными светлыми волосами, в плаще с широкими накладными плечами была совершенно не похожа на черноволосую бабу Дусю, у которой лицо было вытянутым, с ярко выраженными верхними скулами и узкими губами.

– Но это же не баба Дуся? – Катюха вопросительно смотрела на тетю Алю. – У тебя что – была другая мама?! А дед Сережа – твой папа?

Алевтина кивнула:

– Да, дед Сережа мой отец, а бабе Дусе я была приемной. С моей мамой отец встретился в конце войны в госпитале, уже безногий, а в сорок пятом я родилась. Очень, говорят, любил ее, я почти ничего не помню, совсем маленькой была.

– Прикольн-о-о! Как в кино, – у Катюхи еще больше округлились глаза. – Мама, а вы с папой знали?

Наташа молча кивнула.

– Ну, ничего себе! А прадед-то мой, оказывается, был мачо, а еще говорят, что раньше не разводились и дважды не женились.

– А вот и папа, твой прадед Сергей, как раз в госпитале снят, здесь ему лет двадцать пять, – тетя Аля протянула Катюхе фотографию. На железной кровати, облокотившись на подушку, полусидел молодой человек с могучим обнаженным торсом. Лицо совсем мальчишечье, короткие светлые волосы, чуть удивленный взгляд, белая простынь, видимо, закрывает обрубок ноги. Алевтина Сергеевна задумчиво разглаживала фотографию пальцами:

– А женат папа, Катенька, был пять раз...

– Ничего себе! – Катя не могла оторвать взгляд от снимка. – Я эту фотку в руках держала и не знала, кто это. Так! Откройте уже ребенку все тайны мадридского двора, так нечестно, я тоже хочу все знать!

Алевтина сложила руки на колени и подняла голову, видимо, для того, чтобы не пролились закипавшие слезы:

– Да не любил отец о себе рассказывать. Так, по настроению или под рюмочку то про одно расскажет, то про другое. Непростая жизнь у него получилась...

Предсказание

Санитарный поезд с ранеными гнали в Сибирь. С остановками и стоянками на запасных путях, чтобы пропустить эшелоны, идущие на фронт. Казалось, дорога бесконечна. Спертый, сладковато-тошнотворный от запаха крови воздух давил грудь. Серега успел изучить каждую трещинку и нацарапанные кем-то надписи на стенке вагона у изголовья. Боль была нестерпимой, особенно ломило несуществующую стопу, это просто бесило Серегу, ведь от правой ноги остался обрубок выше колена. Левая нога тоже была покалечена, вся ее внутренняя часть от икры и выше была срезана осколком бомбы. Губы искусаны кровью. Когда вагон потряхивало на перегонах, Серега жевал край окровавленной простыни, чтобы не застонать от боли, пронзающей все тело. Спасеньем было, когда терял сознание и уже не чувствовал ничего.

Ижевск. Вот они – родные места, за окошком мелькают. Ошибся старик: не лежать Сереге на родине. Состав резко дернулся, боль и темнота...

Из темноты выплывает то самое село, которое они брали полком ранней весной 1943-го. Солдаты были измотаны боями. Разместили их на ночь в двух из трех уцелевших изб. Выставили дозоры и пошли отдыхать. Было их пятеро неразлучных друзей, все почти одного возраста – двадцать с небольшим: комбат Серега Исаков, взводные Матька Субботин, Салтыков-Щедрин, Ишмухамедов и Плаксин. Столько всего пережили вместе, выручали и спасали друг друга не раз, а в какие только истории не попадали, вплоть до штрафбата. Как-то с озорства ли, спьяну ли выстрелили в бане из ракетницы, а она пробила чуть живую крышу и взвилась в ночное небо. Полк за считанные минуты занял боевые позиции, командир связь обрывает, никто понять ничего не может. Серегу из капитанов в рядовые разжаловали – и в штрафной батальон своего же полка. В первом же бою отличился в рукопашной, был ранен и возвращен, только звания начал зарабатывать опять с нуля...

Дом для ночлега выбрали поменьше, для пятерых в самый раз. Вошли разгоряченные, усталые, в хате пусто: лавка

да стол дощатый в углу, чуть разглядели в закутке за печкой старика. Седые длинные волосы свисали со лба, такая же седая нечесаная борода скрывала пол лица, – лесовик да и только. Старик, не поднимая головы, вязал сети и как будто не замечал вошедших.

– Батя, пожрать чего-нибудь или хотя чаю не соорудишь?

Старик невозмутимо продолжал свое занятие. Понимал ли он, что творится за стенами его дома?

– Батя, ты глухой что ли? – Субботин тронул старика за плечо. Тот, не поднимая головы, молча махнул в сторону печки и чугунка. Матька выругался и с досадой сплюнул на пол:

– Давай, мужики, растопляй печь, я за водой, чаек сварганим.

Вскипятили в чугунке чай, разлили остатки спирта, поставили перед стариком стопку и банку тушенки. Серега еще в медсанбат успел смотаться к жене Анюте. Утром встали – и к своим взводам. В дверях их остановил голос старика, сидевшего, как и вчера, в той же позе за тем же занятием:

– Стойте, сынки! – Голос старика, выросшего до глаз пегой бородой, спускающейся ему на колени, был на удивление сочным, идущим как будто из утробы. Все пятеро застыли в дверях.

– Ты, – дед показал на Ишмухамедова, – будешь убит. Тебя, – ткнул в сторону Салтыкова, – убьют свои же. – Потом палец уперся в Серегу: – Ты лежать будешь на родине, доживешь до восьмидесяти трех. Вас, – махнул он в сторону Субботина и Плаксина, – убьют. Идите.

Ошарашенные неожиданным предсказанием, пятеро молча вышли из хаты и молча разошлись в разные стороны. Они ни разу потом не говорили между собой об этой встрече, видимо, каждый опасался дразнить судьбу. Ишмухамедов подорвался на mine в следующем бою, через месяц Салтыкова случайно застрелил часовой. Когда Серегу зацепило осколком от бомбы, вытащили его из боя к реке Анюта с Матькой Субботиным, уложили на плот с другими тяжелоранеными, а потом опять бомбежка...

Мм-м-м, снова боль. Серегу перекладывали на носилки, в вагоне была суета, все, кто мог, пробирались к выходу.

– Мы что, уже приехали? – спросил он, морщась от неосторожных движений санитаров и прикидывая, как же надолго он отключился.

– Приехали, приехали, ты уж потерпи немного.

– А куда приехали-то?

– В Ижевск. Бывал тут?

– Да, считай, родина моя. – Серега был потрясен таким известием.

– Вишь, как повезло тебе, парень, дома и стены помогают. Кабы не приказ срочно разгрузить эшелоны и очистить все пути, ехать бы тебе еще и ехать!

– Ну, стари-ик! Неужто ж выживу?! – подумал Серега и снова впал в забытье.

Госпиталь

Очнулся Серега уже в госпитале. Склонившееся над ним симпатичное девичье лицо показалось очень знакомым.

– Здравствуйте, Сергей Дмитриевич! Не помните меня? Я Лиза из Грузлевки, – девушка смущенно улыбалась, а Серега как замороженный смотрел на ее пухлые губы и огромные выразительные глаза. – Я еще, когда раненых разгружали, вас заметила, думала, показалось, а потом посмотрела сопроводительные документы, и точно: Исаков Сергей! Земляк с Архангельского, редко так случается. Здорово, правда?!

– Чистая правда, Лиза, только что ты мне выкаешь, неужто я так постарел? Мне всего-то двадцать пять, – Серега попытался улыбнуться.

– Ой, совсем не старый, но вот волосы седые уже есть, – Лиза совсем засмузилась, не зная теперь, как обращаться к нему. Серега смешно махнул рукой:

– Да ты что, это они просто на солнце выгорели, больно уж жаркое лето было. Ты здесь работаешь?

– Да, закончила медицинское училище, и вот сюда направили. Здесь очень хорошие врачи и хирурги, они быстро на ноги поставят. Ой, – Лизино лицо залилось краской, взгляд метнулся к обрубку ноги, она даже рот ладошкой прикрыла, – ну, то есть вылечат, ну, в общем, помогут.

Серегу уже забавляло смущение девушки:

– Да не извиняйся ты, все нормально, лишь бы дальше не оттяпали жизненно важные органы, может еще пригодятся, я ведь долго собираюсь жить.

Лиза вскочила с края его кровати, быстро поправляя туго повязанную косынку и отряхивая белый халат:

– Мне пора идти. Я, – она замялась на секунду, но все-таки выговорила, – к тебе еще приду, – и быстрым шагом вышла из палаты.

Сосед справа тихонько присвистнул:

– Ну, едрена-феня, ты, парень, молоток! Только глаза успел открыть, а уже ухажорочкой обзавелся. Она все сидела над

тобой, ждала, когда очухаешься, — он гоготнул, морщась, покачал перебинтованную руку.

— Никакая она не ухажорочка, землячка из соседнего села, — огрызнулся Серега. — В армию уходил, всех девок в округе знал, а эту не заметил. Смотри, какая красавица, сам бы не признал ни за что. Интересная девка.

Он смотрел на дверь, за которой скрылась Лиза, а думал об Анюте. Анюта была на втором месяце беременности, ждала от него ребенка. Что с ней, где она, Серега не знал. Все это время он старался восстановить в памяти цепь событий, начиная с того последнего жаркого боя.

Их стрелковый полк пошел в наступление, по команде он тоже поднял свой взвод в атаку: «За Родину, за Сталина! Вперед бойцы, едрит вашу мать!». И дальше, как водится, обязательный в таком деле набор взбадривающих слов. Успели пробежать несколько десятков метров, как в небе показались немецкие «мессерью». Взрывы, крики, свист пуль, противный нарастающий визг летящих сверху бомб, и вдруг взрыв: прямо перед ним. Очнулся в глубокой воронке, в голове, как в чугунке, гул стоит, правая нога по колено перерублена. Стянул с себя ремень, перетянул ногу выше раны и пополз наверх, помогая себе штывком. Выбрался из воронки и перекатился на несколько метров, а тут опять взрыв бомбы. Осколком, как зазубренной пилой, резануло по левой ноге. Стиснув зубы, изо всех сил стараясь не потерять сознания, снял с лежащего рядом убитого солдата ремень и перетянул левую ногу. Сколько пролежал — не помнит, очнулся от того, что кто-то тащил его из воронки. Анюта с Субботиным. Анюта всхлипывает и причитает: «Потерпи, миленький, потерпи, Сереженька!». Матька Субботин с перевязанной головой цедит сквозь зубы: «Не дрейфь, Серега! Будем жить!». Подтащили к реке, там связывают плоты для тяжело раненых. Анютка берет его лицо двумя руками и целует, соленая влага попадает на лицо: «Сереженька, ты только не умирай. Миленький мой, как же теперь, что же теперь буде-е-т?!». Анюта осталась на берегу, а Субботин, рыча, поднял и понес его на руках к плоту, уложил с краю чуть ли не на других раненых. Крики, стоны, мат в семь этажей, шум близкого боя... Матька тихонько ткнул кулаком в грудь: «Держись, братан!». Кто-то оттолкнул шестью плот к середине реки: «С Богом!». И тут снова началась бомбежка. Вода вставала огромными фонтанами. Их плот перевернулся от взрыва, все ушли под

воду. Какая-то неведомая сила вытолкнула Сергея наверх, он схватился за скобу, торчащую из остатков плота, в глазах темно и колотит всего: наверное, от потери крови. Оглянулся назад — берег дымит, никого не видно. Течением несло его, пока свои не выловили, — чуть руки расцепили...

Хирург с воспаленными красными глазами, в халате, забрызганном кровью, долго качал головой, рассматривая ноги Сергея. Мял и колотил их иглой, поглядывая на реакцию: «Ну, что же, герой, э-э...».

— Да какой я герой, герой кверху дырой, — Серега волновался. — Только воевал честно, как надо. Вы тоже сделайте, как надо, честно! Хоть одну-то ногу сохраните, доктор, не обрубком же мне век доживать! — Голос предательски задрожал: — Время уходит, а никто толком ничего не делает. Меня по реке сплавили из боя, а когда вытащили на берег, уложили, как полено, с другими такими же вдоль железнодорожных путей состава дожидаться. Два дня к нам никто не подходил. — Серега судорожно сглотнул: — Кругом мухи, кровь, у меня черви в ранах завелись! Я первому же санитару по морде врезал, других не смог достать...

— Ну-ну, молодой человек, не горячись так. Врачи — не машины, к сожалению, сам видишь, сколько раненых поступает. Сделаем все, что возможно, но запасись терпением, уйдет не месяц и не два. — Хирург сжал Сереге руку. Сергей в отчаянии откинулся на подушку:

— Да все я знаю, у меня там жена на фронте осталась, майор медицинской службы, видел я эту вашу кашу. Никак мне без ног-то нельзя! — Он резко отвернул голову.

Хирург ободряюще похлопал его по плечу:

— Все будет хорошо. А вот черви, как ни парадоксально, можно сказать, спасли тебя. Питались гноем из твоих ран, не дали развиться гангрене.

В ижевском госпитале Серега провел год, перенес несколько операций.

Родители

Агафья собралась в Ижевск, как только получила письмо от Сережи. Жив сыночек, жив, кровинушка, пусть покалеченный, безногий, но живой. Уж она ли не молила пресвятую деву Марию о спасении своих детей, уж она ли с мужем не простаивала ночами на коленях перед иконами.

Восемнадцать детей родила Агафья, выжили из них пятеро. Выросли, выбрали

свои дороги, а тут война проклятая догнала и еще раз осиротила. У дочери Степаниды муж погиб, оставив ее вдовой с детьми на руках. На Максима пришла похоронка: «...пал смертью храбрых». Семен тоже, поди-ко, где-то воюет, если живой. Как сбежал из дому в четырнадцать лет, так ни слуху, ни духу от него. Сережа вот в госпитале лежит, а как останется совсем без ног, тяжело придется, в доме уже два инвалида будет. Миша сильно в детстве переболел, да потом, упавши, спину повредил – горбатенький.

Обо всех у матери сердце болит, постарела раньше времени, каждого поминает в своих молитвах. Икон в доме много старинных церковных. Муж их перенес из церкви, когда все крушили и рушили. Церковь в Архангельском была самой красивой в округе, пусть не каменная, деревянная, словно из кружев сплетенная. Село большое, за триста дворов, а отовсюду ее видать было. На воскресную или на праздничную службу все принарядятся в лучшее «на выход», идут семьями, чинно раскланиваясь с соседями, придиричливо отмечая про себя, что и они не хуже людей. А звон благостный с колокольни вливается в грудь широкой рекой и течет сквозь тебя дальше, будто очищая душу. В другой деревне говорят: «В Архангельском звонят...».

Пришла новая власть, порушили красоту, сожгли. Кто смог и посмел, спасал иконы, разнося по своим избам. Да и там держать иконы опасно стало. Такое уж оно, новое время, в сыновьях и то почитания православной веры не осталось, что уж про чужих говорить. С Семеном-то вон как получилось. Не захотел в церковь ходить да с деревенскими парнями в картишки стал поигрывать, шалопутничать, муж и пригрозил, что проучит неслуха, а тот сбежал. Ушел из родительского дому невесть куда, ни письма, ни весточки за столько лет. Может и сгинул где на чужбине, никто не знает.

Муж Дмитрий из очень верующей семьи, его отец Евдоким Исаков держал семью в строгости и послушании. Работящие все были, жили зажиточно. Пришел срок жениться, выстроили Дмитрию дом, сосватали Агафью – деву ладную, работающую. Про сердечные желания никто не спрашивал. Дмитрий росту был небольшого, коренастый, темные глаза из-под упрямого лба. С годами отпустил усы и бороду и, сдвинув сердитые брови, становился похож на уездного урядника. Агафья на голову выше его ростом, не тюня-матюня какая-нибудь, но мужа по-

баивалась, на рожон со своим смыслом не лезла. Родители сосватали, по рукам ударили – слезы лить бесполезно. Да и то: неплохим мужем стал Дмитрий, – работы не боялся, людей не чурался, только вот прижимист был и скуповат, а, может, оттого и не бедствовали, шерстобитку свою держали. Агафья втихаря детишек баловала то сметанкой, то маслицем, а то сахарком, наколотым щипцами от сахарной головки. Как могла, укрывала от скорого мужнина гнева.

Всех детей Агафья рожала дома, муж сам принимал роды. Достанет ребенка, выдернет из мешка клочок шерсти, поплюет на пальцы, свивая тоненькую веревочку, перевяжет пуповину и отрежет, не моргнув глазом. Потом в заготовленной баньке вымоет, завернет в чистую холстину и положит Агафье на грудь. Отдыхай, скажет, корми ребенка и имя назовет.

Только больше трех дней отдыхать не давал: «Вставай, в поле пора, чего долго-то разлеживаться. Под лежачий камень и вода не течет». Вот и водились старшие дети с младшими. Где не доглядят, где болезни привяжутся, где надорвутся от непосильной работы, а только прибрал Господь рожденных ею детей в три раза больше, чем оставил. Да и с этими она лиха хватила. Старшая Степанида до замужества была во всем помощницей, а как замуж выдали, стало рук не хватать. Сыновья тоже были работящими и умными, но и озорства было в них сверх меры. Не имели они уже того почтения к родительской воле, как раньше было заведено. Порушила Советская власть не только веру в Бога, но и семьи, заведенные веками порядки. Их семья работала, не покладая рук, от зари до зореньки, держали коров, свиней, овец, другую живность. На шерстобитке трудились все вместе, никто даром хлеб не ел, а новая власть вывернула все наизнанку. Кто раньше работать не хотел или не умел, у кого все, кроме ложки, из рук валилось, стал в чести и почете. А тот, кто роздыху не знал, горбатился, работал, стал «кулаком» и «врагом трудового народа».

Как пошли по деревням продразверстки и колхозы, так Дмитрия Евдокимовича записали «врагом народа», арестовали и отправили вместе с другими зажиточными мужиками в Сарапульскую тюрьму. Отобрали в колхоз шерстобитку, дом, все подворье разорили. Агафья с детьми переехала жить в баньку, вот уж тогда показалось ей небо с овчинку. Давние завистники злорадствовали, осторожные стороной обходили, а добрые люди присо-

ветовали не опускать рук, правду искать. Решилась тогда она с Матреной, такой же горемыкой, как она, отправиться в Москву к всесоюзному старосте Калинину: мужа выручать. Собрали в котомки кой-какие пожитки, еды на дорогу, перевязали их, чтобы удобнее через плечо перекинуть, надели лапти и пошли пешком в белокаменную. Часть пути, конечно, пришлось проехать по железной дороге, это уж потом в селе пересказывали историю, как Агафья в Москву пешком ходила.

Долгой и трудной была дорога, каждый сухарик сэкономили, а все-таки добрались до столицы. Суэта огромного города была непривычна, им казалось, что высоченные каменные дома наклоняются к ним своими верхушками и готовы рухнуть прямо на голову. Как перепуганные курицы, держась за руки, метались они по Москве, шарахаясь от гудков автомобилей, груженых повозок и потоков куда-то спешащих людей. Но, язык, говорят, до Киева доведет, в конце концов, оказались они в приемной Михаила Ивановича Калинина. Им не надо было разыгрывать драму, горькая обида комом стояла в гортле, слезы сами лились по сморщенным щекам. В чем она, правда, — спрашивала Агафья: мужья в тюрьме, жен с детьми выгнали на улицу. А вина одна, что работали, не жалея ни себя, ни семьи, чтоб дети были сыты и одеты, что плохо работать не умели. Она говорила много, сбивчиво, боясь, что ее остановят и не поймут. Матрена только утирала слезы и сморкалась в большой платок, постукивая заскорузлым пальцем по зеленому сукну стола и повторяя: «Вот, вот!».

Калинин слушал молча, не перебивая, лишь покашливал, прикрывая рот ладонью. Расспросил их о жизни на селе, о детях, школе, об урожаях. Говорил он негромко, но так, что сразу наступало успокоение.

— Езжайте домой, к детям, — сказал он на прощанье. — Советская власть во всем разберется!

Дмитрия и мужа Матрены выпустили из тюрьмы через полгода. Дом вернули, а шерстобитку оставили в колхозе. Дмитрий так и работал на ней, только уже за общие трудовые дни. Стал он еще более скуп и ворчлив, тяжело переживал разорение своего хозяйства. Досталось от того черного дегтя и детям — сначала в школе, потом в армии. Серёжу призвали на службу в тысяча девятьсот сороковом году, а через полгода списали как сына врага народа. С каким же упорством он искал справедливости, доказывал, что отец

реабилитирован, и снова пошел служить уже весной сорок первого, выучился на командира. А ведь женатый уже был, сынок Алешенька у него родился. Жена его собрала вещички да и укатила с другим. Алешу сначала Агафье оставила, а потом приехала и с собой взяла, сказывали, помер он скоро. Ушел Сережа служить весной, а летом война началась. Три года провоевал, весь израненный, а теперь вот в госпитале лежит.

Шла Агафья знакомыми с детства тропами, спрямляя путь, переступала лаптями на места посуше, а за спиной котомка с домашними гостинцами для Серёжи: собственноручно испеченный хлеб, сальца кусок, сметанка. Шла ходко, привычно, перебирая свои мысли, а иногда и разговаривая сама с собой. Ничего, Ижевск не Москва, до Ижевска-то около двухсот километров, а напрямки — и того меньше. Она и пешком быстро управится.

Анюта

Прошло уже несколько месяцев, как Серегу определили в ижевский госпиталь. Собственно, это была школа, переоборудованная под нужды госпиталя. Все ее помещения, даже коридоры были заполнены ранеными. Кто-то после лечения возвращался на фронт, кого-то списывали по ранению домой, а кто-то находил вечное пристанище на городском кладбище. Сереге сделали уже несколько операций, раны, казалось, начинали заживать, а потом снова открывались свищи. Серега слабел. Слабел не от боли и даже не от того, что был «прикован» к постели, а от ощущения обреченности, неспособности элементарно обслуживать себя. Когда молоденькие санитарки выносили за ним «утку», у Сереги желваки играли на скулах от постыдной беспомощности.

Ребята из полка написали, что Плаксин погиб, Субботин пропал без вести, идут тяжелые наступательные бои. Что идет наступление по всем фронтам, Серега и сам слышал каждый день из черной тарелки репродуктора, висящей в коридоре. Во сне часто видел, как поднимает батальон в атаку, пружинисто отталкивается ногами от бруствера и бежит, чуть пригибаясь от свистящих пуль. Потом в груди начинает расти какая-то темная вязкая тревога, будто он забыл что-то очень важное. Ноги! У него нет одной ноги, он теперь не может бежать. Оглядывается кругом, видит дымящийся от взрывов берег реки, на котором стоит заплаканная Анюта и Матька по пояс в воде. Неожиданно сверху обрушивается столб ледя-

ной воды, он начинает захлебываться... И просыпался в холодном поту.

Анюта приезжала к нему в госпиталь в первый же месяц с санитарным эшелонном. Округлившаяся, похорошевшая, – она, видимо, из тех женщин, кого беременность красит. Живота еще не было видно, но Серега-то знал, что под ее сердцем растет их ребенок. Ее усталые глаза были подернуты какой-то едва уловимой дымкой отчужденности или отрешенности, а может, это только казалось. Он старался быть веселым, все время шутил, не выпуская ее руку. Она гладила его лицо, плечи, улыбалась сквозь слезы, которые торопливо смахивала свободной рукой. Они попытались говорить о будущем, но ничего конкретного не решили. Серега просил, чтобы Анюта приехала рожать к его родителям, она отвечала, что не знает, как получится. На следующий день Анюта уехала на фронт. Серега готовился к очередной операции.

Месяца два от Анюты не было писем, он послал запрос в полк и получил официальный ответ. Известие на казенном бланке было коротким и разящим, как пуля. Ваша жена, майор медицинской службы такая-то, была командирована для сопровождения капитана такого-то с ранением в голову, в расположение части не вернулась, на данный момент считается без вести пропавшей...

Медсестры из медсанбата написали ему, что эшелон, в котором ехала Анюта, попал под бомбежку. Сереге не хватало воздуха, в груди саднило и горело. Ему казалось, что он снова брошен в пучину той же реки, но очутившись на поверхности, уже не видит перед собой спасительной скобы, торчащей сбоку плота, а только скользкий высокий комель бревна, за который невозможно уцепиться. Он снова один: потерял жену и нерожденного ребенка. Еще одна мысль точила мозг, но он отгонял ее, не желал додумывать до конца: а вдруг Анюта просто скрылась от него с этим раненым капитаном, как та, первая, лишившая его сына? Кто он теперь? Безногий инвалид. Невелика радость от такого мужа, обузы для жизни. В день их последнего свидания ее глаза были такими печальными, а в какой-то момент ему показалось, что она смотрит на него чужими глазами, как будто со стороны. Нет, этого не может быть! Не может быть... Слишком многое их связывало. Это поначалу они с мужиками атаковали медичек санбата из практических соображений – женский пол все-таки, и спирта у них немеряно. А потом влюбился по уши. Он в бой ходил, как

на работу, которую надо скорей доделать, чтобы вернуться к ней, к Анюте. А если она испугалась жить с калекой и растить с ним малыша, пусть. Пусть, лишь бы была жива и здорова. Она знает, где его найти, а он не станет тревожить ее розысками и выяснениями. Лишь бы были живы и здоровы...

Серега ворочался на кровати, насколько позволяли перебинтованные ноги. Оцепенение сменялось приступами острого желания что-нибудь делать, двигаться, бежать. Где же Лиза, помогла бы ему поковылять на костылях...

Лиза

Лиза заходила к Сереге каждый раз, как только заканчивалось ее дежурство. Помогала ему писать письма, подкармливала чем-нибудь вкусненьким, а главное – слушала. Она так внимательно слушала и сопереживала, что даже непроизвольно шевелила губами вслед за Серегой, повторяя про себя его слова. Ему нравилось наблюдать, как меняется выражение ее добродушного лица, когда он что-нибудь рассказывал. Она то хмурила брови, то глаза делались испуганными, улыбка сменялась сомнением, ведь Серега любил розыгрыши. С первых дней, как только он оказался в госпитале, Лиза поддерживала его, как могла. После очередной операции, когда, отходя от наркоза, он открывал глаза, то первым, что видел, были ее вспыхивающие радостью глаза:

– Ну, вот и хорошо. Все хорошо теперь будет, – тихонько приговаривала она.

Когда он рассказал о гибели друзей и про Анюту, Лиза заплакала.

Однажды в минуту отчаяния Серега сказал ей, что зря, наверно, мучает себя и других, цепляется за жизнь, лучше было бы погибнуть тогда под Торопцом. В голосе Лизы неожиданно появилась твердость:

– Ты что?! Грех так думать! Ты из какого села? Из Архангельского. Знаешь, как всегда про вас говорили? Архангельские – гордые. Гордые и сильные. Суждено было тебе выжить, значит, так надо.

А потом, уже помягче, сказала, чтобы не терзал душу сомнениями про Анюту, что любящая жена никогда бы не оставила мужа, значит, нет в живых, что вот она бы так сделать не смогла никогда.

– Да тебе почем знать, это все слова, а жить-то не один день.

– Говорю, значит, знаю! Когда любишь, тогда хоть без рук-без ног, лишь бы живой был, а если еще дети есть от него...

– Ладно, когда про мужа, – понятно, а

калеку полюбить смогла бы? Меня, например?

– Да ну тебя! – Лиза вся вспыхнула и убежала.

Сергея не был новичком в сердечных играх – Лиза к нему равнодушна. Только какой он теперь к черту жених, это раньше, как говорится, от девчат отбою не было. В деревнях взрослеют рано: к двенадцати ты уже настоящий работник, к шестнадцати – почти мужик.

Сергея был парнем видным, среднего роста, но мускулистый, широкоплечий, сильные красивые руки с широкими ладонями, светлые волосы и голубые глаза. До армии еще успел выучиться и поработать учетчиком в колхозе, должность не последняя, ответственная. С малолетства чистюля, одевался всегда аккуратно. Скромником не назовешь, но и охальником не был, говорил без крика, а «осадить» словом мог, да и не только словом. Дома под строгим взглядом отца молитву творил за столом, а на посиделках озорно выводил свои любимые частушки: «Поп монашенку святую завалил под образа...». Любили его девки, и он их любил, до утра, бывало, хороводили. Однажды отец зазнобушки так погнался с сеновала, что летел, не чуя ног, и впотьмах в колодезь угодил. Как голову не сломал? Вот смехуто было, когда доставали. Нагуляться не успел, пришлось жениться, чтоб девку не позорить. Остепенился, сын Алешка родился, а жена-то вон как: муж служить в армию, а она и вовсе со двора долой.

Запали Сергею в душу Лизины слова, и волновали, и мучили. Хотелось ласки и любви, да товар больно хорош – не по купцу: в хозяйстве он не помощник, в колхозе – не работник, только что с цифрами ловко управляет. Надо учиться ходить на костылях, надо жить дальше, жизнь-то, видно, будет долгой.

Шли дни, тянулись недели. Среди моря боли своей и чужой, среди однообразия больничных будней каждый приход Лизы становился для Сергея необходимостью, светлым событием.

– Лизавета, у тебя такие горячие руки, ты просто прожигашь мне кожу. Так и до греха можно довести.

– Если не нравится, могу других санитарок позвать.

– Ну, придумала, у меня тогда еще и сердце заболит.

– Ты все смеешься надо мной, Сергей, это мое сердце о тебе болит.

– Тогда давай серьезно. Выходи за меня, я без тебя не смогу, только вот я какой, весь перед тобой.

– Я уж думала, не позовешь...

Расписались они в тот же день, когда Сергея выписали из госпиталя. Шел 1944-й, война полыхала уже за пределами России, наши освобождали территорию Европы. Сергей тоже воевал – с болью, с отчаяньем, за любовь, за свою семью. Родители купили молодым часть двухэтажного дома в Ижевске напротив Сенной площади. Сергей устроился счетоводом в конторе, жизнь налаживалась.

Город испытывал Сергея, Сергей пытался понять город: дружбы не получалось. Многолюдный голодный Ижевск был чужим, жестким и вороватым. Армия – не санаторий, война – не тещины блины, смерть ходит рядом, но накормить тебя обязаны, и одеть, и обуть. Три года службы Сергея не занимали мысли о довольствии, надо было просто прижать интенданта и потребовать все необходимое для бойца. Теперь же приходилось думать о куске хлеба самому и каждый день, экономить, растягивать. К этому надо было заново привыкать.

Лиза ждала ребенка. Сергей готов был носить ее на руках – такую нежную и отважную маленькую женщину. Решили сдать угол квартирантам: в тесноте да не в обиде. Лишние деньги были кстати, и дом не страшно оставить без присмотра, уезжая к родителям в деревню. Близость к Сенной площади не сулила спокойной жизни, много тут толклось всякого люда: кто торговал, кто покупал, кто около вертелся с лихим глазом. Вскоре нашлась приличная семейная пара, которая попросилась на постой, сторговались о деньгах, стали жить под одной крышей.

На праздники поехали Сергей с Лизой родителей навестить, ну, и за харчами, конечно. Это уж как водится, с пустыми руками не отпустят. Погостили, похвастались родным радостной новостью и обратно домой. А дома – пустые стены. Ниточки не оставили их постояльцы, все под чистую вывезли. Лиза только охнула, обессиленно опустив полные кошельки на пол, а Сергей весь побелел от злости, так ударил кулаком в косяк, что, казалось, вышибет его прочь. Скорее прохрипел, чем сказал:

– Мы здесь жить не будем. Увольняйся, Лиза, в деревню возвращаемся!

Обосноваться решили в Грахово. Грахово – районный центр, работу найти легче. Стали строиться. Дом возводили всем миром, как на селе принято. Это вам не в городе, здесь каждый пятый родня, люди – как на ладони. Сына знают и по отцу, и по деду, недобрые дела будут за то-

бой хвостом тянуться десятками лет, но и хорошее не забудется. Дверь на прутик замкнута, значит, дома нет никого, и в мыслях ни у кого не возникнет желания в избу без хозяев войти. Деревня!

1945-й год стал для них самым счастливым. Во-первых, пришла долгожданная Победа, закончилась Великая Отечественная война, во-вторых, родилась дочь Аллочка – Алевтина Сергеевна Исакова, маленький теплый комочек, согревающий душу. В-третьих, у Сереги и Лизы появился собственный дом, пусть не до конца обустроенный, но он уже стоял, их дом, их крепость, а доводить его до ума есть время, жизнь только начиналась.

... В июле 1948 года Лиза умерла от туберкулеза.

Мария

Серега как-то враз постарел, осунулся. Глубокие морщины прорезали лоб и щеки. Дом опустел и стал враждебно холодным. Аллочку забрали к себе мать с сестрой Степанидой, а он пил. Пил горькую, чтоб не помнить холодные Лизины руки, пятки на закрытых навсегда милых ее глазах. Ну как же так, бомбы дважды не попадают в одну воронку, так не должно быть! Сердце жгло огнем, Сереге казалось, что внутри него все обуглилось и почернело, как на тех пепелищах, которые встречал он на дорогах войны. После очередной рюмки он впадал в полубредовое состояние, перед ним всплывало искаженное яростью лицо Фрица или Ганса, кто его знает, с которым они сошлись в рукопашной. Память как будто старалась увести его от нового горя в омут более страшных воспоминаний, уже пережитых им раньше. Серега как будто наяву ощущал боль от вырванного немецким штыком куска мяса на шее, и сам остервенело вонзал и вонзал клинок в живот нападавшего фашиста. Они падали вместе с крыши сарая, заливая друг друга кровью. Эту деревеньку на так нужной командованию высотке они брали четырежды за сутки. В первый раз на рассвете рота ловко подобралась к укреплениям немцев: помог густой туман. Часть фашистов бежала, в захваченном блиндаже перебили всех, там же обнаружили большие запасы шнапса. Ну, конечно же, выпили за удачную операцию, а тут атака, пришлось отступить. Короче, в четвертый раз шли вдрызг пьяные на таких же пьяных фашистов: ни у тех, ни у других не было патронов. Рукопашный бой решил поединок в пользу комбата Исакова, но наград ему не добавил. Вот и теперь каждый день поднимался, словно

в атаку: заставлял себя куда-то идти, что-то делать.

– Бог в помощь! Как поживаешь, Сергей Дмитриевич?! – В проеме распахнутых ворот стояла миловидная женщина в строгом костюме, темная коса короной опоясывала ее голову.

– О, кто пожаловал! Заходи, Мария Александровна. – Сергей привстал с чурбака, стоявшего у крыльца, и шагнул на встречу гостье.

– Проходи в дом, я вот тут тюкаю по-маленьку, достраиваю, как могу. – Сергей обвел рукой широкий двор, по которому лениво расхаживали куры, разгребая лапками землю и выглядывая, чем бы поживиться.

– Молодец! Как живешь-то?

– Ох, Мария! Хорошо живу, только никто не завидует. Лизу недавно схоронил, знаешь, поди?

– Знаю, как не знать... Хорошая была девушка, царствие ей небесное. Мы всем госпиталем за вас радовались, когда у вас все сладилось. Ты духом-то не падай.

Они поднялись по недостроенному крыльцу в избу, Сергей усадил гостью за кухонный стол, сам присел рядом.

– Некуда уж падать, так тяжело мне, прости. – Сергей отвернулся, закусив губу, но быстро справился с собой:

– Сестра Степанида за дочкой присматривает и тут с огородом да с живностью помогает управляться, мне-то одному не осилить...

Мария взъерошила голову Сергея, кончики пальцев скользнули по шее, ощутив глубокий шрам.

– Сергей, ты живой, а мой вот там остался навсегда, и этого уже не исправить. Все еще у тебя будет хорошо! Смотри, сколько баб одиноких кругом, вдовых, ты только себя не теряй.

Долго они проговорили на кухне, гоня пустой чай, – у Сереги не густо было с угощением. Мария рассказывала, как после расформирования госпиталя в Ижевске, где они виделись в последний раз, вернулась на родину к родителям, как трудно ей было с двумя детьми прожить в городе, как устроилась работать в Грахово. Наконец она встала, прибрала на столе и засобиравалась домой.

– Засиделась у тебя, меня уж дома потеряли, наверно, вот ведь – зашла на минутку, называется. Ты приходи в гости, знаешь, где живем, чай, не чужие люди.

Да, знакомы они были еще с довоенных лет, встречались то тут, то там. Мария была старше Сергея, но он ее помнил: видная была девка, замуж рано

выскочила. В войну овдовела, на руках остались двое детей. Славка уже большой парнишка, а Милочка в этом году, наверно, во второй класс пойдет, – смышленные детишки. Сама Мария работала директором сберкассы, худого слова никто про нее не слыхивал. Вроде и немного они поговорили, а что-то в сердце отмякло, потеплело, как будто с родным человеком повидался.

Несколько дней Сергей обдумывал приглашение Марии. Это в городе может остаться незамеченным чей-то приход, а в селе все примечается: почему ты свернул не на свою улицу, как одет, к какому дому направился, присовокупятся все обстоятельства и мотивы, выскажутся предположения о намерениях и вынесется осуждение или одобрение. Даже собаки устроят перекличку по всему пути твоего следования.

В воскресный день, когда каждая уважающая себя хозяйка затевает стряпню, с ночи творит тесто, уминая его пышные бока, а к моменту, когда просыпается вся семья, выставляет на стол пышные шанежки, пироги и ватрушки, Сергей отправился в гости к Марии Александровне. Постучав для приличия в ворота стальным кольцом, приделанным к затвору, он вошел во двор. На крыльцо навстречу ему выбежала Мария.

– Сергей Дмитриевич! Вот хорошо, что пришел. Хороший гость всегда к столу успеет.

В избе было тесновато, но уютно. Пол был застлан домоткаными половиками, в углу красовалась кровать с горкой пышно взбитых подушек и подушечек, белоснежные кружевные подзоры кокетливо выглядывали из-под края вышитого покрывала. За столом сидела вся семья. Немного оторопевшая от неожиданного визита мать Марии засуетилась, усаживая гостя рядом с хозяином, выставила граненые рюмочки на низкой точеной ножке. Полилась беседа. Славка с Милой, сидевшие тут же за столом и уминавшие за обе щеки румяные шаньги, переглядывались между собой и с интересом смотрели на Серегу. Тот видел, как старший старался незаметно рассмотреть его ноги.

– Дядь Сереж, а правда, у тебя нога деревянная? – спросил вдруг Слава и замущался, покраснев.

– Нет, милый, деревянная дома осталась, а это протез. – Сергей постучал по колену костяшками пальцев. Дома у него и вправду стояла деревянная «нога», подобие самодельного костыля с выемкой для культишки. С ней он передвигался по

дому и двору, давая отдых натруженной коже культи.

Мария строго посмотрела на сына и вскоре отправила детей гулять на улицу. За расспросами и разговорами под налисточку с пирогами время прошло незаметно. Был уже вечер, когда все тепло попрощались, Мария положила Сергею пирогов на гостинец и проводила до ворот, приглашая заходить почаще.

Через две недели они расписались.

Перед этим Серега навестил Лизиних стариков в Грузлевке, повидался со своими в Архангельском. Маленькая Аля как уцепилась за шею отца, увидев его на пороге, так и не слезала с его рук весь вечер. Мать со Степанидой только слезы утирали, глядя на них. Вдовая Степанида просто прикипела сердцем к Аллочке. Хватит ли у Марии сил и желания обласкать и это дитя? Поговорили обо всех семейных новостях, Агафья в который раз вспомнила историю недавнего возвращения блудного сына Семена.

Семен, сбежавший из дома несмышленным пацаном, не подавал о себе весточки много лет, и только мать неизменно молила Господа за него да ставила свечки за здоровье. Война закончилась, все, кто жив остался, вернулись к своим семьям. Однажды в дом Агафьи постучался человек в полувоенной форме, за плечами – вещевой мешок. Мужчина поздоровался, попросил воды испить, начал расспрашивать, сколько у них сыновей, где да как они живут. Агафью расспрашивает, а сам на молчаливого хозяина посматривает. Тут Дмитрий Евдокимович и спрашивает, мол, сам-то откуда будешь, чей. Мужчина отвечает, что проживал в городе Ленинграде, оттуда на войну ушел, а жена с ребенком дома ждать остались. Он вот провоевал все четыре года и жив остался, а семья погибла, разбомбило их вместе с домом. Теперь, чтоб горе одному не мыкать, решил на родину вернуться.

– Так чей же ты будешь-то, милый человек? – Агафья, жалостливо скрестив ладони на груди, присела рядом с мужчиной.

– Да ваш я, мама! Отец! Али уж не узнаете своего Семена?!

Агафья так и навалилась на него всем телом. Вытирая слезы, разглаживала его лицо руками, узнавая каждую черточку, а Дмитрий аж подпрыгнул на своем стуле. Крякнул как-то хрипло и, махнув рукой, только и смог сказать:

– Как был обормотом, так и остался, прости меня, Господи! Можно ли так пужать стариков-то?! – И заплакал.

Мария с детьми перебралась к Сергею.

Потихоньку все привыкали друг к другу.

Славке и Милочке нравилось в новом просторном доме, они охотно играли с Алей, которую Степанида все чаще и подолгу оставляла с новой семьей Сергея. Сергей не сравнивал новую жену с Лизой, а просто отдался ей всем своим уставшим, изболевшимся сердцем. Когда обмолвится, назовет Лизонькой, Мария не оговаривала его, понимала все. Он видел, как старается Мария вести хозяйство, сколько сил тратит на детей, на него, и пытался доставить ей больше радости, сумев подружиться с ее детьми. Выпивал, конечно, но меру знал: семья все-таки.

Зима пришла снежная, морозная. Слава был настоящим помощником по дому, огребал снег во дворе, носил воду, дрова колоть научился. В субботу был банный день. Баньку топили под руководством Сергея жарко, чтоб пропариться до седьмого пота, а потом все в чистом с раскрасневшимися лицами садились за стол пить чай, а Сереге – сто грамм фронтовых, как положено.

Дети помыты, читают книжки по углам, Сергей с наслаждением вытянулся на кровати и даже вздремнул немного, поджидая Марию, устроившую постирушку в бане.

– Слава, чего-то матери долго нет, ты бы сходил в баню, посмотрел, может, воды ей принести надо.

– Сейчас схожу, дядя Сережа.

Сергей слышал, как Слава встал, что-то набросил на себя и вышел из избы. Не прошло и минуты, как дверь с грохотом распахнулась. Слава испуганным голосом крикнул:

– Дядь Сереж, там мама на полу лежит и не разговаривает! Что делать?!

Громко заплакала Мила, Сергей рванулся с кровати и упал на пол, не в силах дотянуться до костыля:

– Слава, беги к соседям, попроси запрячь сани. Скорей беги, я сейчас соберусь.

Милочка плакала навзрыд, одевалась сама и помогала Сереге. На обледенелых ступеньках крыльца Сергей споткнулся, больно упал, но не обращая внимания на боль, заковылял к бане. Там на полу лежала раздетая Мария. Глаза ее были закрыты, но пульс прощупывался.

Принесли тулуп, одевать времени не было, закутали, как могли. Серегу колотило. Он побежал к соседям, те уже искали сани по селу. Прошло не меньше часа, когда Марию наконец-то уложили в повозку и погнали лошадь к больнице. Серега держал ее за руку, пытался гово-

рить, прижимал ее голову к своей груди, запутываясь в обледеневших волосах. Он почувствовал, когда она умерла, но не хотел верить. Выбежавшему из больницы доктору он орал:

– Сделай же что-нибудь, слышишь, сдела-а-ай...

Мария умерла от инфаркта: сердце не выдержало. Прожили они вместе меньше полугода.

Евдокия

Дуся была своенравной. Любимица отца, она с детства умела добиваться своего. Как бы мать хитроумно ни прятала конфеты, привезенные отцом дочерям, чтобы выдавать понемножку, Дуся их находила все равно. Находила и таскала потихоньку, пока мать не обнаруживала пропажу. Но и наказание ее не слишком пугало, в следующий раз все повторялось снова.

– Ну, Душка, – смеялся отец, – тебя бы в разведку. Да не бей уж ты ее, Аннушка, я еще этих конфеток привезу.

В войну Дуся прямо со школьной скамьи увезли в город Ижевск работать на заводе. Называлось это ФЗО – фабрично-заводское обучение. Но на заводском пропуске было написано, что Обухова Евдокия Прокопьевна считается мобилизованной в соответствии с приказом наркома от такого-то числа за номером...

На фронте ждали оружие, и его делали, не считаясь с ценой. В апреле 1945-го умер отец, а в августе вернулась с фронта старшая сестра Маруся.

Как бы сложилась жизнь Евдокии, неизвестно, но Маруся решила вернуть ее в родные Адам-Учи. Дуся не возражала. Она скучала по своей деревне, по дому, не нравилась ей голодная городская жизнь, строгие порядки на заводе. С завода не отпускали никого, но выложенные перед начальницей отдела кадров трофейные немецкие часики сделали свое дело. Дуся вернулась домой.

Была она чрезвычайно трудолюбива и вынослива. Так уж было заведено в семье, что без дела никто не сидел. Управились со скотиной – в доме надо прибрать. Приготовили ужин, убрали со стола – принялись шить, вязать, вышивать приданое. Все умела Дуся и наряжаться любила, чтоб на вечерке щегольнуть обновкой.

Женихов в послевоенные годы поубавилось, и давно уже мать тревожилась, как бы ее дочерям в девках не засидеться. А раз мать что-то задумала, то решение принимала быстрое и бесповоротное. Всем трем дочерям присмотрела женихов, и ни одной они не пришлись по душе.

Тогда началась «психическая атака»: день за днем внушала Анна дочкам, что без отца хозяйство рушится, в своем доме без мужика никак, что она уже силы свои поистратила, за всем не успеть. Грозилась и умасливалась, что одинокая девушка – мишень для людских сплетен, всякая грязь к ней пристаёт, и защиты у нее нет по жизни.

– Красоты особой Бог вам не дал, и богатства за вами немного, позариться не на что, – нашептывала мать. – Мужиков-то война повыбивала, ой, останетесь одинокими, горемычными... – Дальше лились горькие слезы, а то и угрозы.

– Чем тебе, Дуська, Яша-то плох? Семья зажиточная, работающая, сам какой баской парень. Да любая рада бы была пойти за него.

– Мама, вот только не он! Ну не глянется он мне, не знаю, почему. Ходит за мной, как телок на привязи. Бр-р-р...

– Дура ты, Дуська! Для жизни Яша самый подходящий, не время рыться в жёнихах. Потом локти будешь кусать, мать вспоминая, да поздно будет.

– Что ж ты меня, маманя, из дому-то гонишь?! – Евдокия выла белугой.

– Стерпится – слюбится, все так живут, доченька. Потом спасибо матери еще скажешь. Жди сватов.

– Ну как я с ним жить буду? Сестры его меня поедом съедят, мама!

– Вот что, девонька! Если супротив матери пойдешь, то суму тебе в руки и живи, как знаешь, мне еще двоих пристроить надо!

На свадьбе Дуся сидела, как каменная, ни словечка не проронила. Яша светился от счастья, хоть и с опаской посматривал на отрешенное лицо молодой жены. Отстукали дробью каблуки, смолкли гармони и песни, гости разошлись по домам, пожелав молодым скорого прибавления. Убирая со столов посуду и остатки угощения, Дуся пыталась оттянуть тот момент, когда она окажется в одной постели с Яшей. Под молчаливыми взглядами золовок она направилась к кровати, отделенной от общей комнаты ситцевой занавеской. Сдерживая себя, старалась терпеть неумелые ласки мужа, ненавидя его тянущиеся к ней губы, его горячие руки, жаркую периноу и пеструю занавеску.

Прожили они недолго. Однажды Дуся вышла из дома и решила, что никогда в него не вернется. К матери возвращаться было так же бесполезно, как оставаться в деревне. Дуся поехала в райцентр в Грахово, устроилась там на работу, сняла угол в доме знакомых.

Первая от Бога, вторая от черта... а пятая – судьба

– Что-то Сергей Дмитриевич сегодня веселый, шутит весь день, наверно, отходит уже от похорон.

– С похмелья он сегодня, это точно, я мимо проходила, унюхала запахок.

– Ой, бабы, за год вторую жену похоронил, прямо черный вдовец какой-то.

– И не говори! Вот уж не везет мужику!

– Жалко его, бабы!

– Как не жалко, опять один с дитем остался. Хорошо хоть Мариных бабка забрала к себе, – куда ему с таким отрядом-то?

– Ой, жалельщицы, сходите, пожалейте. Видели, какие у него лапищи-то, небось схватит да прижмет, так ойкнуть не успеешь. Все смотрю, не сломается ли карандаш в его руках, так ведь аккуратно циферки выводит...

– Да, мужик он интересный, балагур. Один не останется, вот увидите.

– Евдокия, ты чего молчишь? По соседству же квартируешь, не видела, новой бабы-то на его дворе не появилось, а?

– Чего ботаете-то, язык без костей! Что я, за его двором присматриваю, что ли?

– А чего? Зашла бы по-соседски, помогла вдовцу по хозяйству. Сколько можно чужие углы снимать?

– А вот интересно, как он с бабами с одной ногой управляется? Эх, сама бы проверила да помереть боюсь.

– Мужика ты своего боишься.

– Это да. Была бы свободной, как Дуся, ушами бы не хлопала.

– Да что вы на девку-то навалились, она парня еще найдет здорового, не инвалида.

– Не скажи. Такой инвалид, может, двух здоровых стоит.

Не раз уж бабы перебирали по косточкам жизнь сослуживца, раскладывали необычную его судьбу да Дусю подначивали. Честно говоря, она и сама посматривала на Сергея с интересом, любила она веселых, независимых, а трудности ее не пугали. Тут и случай подвернулся подходящий, встретила ее по пути сестра Сергея Степанида, разговорились. Предложила Дуся свою помощь по хозяйству, все равно, мол, вечерами свободна.

– Ой, окажи божескую милость. Не ближний свет мне сюда-то из Архангельского ходить, дома родители и братья – и тут не бросишь. Мы уж Алечку Сереже привезли, он няньку нанял, все хоть родная душа рядом да забота, а то ведь со всем голову можно потерять, – обрадова-

лась Степанида.

На другой же день Дуся со Степанидой взялись чистить хлев, выгнав корову во двор. Споро работала Дуся, как будто кто подстегивал ее. Степанида уж взмолилась вся, отдышаться не может, а той все ни-почем, знай, выкидывает лопатой навоз на огород.

– А что, Сергей Дмитрич, посажу тебе огурчиков, на навозе-то враз взойдут. И себе сколь возьму потом? – Разгоряченная работой Дуся озорно посмотрела на хозяйина. Сергей сидел на крылечке, засыпая махорку в большую «козью ножку». Закурив, весело поглядывая на работу женщин:

– Да засаживай хоть весь огород, коль охота есть, огурцами да картошкой. Чем расплачиваться только буду за наемный труд?

Дуся оперлась на лопату, вытирая тыльной стороной ладони пот с лица:

– Не бойся, хозяин, дорого не возьму.

– Степанидушка, а Евдокия-то тебя обскакала. Вишь, как трактор работает, первого места тебе нынче не видать.

– Молчи уж, пока работаем, награждать. Истопи лучше баньку, видишь, изгваздались как.

Последние остатки снега еще белели по углам широкого двора. Корова лениво бродила по подворью, тычась мордой в пустое ведро, подбирая клочки упавшего на землю сена, и втягивала широкими влажными ноздрями новые волнующие запахи. На березке у ворот набухали почки, готовые с первым настоящим теплом выбросить пахучие, липкие, нежно-зеленые листочки. Весна несла новые хлопоты и радость обновления жизни.

Дуся все чаще стала приходить в дом Сергея. Он смотрел, как ловко и быстро она управляется с любой работой. Подоткнув подол платья, широко расставив босые ноги, Евдокия мыла полы, дресвой добела шлифуя его широкие доски. Потом шла доить корову. Привычными ласковыми движениями обмывала тепленькой водичкой коровьи соски, что-то тихонько приговаривая, цедила молоко. Корова оглядывала новую хозяйку большим карим оком, одобряя все ее действия, и покорно, не озорничая, позволяла освободить вымя

от нагуленного за день молока.

По воскресным дням Дуся приходила рано, ставила тесто, растапливала русскую печь и баловала Сергея с Алей пышными горячими пирогами. Стряпуха она была отменная.

На работе уже шушукались бабы, приставая к Дусе с расспросами, а та только отмахивалась, отвечая, что прирабатывает себе на прокорм. Но проходила неделя за неделей, и на окнах Серегоного дома закрасовались белоснежные накрахмаленные подшторники с искусно выстроченными узорами. А уж когда рано утром, чтобы проводить корову в стадо, ворота открыла сама Дуся, сомнений у соседей не осталось: в доме появилась новая хозяйка.

Не прошло и года, как Евдокия с Сергеем, давшим зарок не жениться больше никогда, расписались. Вскоре у них родился сын Володя, потом Юра. Аля была помощницей в доме и с малыми братьями. Семья получилась большая.

Серегина жизнь катилась, как большой снежный ком, вбирая в себя новых людей, события, встречи, чувства, горе и радость, пока не наткнулась на невидимое глазу препятствие. Вдруг какая-то микроскопическая клеточка в его организме решиладелиться, а потом еще и еще...

Сергея Дмитриевича не стало. Но он не исчез совсем, оставив свою улыбку, лукавый прищур глаз, тепло больших рук, детей, внуков, правнуков, и, Бог знает, сколько еще потомков впереди...

Наступил вечер...

Вечер наступил как-то незаметно для всех. Никто не захотел встать и включить свет. Редко случаются такие душевные беседы в полумраке, когда все вместе и каждому хорошо от того, что он невидим.

Казалось, что в мягкой темноте углов полупустой комнаты незримо присутствуют те, о ком идет рассказ. К женщинам присоединились Серегины сыновья: Володя – шумный и напористый, больше похожий на Дусю, и Юра – степенный и немногословный в отца. Каждый хотел рассказать об отце то, чего не знали другие, или напомнить хорошо известное всем, что осталось им...

На добрую, вечную память.

Олег СОВИН

закончил Волгоградский педагогический институт, прозаик, живет и работает в Ижевске

ФРУСТРАЦИЯ

Рассказ

Помолившись, двинулись в путь. Дорога предстояла тяжелая и долгая. Рассчитывали доехать до паромной переправы за светлом, поэтому молились по сокращенной программе: «Господи, прости мя!». «Мя!» – обязательно. Красиво! И звучит по-церковнославянски. А церковнославянский язык хоть и мертвый, но Богу приятный. Слушаешь его, как лепет ручья и шепот листвы, чувствуешь мягкую напевность и ничего не понимаешь, точно Дарвин в теории эволюции: знаешь – о чем, не знаешь – для чего, и путаешься в деталях.

Ехали полтора часа, дальше лопнуло терпение слушать надрывный плач мочевого пузыря. На кастильском наречии звучит ласково – «мурмурар», в действительности – грубое и пошлое «журчание». Наш язык состоит в ближайшем родстве с реальностью.

Надо спешить. В дороге много привычных радостей превращается в постылое занятие. Сигаретный дым вдыхаешь как горнист, чистый воздух за окном автомобиля бьет с силой падающей стены.

Мир меняется на глазах: криво приседает светлое небо под грузным, бесформенным телом ночи, отчаянней нападают рои насекомых, оставляя на ветровом стекле зеленые и бледно-красные автографы. Звон цикад становится пронзительнее и масштабнее: пробивает горизонт и окутывает вселенную. Звон сильно раздражает, сбивает с толку: хочется пить после выкуренной сигареты и курить после питья, чтобы остановиться и сделать «мурмурар». Но надо спешить.

«И дальним собачьим лаем за нами гналась округа...» или «Кинжалы трюфелей

лилий вдогонку рубили ветер...» – сказал однажды Федерико Гарсия Лорка. Беспардонно красиво!

На самом деле метафора принадлежит переводчику. У Лорки же ни «вдогонку рубили ветер», ни «кинжалов трюфелей лилий» нет, а есть «ночные цветы, качающиеся на ветру». Хотя для испанца качающийся цветок – тоже, бесспорно, красивая метафора.

Мозги у разных наций устроены по-разному, и отношение к красоте отличается. Одни пьют вино из одуванчиков, другие избавляются от них на огородных участках как от сорняка. Одни воспевают чернозем, других чарует бесконечность пустыни...

Все-таки не успели на последний паром. С середины реки он издевательски подмигивал огоньками.

По объездной через мост – еще полторы сотни километров. И кто виноват – молитва, дорога, вынужденные остановки? Виновата хозяйка придорожного кафе. Долго разогревала в микроволновой печи окаменевшие беляши, долго пересчитывала сдачу, целую вечность сморкалась в фартук и просила прощения за все болячки, снедавшие ее «нутренность». Привычная поездка незаметно превратилась в погоню за временем.

Ночь пугает внезапной усталостью, резким ощущением одиночества и мизерности под сводом разбросанных в бесконечности звезд. Их холодное мерцание сродни огонькам уплывающего парома. Ночь пугает тем, что ее надо пережить, выпутаться из нее бодрым и обновленным. Утром надо рождаться заново, а не тянуть за собой вчерашние неудачи.

Пора поменяться местами. Разложить кресло, пристегнуться справа налево и потеряться в себе, убаюканным шипением колес и приглушенными звуками всхлипов в автомагнитоле.

Снится, что едем. Без остановок. Уже не понимаешь – такой чуткий сон или привычка видеть во сне одно и то же? Бесконечный путь размыл грани.

«А если нет тебя со мной, мне снится, что я сплю и что мне это снится. Любимая!» – пусть коммунист сказал, но, прежде всего, поэт Поль Элюар. Поэты нередко ошибаются в своих политических предпочтениях. По большому счету, Гомер был коммунистом. Коммунисты – все, кто испытал несправедливое равнодушие и презрение общества на себе. «Беды и неудачи должны у человечества делиться на равные доли, а не от каждого – по способностям, каждому – по потребностям».

Потребность кормить семью выпестовала способность преодолевать дороги. Дороги сжирают, разлагают и распыляют расстояния, превращая все – в ничто. Но все дороги ведут к родному дому. Собирая себя по крохам, вернемся такими же узнаваемыми и самыми близкими, чуть-чуть, может быть, с виду уставшими.

Кружит голову, заливаает веки свинцом ангел-хранитель, удачно названный кем-то «заплетником». Напрасно. Сон в дороге приходит вдруг, когда его не ждешь и не думаешь о нем...

Что случилось? Почему стоим? Пост ГАИ? Откуда здесь пост взялся? Ах, да! Поехали по объездной.

Удаляются, приближаются, опять уходят, но уже надолго, голоса. Нет оружия, нет наркотиков, ничего вкусного и запретного не везем! Извините! Старшему по званию, видимо, извинений мало. Категорически настаивает, чтобы признали, что он умный. Книгу он по психологии пишет, а на издание деньги нужны. И пачка сигарет – чтоб творилось легче. Денег нет, но творческим людям глубоко симпатизируем и сочувствуем, поскольку писательство – добровольное погружение в нищету. Психолог-гаишник – это начальная стадия и среднее звено. Высшая каста – гаишник-философ. Дороги для них – не только средство существования. Дороги – ненавистная для них жизнь: «Когда же вы все поубиваетесь на дороге?».

Много нас, все сразу не сможем. А если сможем, куда пойдете работать, что еще умеете делать, кроме как наблюдать за смертями на дороге? С каждым годом растут, плодятся холмики, крестики, часовенки, памятники вдоль автотрасс. Провожают, налетают по сторонам асфальтовой ленты,

кричат об осторожности овалы портреты на памятниках. Но пока еще – не мы, не с нами! Заплетники не позволят так нелепо распорядиться судьбой. Опыт и удача не позволят смести с трассы на обочину в виде холмика и напоминания об осторожности следующим дорожным странникам.

Сколько взяли? Еще по-божески. За что? Знака не заметил? А был знак? Осторожно, бешеные суслики на дорогах? Следующий пост через сто километров.

От курения тошнит, беляши превратились в биополимерный бетон и забили собой весь желудочно-кишечный тракт.

Далее – без остановок. Спать, спать. Дай бог здоровья всем гаишникам и спаси от них мя!

Придорожное кафе. Светает. Значит, пора меняться. Проехали три поста ГАИ, а казалось, что глаз не смыкал. Чуть не вывернул челюсть от резкой зевоты – все-таки спал. Еще как спал!

Кафе «Иверия». Грузинская кухня. Повар – узбек. Обычная практика на дорогах:

– Главный наш блюд – это блюда «карчо». Почему без риса? Настоящий блюда карчо нет риса, мяса сплошь. Почему вместо баранины свинина? Нет свинья, баран очень жирный. Много ел, мало гулял, ждал, когда резать будут. Его жена неделю зарезанная ходила, радовался очень, много ел очень. Жирный, как свинья, вся каракуля выпала, лысый ходил, счастливый...

Поездка – это бегство от проблем в иллюзорный мир ожидания счастья. Вялая перебранка в кафе – часть игры в иллюзию, короткий отдых от борьбы с дорогой. Достанется всем, не зная на чины, звания и святость.

В любое время суток сидит в придорожном кафе угрюмый человек, погруженный в себя, как в сон. Двигатель машины давно промерз, как и сердце странника. Но стоит спросить его о какой-нибудь ерунде, незначай спичек попросить, как оживут тут же его глаза, заведется сердце, и эта метаморфоза предъявит утру уникального рассказчика:

– Неподдалеку отсюда опять видели НЛО. Зачастили, изводят. Не интересно? Тогда – проза жизни. Возил я продукцию местной кондитерской фабрики: пряники, печенье. Дорожные «бомбилы» остановили, перегрузили пряники к себе в машину...

От домашних проблем так просто не бежать, не заглушить их разговорами в придорожном кафе. Забыть о них не позволит сотовая связь.

Есть еще часа четыре свободного времени с расчетом, что семья проснется, умоется, позавтракает, посмотрит телевизор, а затем уж кто-то вспомнит, что хозяина дома нет. В

пути он, денежку зарабатывает, геморрой и еще массу болячек. А что не заработает, то проглотит, подхватит, наживет по неосмотрительности. Лечится все, даже жажда наживы лечится за денежки, которые имеются, благодаря жажде наживы.

С годами дороги обучают не бояться их, не обращать внимания на их суровый нрав, но не терять бдительности. Дороги сами не знают, какие они бывают хитрые и непостоянные.

Дорога – экскурсия по памятным местам. Притормаживаем. Здесь лет семь назад свалился тополь на дорогу – вовремя притормозили. Рухнуло дерево прямо перед капотом, с грохотом взорвало дорожную пыль. Не высохший тополь, ему бы еще расти и расти. Чем мы ему не угодили?

Через два десятка километров заплечники, наоборот, подстегнули газу прибавить. У «москвичонка» слетело колесо, запрыгало с горы по встречной, едва чиркнуло по крыше и влетело сзади идущему «жигуленку» в салон через ветровое стекло.

Еще дальше – свалился из трейлера плохо укрепленный десятитонный асфальтовый каток. Были свидетелями.

А там, на холме, обогнала «Тойота», и через открытую форточку пассажир выбросил стеклянную бутылку из-под пива. Удачно, что тащились медленно, иначе ехали бы в обнимку с этой самой бутылкой.

Где это место на трассе, на котором чуть не сбили пьяного мужика? Ночью случилось, кажется, – дальше?..

Течем по артериям страны сплошным потоком: небритые, прокуренные, в задрипанных спортивных костюмах, тапочках на босу ногу, мешаем друг другу, тормозим, создаем пробки, пролетаем мимо денег и несемся, сломя голову, в тупик.

Помолиться в дорогу забыли. Хорошо, но только быстро, по сокращенной программе.

Въезжаем на самый долгий мост в Европе, вернее, мосток десяти метров протяженностью, и преодолеваем сразу два часовых пояса. Загадка российских просторов: две деревни, татарская и башкирская, разделенные ручьем, живут с разницей в два часа, но с единой мусульманской смиренностью.

Мотель или городская гостиница? Сами себе хозяева – можем позволить отдохнуть душе и телу. И каждому – отдельный номер. Автомобиль – на подземную стоянку, сами – в супермаркет: к местной водке – местную закуску из вяленой конины. В равных долях спиртное и съестное закупаем в гостиницу на ночь. Но прежде начинаем оживать в ресторане «Купец».

Каждый держит в уме: «Ресторан покидаем дворами через запасный выход». У

официантов договор с работниками медвытрезвителя. После расчета с клиентами они бегут в подсобку звонить милиции и предупреждают: «У таких-то и таких денег не мерено, отгуляли вволю. Наши комиссионные можно перечислить по безналу».

В торговом комплексе, в недрах которого находится ресторан «Купец», подозрительно безлюдно. Ресторан закрыт. Вламываемся в первые попавшиеся двери.

– Вы кто?

– У нас здесь заказано!

Ведут к столику, уже накрытому. Слева терзают инструменты и топчут уютную тишину музыканты. Выпиваем по первой и догадываемся, что располагаемся на местах почетных гостей.

За столик подсаживается молодая пара.

– Вы тоже почетные гости?

Продолжительная пауза. Приходится повторить вопрос.

– А как правильно надо ответить, чтобы не выгнали из зала?..

Ага, не местные. Он – приезжий, здесь в командировке. В каждый приезд обещает ей развестись с женой, но быстро забывает об обещаниях, мучает ее, заставляет ждать, и эта тягомотина длится лет пять. Решений никаких не будет. Он тоже мучается и ждет, когда подруга окончательно увянет или больно ранит его, найдя себе другого, более достойного партнера.

В ней есть что-то аристократическое. С генами пристало, видимо: изящный жест, поворот головы, искусно, вдумчиво брошенное слово. Такой овладевают осторожно и постепенно, раскланиваясь, теряя честь и гордость, позорно скуля, чтобы растопить ее ледяное сердце, а потом бросают замерзать в отместку за свои унижения и холопскую родословную.

– И во мне течет ханская кровь, – говорит мужчина, – утягивает меня в высоту, к небесным отношениям. А жена у меня – крестьянка. К земле придавлена. И интересы у нее земные, скучные – чтобы семья была сытой, здоровой и про запас имела. Полета нет! О чем мне с ней говорить?..

После ноль-семи на двоих душе хочется петь, а не подпевать. Мы тоже кое-что умеем. И мы поем проникновенно, громко, заглушая музыкантов, поем песни давно забытых советских композиторов. Покидаем музыкальный ринг непобежденными и уверовавшими в свой музыкальный талант.

– А не пойти ли нам в ресторан мексиканской кухни?

– Нет! Вы клеите мою подругу!

– Хорошо! Тебя вычеркиваем!

В принципе, в таком состоянии клеить кого-либо не только бесполезно, но и убыточно.

– Где наше стойло? Мы заблудились!
– Сейчас сориентируемся. Нам помогут. Алло, алло, Рамиль?! Друг мой, Рамиль, забери нас отсюда! Мы заблудились! Находимся возле ресторана. Какого? «Марсианская кухня»... Хорошо, ждем. Через десять минут?.. Понял. Через десять минут приедет.

– Кто такой Рамиль?

– Ты чего, совсем уж того? Это друг!

– А где он живет?.

– В Питере!

– Нет. За десять минут он не доедет.

– Доедет. Можем поспорить.

– Две с половиной тысячи километров – за десять минут? Это надо сильно постараться.

– А мы где? Ух ты! Тс-с-с, не звони! Ничего Рамилю не объясняй. Пусть поищет нас в Питере...

Идем бодрим пионерским шагом и упираемся прямо в администратора гостиницы. Она привычно открывает сейф. Мы смиренно складываем туда бумажники, водительские удостоверения, паспорта и сверху посыпав мелочью из карманов. Были случаи воровства и разбойных нападений на постояльцев.

– Вам что, наших девчонок не хватает?

Оглядываемся. Одинок, поодаль, качается стройная фигура аристократки.

– А где твой ревнивый похотливец?

– Вычеркнули. Не помните?

У администратора, сколько хватает сил, просим, точнее требуем:

– Она с нами!

– Вижу.

– Без насилия и актов вандализма! Серьезно! Она – друг! Поговорим немного и отпустим!

Совести и сил хватает самим откупорить бутылку. Мясо нарекает и раскладывает по тарелкам, открывает пластиковые коробки с салатами уже аристократка. Мы можем ей рассказать и показать много умных и занятных вещей, если последняя бутылка водки предательски не лишит нас желаний вообще о чем-то говорить. Алкоголь смывает со стенок сосудов тоску и вгоняет ее в самое сердце. Голова свободна от раздумий, но душа переполнена печалью. Домой хочется, к жене и детям, они ведь там совершенно беззащитные.

Стоило подумать, как звонит жена:

– Пьете?

– По бутылке пива. С устатку. Завтра дел много...

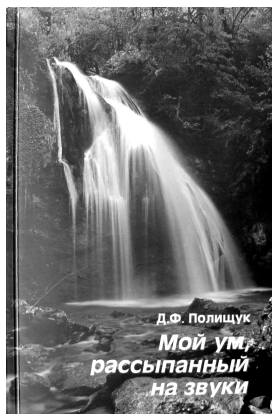
Вселенная гаснет, точно кинескоп старого телевизора: вспыхивает звездочка, отстреливая длинные, насыщенные электричеством лучи и тут же утягивает их за собой, пожираемая черным карликом.

Просыпаюсь разбитым, но с трезвым рассудком. Холодный душ помогает понять, что травились вчера много и самозабвенно. Жизнь и здоровье возвращаются малыми дозами. Отпаиваемся холодной газировкой и постепенно возвращаемся в привычную среду обитания. Теперь дела – и можно отправляться домой.

Спросят: – С какой целью катались в такую даль?

Скажем: – Договор подписали, сметную стоимость согласовали, график работ утвердили, со взятками определились.

...Помолившись по сокращенной программе, долго и акцентировано тянем: «Мя-а-а!». Успокаивает.

НОВАЯ КНИГА

Дмитрий Полищук. Мой ум, рассыпанный на звуки. Москва-Ижевск: КнигоГрад, 2011.

Первый сборник стихотворений доктора технических наук, профессора Дмитрия Феофановича Полищука назывался «Юля, Юлечка – поющая улыбка» и был посвящен Юлии Лаврентьевне Полищук – жене ученого. «Мой ум, рассыпанный на звуки» – второй поэтический сборник, вышедший из-под пера Дмитрия Полищука. Как говорит автор в предисловии, поэзия «является самым приятным и эффективным методом ежедневной тренировки образности мышления», а новая книга – «своеобразный отчет по умению видеть душевную красоту женщин и лирику природы».

Ольга ПАРФЁНОВА

прозаик,
член Союза писателей России,
член Союза журналистов России,
живет в Ижевске

И ЖИТЬ НЕ СКУЧНО

Рассказ

Нудное межсезонье. В аэропорту не толкнуться. Нет погоды. «Нет кази», как говаривал муж Ульяны, возвращаясь с полигона после военных испытаний. То есть ничего не видно, не «кажет». Вот, наконец, ей повезло, и она нашла свободное место в зале ожидания. Присела, раскрыла книгу, но глаза лишь скользят по строчкам.

Вспомнилось, как после свадьбы приехала за мужем в этот край. По профессии вакантных мест не нашлось, «по большому благу» предложили работу в химлаборатории городской санэпидемстанции. Устроилась. Место считалось очень хорошим. Но после бурной студенческой жизни с ее летними стройотрядами, зимними лыжными забегами, бесконечными репетициями то в театре эстрадных миниатюр «Икебана», где сюжеты и тексты придумывали сами, то в студии бальных танцев с выступлениями в городских Дворцах культуры, организацией и проведением вузовских вечеров, участием в соревнованиях и конкурсах самых разных уровней... От темпа дух захватывало, суток катастрофически не хватало!

Тем удивительнее было, что находились все-таки чудачки среди сокурсников, которые периодически ныли, приговаривая, особенно во время сессий: скорее бы все это закончилось, скорее бы на свободу!.. Странно. Зачем было торопить это прекрасное время – студенчество?! И как это в молодые годы время может тянуться медленно и нудно? Ульяне до сих пор не понятно.

Золотые были годы! Есть что вспомнить. Например, общение с интереснейшими

людьми – мудрыми, знающими, обремененными всевозможными званиями и степенями преподавателями, которые собирали студентов за чашкой чая на дискуссии, где можно было открыто рассуждать о важных вещах, спорить с ними на равных. Со слов инициаторов чаепитий, научные работники искали таким образом нестандартные идеи и новые, неожиданные ходы для решения своих серьезных задач.

И вот после такой кипучей и вдохновляющей жизни попала Ульяна на работу в сонно-монотонное царство. Тогда, в советское время, некоторые мечтали, считали престижным иметь подобное местечко: чтоб дел поменьше, а денег побольше. С утра до конца рабочего дня распивались бесконечные чаи. Обсуждали болячки и «кто с кем».

Самый оживленный разговор получался в понедельник утром. Пересказывали друг другу, кто что свершил за выходные. Например, одна дама прямо с порога, округляя глаза и делая праздничное лицо, начинала: «Вче-ра-а!». Все: «О-о-о». Она: «Мы-ы!». Все: «Что?!». Она: «Пекли...». Пауза становилась мучительной. Все: «Ну?! Ну?!». Она: «Пекли пирожки!». Все: «Ах!..». Далее целый день обсуждали этот факт в подробностях. И все...

Скука сводила челюсти и набивала оскмину. Поэтому, когда приносили пробы на анализ, Уля брала как можно больше образцов, а порой и все, что было, надолго закрываясь в лаборантской. Так она чувствовала себя хоть немножечко нужной.

Голос из динамика ненадолго прервал воспоминания, оповестив, что аэропорт от-

крыли, начались вылеты-прилеты, и через два часа ожидается приземление желанного самолета. «Прекрасно! Два раза прекрасно!», – обрадовалась Ульяна. «Во-первых, он уже летит, а во-вторых, можно еще посидеть, расслабившись. Просто так, без дела». Не часто ей выпадало такое счастье – бездельничать с чистой совестью. «Может быть, эти паузы отпускаются нам сверху не зря? Дается время не спеша поразмыслить над тем, – что, как и почему?».

Тогда почти целый год пришлось Уле терпеть себя на «теплом» месте. К весне ожидалось рождение первого сына.

В роду мужа Ульяны была любопытная закономерность – мальчики рождались через каждые тринадцать лет. С таким интервалом друг после друга родились родной дядя мужа, сам Улин муж, его младший брат, а затем два сына Ульяны.

Когда старший сын женился и в молодой семье наметилось пополнение, все были уверены, что родится мальчик, потому что уже прошло тринадцать лет со дня рождения самого младшего мужчины их фамилии. Но! Родилась девочка – Сашенька. На этом имени настояли новоиспеченные родители, как будто отдавая дань ритму рода, хотя точно известно, об этом они не думали. Появление внучки показало некий сбой в удивительной программе. Что же произошло? А все просто. Наступил новый век! Программа, наверное, была рассчитана только на одно столетие. «Какая судьба будет у нашей малютки? Пусть ей достанется стабильное время. Пусть она будет благополучна. Как бы хотелось все увидеть самой лет эдак через тридцать!».

В студенческие годы среди подруг частенько заходили разговоры о будущих семьях. Девушки мечтали, сколько у них будет детей и кого бы они хотели: двух девочек или двух мальчиков? А может быть, лучше одного мальчика и одну девочку?

Ульяна удивляла всех тем, что уверенно отвечала: у меня будет два сына – Илья и Никита.

Ее дети рождались уже с именами и в указанном порядке. Между сыновьями большая разница в возрасте – тринадцать лет, но у них очень-очень много общего: старший родился в год Дракона, младший в год Змеи; старший – Рыба, младший – Рак; старший появился в четверг, в 15.30, младший – в среду, в 15.15. Все это очень четко помнится потому, что в старой шкатулке до сих пор хранятся клеенчатые бирки из роддома.

А в юности, когда Уля так самоуверенно отвечала на вопрос о своих будущих детях, ей казалось, что она шутит, оригинальничает.

Глубоко задумавшись, Ульяна Сергеевна не сразу поняла, чего хочет от нее тетя с ведром и шваброй. Пришлось встать. Мысли тут же приобрели более рациональное направление: вспомнились дела, которые никак нельзя упустить и обязательно сделать, вернувшись из поездки.

Объявили регистрацию.

В окружении многих людей Уля исподволь разглядывала лица. В аэропорту редко встретишь выражение несчастья. Озабоченность, задумчивость, бывает иногда раздражение, но нет беспросветности и неприкаянности – это удел вокзалов. «Почему же у одного человека все так, а у другого эдак? Как научиться самим и научить детей, внуков устойчивости в жизни? Должна же быть подсказка!».

Вдруг припомнилась любопытная вещь. Когда-то она прочитала о Законе развития (в разных книгах называется по-разному). Эта тема сильно захватила и увлекла ее, Уля сопоставляла, анализировала свой опыт и чужой. Потом постепенно все как-то подзабылось, что ли. «Оказывается, нет. Помню. Значит, это я дозрела, и пришло время додумать».

Что интересно, – закон универсален и «работает» в самых различных областях: науке, бизнесе, людских отношениях, при становлении личности. Говоря высоким штилем, ему подвластно все: «и жизнь, и слезы, и любовь...». «Почему в школе-то не проходят?» – удивлялась Ульяна, уже сидя в самолете.

Она покопалась в сумке, достала ручку и свою походную тетрадь с яркой надписью «Жить не скучно!». Чтобы рассуждения были нагляднее, решила сделать наброски. «Так, так... и вот так». Графически закон выражается «змеевидной» кривой. «Пусть это будут рисунки 1 и 2, на втором я выделю, как принято, три основных стадии.

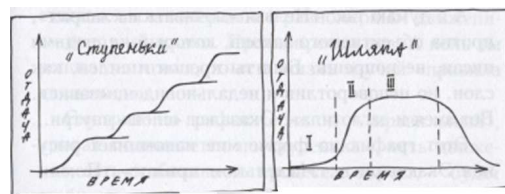

рис.1 (правильный)

рис. 2 (неправильный)

Первая стадия – время идет, а кривая «отдачи» еле-еле ползет вверх. Это означает, что вкладываешь в дело все возможное – и деньги, и силы, и «мозги». А получаешь, в основном, только моральное удовлетворение. Работаете на имя! Как часто нетерпеливая молодежь в начале своей деятельности возмущается: «Я делаю больше других, а платят

мне меньше, чем основным работникам!». И бежит на другое место, а там, как правило, – то же самое.

Вторая стадия – график гордо взмывает вверх. Ты продолжаешь «вкладываться», но уже все быстро пошло вверх, «отдача» все ощутимее, все значительнее.

Третья – самая желанная, и она же – самая опасная: это вершина, плато. Кажется, – стабильность, но это – застой. В любом деле, в любом процессе есть эта стадия. Ты уже практически не тратишься, а получаешь с лихвой. Имя работает на тебя. Но! Если в этот момент не найдешь новые точки приложения себя, своих сил, то все быстро-быстро покатится вниз, под горку. Таков закон.

Как правило, человек начинает возмущаться несправедливостью судьбы и людей: «Я столько вложил сил, здоровья! Я, что, не заслужил? Все рухнуло, все кинули...».

А не надо «почивать на лаврах», против объективного закона, который не людьми писан, не попрешь. Был ты крепок и силен, как слон, но неповоротлив и недалёковиден – вот и завис. Змея-кривая тебя заглотила. Оказался «слон» внутри ее утробы».

Ульяне показалось что-то очень-очень знакомое в очертаниях этого графика. «О, да! Он напоминает рисунок Антуана де Сент-Экзюпери из «Маленького принца». Точно! Шляпа – это удав, проглотивший слона. Змея или удав, какая разница. Все сходится! Вот...».

В виде вывода Уля под рисунками крупно написала пришедшую ей в голову фразу: «Чтобы не прошляпить дело и самого себя, необходимо вкладываться вновь и выкладываться вновь». А ниже по привычке начала записывать свои соображения:

«И так всю жизнь вперед и вверх, вперед и вверх. Что делать, если хочешь быть счастливым? Кто-то растёт на одном месте, кое-кто меняет работу. Конечно же, на жизнь людей влияют и многие другие законы, объективные и субъективные. Эти законы взаимодействуют между собой. Не все так просто. Но собственный рисунок жизни, высота взлета во многом зависят от усилий человека. Заблуждается тот, кто думает, что в жизни людей стабильность – это покой, неподвижность. Нет. Покой – это благо из другого мира, а на земле стабильность дается деятельностью. И душа радуется именно тогда, когда есть труд и дела, им рожденные. В идеале стабильность достигается планомерным и равномерным движением вверх по жизни. Противоречия нет. А коль решил двигаться, то всю жизнь надо изучать «правила движения».

Ульяна вновь посмотрела на рисунки и подписала под первым – «правильный», под

вторым – «неправильный».

«Если график «правильный», то кривая поднимается по ступенькам. Есть движение, – значит, есть стабильность процесса, следовательно, будет стабильность и в жизни».

Ей подумалось: «При хорошем росте рисунок может выглядеть совсем по-другому. А что, если не ждать вершины и уже на подъеме, не бросая предыдущее, начинать еще что-то новое? Тогда кривая развития пойдет вверх плавно, почти без ступенек. Да. Смотрит в небо!». И она начертила третий рисунок. Он был похож на утес – так же устойчив.

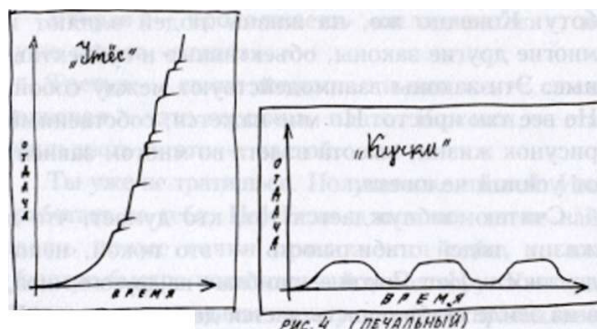

рис. 3 (утес)

рис. 4 (печальный)

Немного подумав, Уля нарисовала еще один график, четвертый, назвала его «печальный» и продолжила запись:

«Печально, когда человек не прилагает усилия для развития себя, тогда график будет напоминать маленькие «шляпки» вдоль дороги жизни – грустные кучки. Ляп, ляп, ляп... И никто не виноват, только сам. Вот теперь понятно, почему так говорят: везет тому, кто везет. Надо действовать! А начинать, как известно, никогда не поздно. Главное, научиться делать все с удовольствием, прилагать силы ненатужно, без «затягивания поясов». Потому как счастье не терпит принуждения и насилия. Оно очень зависит от твоего настроения».

Сделав паузу, отметила про себя: «Интересный поворот». И еще раз мысленно проговорила последнее слово: «Настрою... Нас трою. Какая любопытная подсказка». Да, для счастья, кроме усилий, нужны еще, как минимум, трою: он, она и малыш. Также очень нужны три точки опоры: удача, здоровье и радость. А если хорошо себя вести... хорошее поведение изложено в десяти библейских заповедях... то все приумножится!

«Хм, об этом стоит написать сказку. Я бы ее начала так...». Уля вновь взялась за авторучку: «Жила-была уважаемая тетушка Удача, вдова старого заслуженного солдата и патриота Бескорыстия, погибшего в неравном бою с Коррупцией проклятой многие годы назад. Горько тогда убивалась да

плакала Удача, но что поделаешь, былого не вернешь, надо дальше жить ради сына единственного. «Не сумела мужа выручить, так хоть сыну, как смогу, помогу», – решила Удача. На том и успокоилась.

Как-то щедрой весной сосватала тетушка Удача своему сыну по имени Здоровье прекрасную девушку Радость по обоюдному согласию. Родители невесты Любовь и Отвага сердечно благословили молодых.

Пригласила Удача всех своих родичей и соседей на свадьбу. Гостей прибыло видимо-невидимо и с одной стороны, и с другой. Да вот казус, свадьба в просторный дом не помещается. Спасибо подругам Смекалке и Сноровке, они-то сумели организовать устроить веселье всем на загляденье!

Не прошло и года, как у молодых родились желанные дети: Успех и Счастье.

Зажили они все вместе с тетушкой Удачей уютным домом. В их семье все было, как у людей, а это значит, не так уж гладко, как хотелось бы, и не так уж просто, как думалось. Но зато по-человечески – хорошо!..».

«Ну, об этом как-нибудь в другой раз подумаю, – решила Ульяна, – а пока можно немножечко вздремнуть».

И ей приснилась сказочная свадьба. Столы со снедью стояли под открытым небом в цветущем саду. Нежные лепестки, облетающие с яблонь и вишен под ласковым дыханием теплого ветра, кружились в прозрачном воздухе. Веселые гости в праздничных одеждах сладко ели, вкусно пили, стройно пели, удало выплясывали.

Среди них были и самые близкие родственники тетушки Удачи. Добродушный, улыбчивый толстяк Достаток с двумя своими сестрами: родной – по имени Щедрость, смотрящей на всех и вся лучезарно сияющими глазами, и сводной сестрицей дородной комплекции, названной в честь мачехи Зажиточностью, неспешной в своих движениях и чувствах.

Издали прибыл на торжество статный господин Благополучие с элегантной супругой Верностью. Приехал и его родной брат – трудяга Работа с многочисленным семейством. Жена у Работы была ласковая, но немногосуетная, докучливая. Заботой звали. И он ее слегка стеснялся. Вечно эта женщина о чем-то хлопотала да всех обихаживала. Правда, детей в семье мал-мала меньше, и без Заботы не обойтись. Куда ж без нее-то? Никуда.

Ох, а как всех гостей восхитила их старшая дочь Удовольствие. Вот плясунья! И несмотря на то, что девушка не выделялась модным ростом да ногами от ушей, а напротив, была миниатюрна словно Дюймовочка, она все равно пользовалась повышенным вниманием всех окружающих без исключения. Как-то по-особенному галантно ухаживали за ней красавец Добро, юркий молодец Ловкость, и даже увалень Сила старался проявить тонкие манеры. Глядишь, а новая свадьба уж и не за горами...

Ульяна улыбнулась во сне.

Она летела на встречу с новыми людьми, к новым событиям.

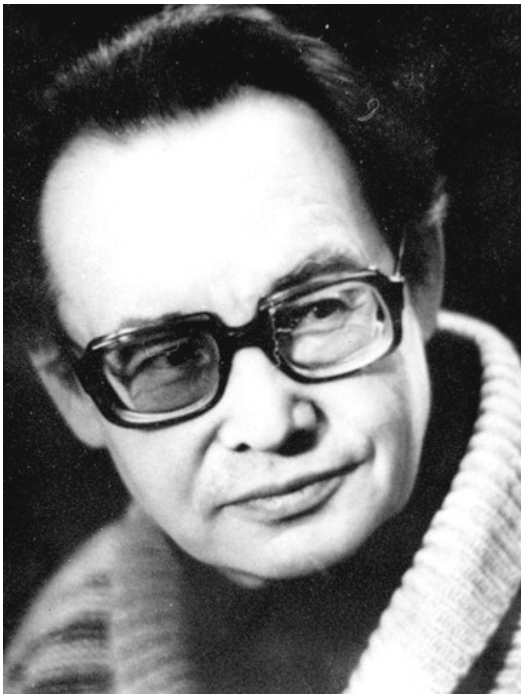

НОВАЯ КНИГА

А.Т. Гагарина, Т.А. Копылова. Юрий Гагарин: глазами матери. Москва: Культурная революция, 2011.

В издание вошла новая редакция книги «Память сердца» матери космонавта Анны Тимофеевны и писательницы Татьяны Копыловой. «Раскрытые страницы» – вторая часть книги. Она написана Татьяной Копыловой и продолжает воспоминания матери Юрия Алексеевича. Читатель найдет множество новых биографических сведений о космонавте и большое количество фотографий, часть которых воспроизводится впервые. Книга подготовлена к 50-летию первого полета человека в Космос, которое земляне отмечали совсем недавно.

Ямил МУСТАФИН

прозаик, критик, публицист,
участник Великой Отечественной,
автор более тридцати книг,
член Высшего творческого Совета
Союза писателей России,
живет в Москве

БАЛАЛАЕЧНИК

Рассказ

Они тянулись друг к другу, как цветы к солнцу. Их неужесточившиеся сердца еще не знали, что такое любовь. Но они инстинктивно чувствовали новое, незнакомое состояние душ, пробуждавшееся, когда оставались вдвоем...

Смерть человека всегда неожиданна, особенно для близких, родных, если этому даже предшествовала тяжелая, неизлечимая болезнь.

Кончина супруги Шамиля Галлямовича для семьи тоже оказалась неожиданной.

Под утро Тамара Петровна взяла похудевшими пальцами руку мужа и тихо сказала:

– Поговори со мной...

– Может, лекарства какого? – спросил Шамиль Галлямович, поглаживая почти детские пальцы жены. – Тамара, я сегодня во сне Тайшет видел. Слышишь, Том? Тамара, слышишь? – испуганно спросил муж, чувствуя, как в его ладони холодеют пальцы жены...

Тамара Петровна ничего так и не успела сказать: как жить дальше в это воровское, бандитское время ему, детям, внуку... Ни наказа не оставила, не успела произнести последнего пожелания. А ведь на ней держался весь дом!

Но эта дивная женщина оставила в наследство супругу, детям, внуку божественную доброту, духовную чистоту, совесть на грани самоотречения и ангельскую щедрость души...

До «золотой» свадьбы, которую она очень хотела отметить, не дожила всего год четыре месяца и восемь дней. Не случайно, наверно, в народе говорят: человек предполагает, а Бог располагает.

Прожила Тамара Петровна с мужем душа в душу, в любви и согласии. Одни им завидовали, другие говорили, что они не выносят «мусор» из дома, третьи считали, что им, Тамаре и Шамилю, еще петух не клюнул как следует в одно место, вот они и живут в любви да ладу...

Ошибались люди. Бывали у этой странной для современной жизни пары и пасмурные денечки. Но они, как правило, через час-другой рассеивались теплым ветром любви, освещались солнечным взаимопониманием, ощущением, что нужны друг другу, обоим не хватает улыбки, «пустяшных» разговоров и просто нежного взгляда...

Цветы не могут же цвести без солнца! Шамиль Галлямович не знал, где что лежит, сколько чего, – все домашнее хозяйство вела жена. Перебирая после похорон супруги вещи, в кожаном чемодане, купленном в 1951 году в Порт-Артуре (Порт-Артур тогда был военно-морской базой СССР, возвращенной России после разгрома Японии в 1945 году), он наткнулся на белый панбархатный сверток. Развернув его, Шамиль Галлямович обомлел: перед ним лежала давным-давно забытая, старая балалайка, сыгравшая в его семейном счастье, наверно, не последнюю роль.

«Как она попала сюда и сколько лет пролежала в чемодане?» – недоумевал вдовец, глядя на столь неожиданную находку. Взял потертый по углам и краям инструмент и увидел под ним пожелтевший от времени, сложенный вдвое тетрадный лист бумаги. Развернул и узнал каллиграфический почерк жены... Учащенно забилося сердце, задрожали пальцы, задрожали губы, потерявшие былую упругость, на глаза навернулись слезы...

От первых же слов, написанных родным, так хорошо знакомым почерком, ему стало худо... Шамиль Галлямович взял с тумбочки валокордин, накапал животворящих сорок росинок, налил водички и выпил. Вроде полегчало. Проходя мимо трельяжа, бросил взгляд в зеркало. Пунцовое лицо, заплаканные глаза, седые волосы выдавали возбужденно-нервное состояние овдовевшего Ишкильдинова.

«Мой любимый сибирский башкир! Вот мы и дождались нашего «золотого» юбилея! Нашей «золотой» свадьбы! Вещи, которые я тебе покажу и которые ты забыл, станут для тебя, я думаю, самыми дорогими подарками, потому что знаю тебя с ноября 1941 года. А для дочери и сына они, может быть, покажутся старческой ностальгией. Ладно, поживем – увидим и услышим, что наши детки скажут.

Как балалайка Ильи Ивановича Кургина оказалась у меня в чемодане? Помнишь, когда мы возвращались в пятьдесят четвертом году из Порт-Артура, остановились у твоей мамы? На второй день пришла тетя Полина – вдова Ильи Ивановича. Тебя дома не было – пошел к соседям хвастать своим сыном. Мама еще предупредила тебя, мол, как бы кто-нибудь не сглазил ребенка, он такой спокойный и улыбочивый, как ангелок.

Так вот, тетя Поля тогда спросила, играешь ли ты, как прежде, на балалайке. Я сказала, нет, если бы, говорю, был инструмент, может, и играл бы. Она тут же пошла домой и принесла балалайку Ильи Ивановича. Когда она ушла, я завернула балалайку в оставшийся кусок панбархата, про который, я уверена, ты тоже забыл... Вы, мужчины, вообще существа забывчивые... Мне этот кусок материи дорог тем, что ты за ним поехал аж в Дайрен, когда я сказала о своем желании сшить модное платье... Маму твою я попросила тебе не говорить о балалайке. Сказала, что когда мы будем отмечать «золотую» свадьбу, я достану эти дорогие, думаю, для меня и тебя вещи. Она удивленно посмотрела на меня и сказала: «Ой, доченька, дожить надо до этого, столько еще воды утечет. И балалайка, и бархат забудутся».

Вот, чтобы не забыть все это, я и решила

написать. Вроде как бы дневник завела. Откровенно говоря, Шамиль, меня очень расстрогала балалайка... Ведь в сорок втором году тебя учил играть на ней сам Кургин! Все! Пока ты знакомишь соседей, друзей со своим «порт-артурцем», я заверну балалайку в панбархат и спрячу до «золотой» свадьбы. Тогда ты вспомнишь, может, больше меня, как и где мы встретились, как годами переписывались, как ты семь суток ехал в Москву, чтобы встретиться со своей Томулькой... Целую Витю и тебя. До встречи на «золотой» свадьбе. Интересно, как мы будем выглядеть и будем ли так же любить и беречь друг друга? 27 октября 1954 года. Тайшет».

Закончив читать, Шамиль Галлямович плакал навзрыд, словно он только что похоронил супругу. Он неотрывно смотрел на бесценные для него вещи, о которых, честно говоря, забыл начисто.

Вторично осиротев за последние дни, Шамиль Галлямович целовал поблекшие слова на пожелтевшей от времени бумаге. Он не замечал, как сквозь рыдания губы шептали самые нежные слова, которые, казалось, он не успел высказать. И от этого становилось еще горше, больнее душе...

Однако если бы это было так, он никогда бы не увидел в чемодане ни записку, ни балалайку, завернутую в панбархат, купленную в честь рождения сына.

Апрель в сорок втором году в Тайшете выдался на редкость ранним и теплым. После трескучих морозов весна яростно вступала в свои права. На южных склонах взгорьев солнце недели за полторы слизало снега. Однако ночами склоны покрывались тонким, прозрачным льдом, под которым изумрудно улыбалась проклюнувшаяся травка. Но стоило утром солнцу вскарабкаться на вершины колких, островерхих листовниц на сопках, как зальдившиеся за ночь взгорья охотно сбрасывали невольничьи накидки, освобождая раннюю поросль из холодно-го плена...

На берегах своенравной Бирюсы, говорливых речушек Тайшетки и Венгерки вербы усыпались желто-белыми цветами-шмелями. В эту пору они сладки, и детвора охотно сосет их вместо леденцов.

Кормилица Бирюса тяжело просыпалась от долгой зимней спячки. Ночами грозным уханьем разрываемой у берегов ледяной шубы вещала о своей строптивости.

Зима хоть и оказалась стылой и мало-снежной, однако большая семья старой башкирки Ишкильдиновой, тетушки Шамшур, прозимовала без особых потерь. Овцы дали неплохой приплод, удачно отелилась корова – принесла крепкого, похожего на себя пестрого теленочка, будущую, как надеялась

хозяйка, молошницу.

Все бы ничего – жить можно. Да вот тетушка Шамшура потеряла покой. Ее сердце растревожило странное поведение младшенького, оставшегося в семье за старшего. Трое старших сыновей были призваны в армию в первые же дни нападения Гитлера на СССР. Шесть внуков мал-мала меньше еще не мужчины. За каждым нужен глаз да глаз.

С приходом весны Шамиль повел себя до странности чудно, непонятно. В душу матери закралась тревога. Сын взял за привычку, придя из школы, наспех перекусив тем, что есть на столе, взбираться на крышу избы с балалайкой соседа Ильи Ивановича Кургина и горланить оттуда на всю улицу песни, которые частенько напевал хозяин балалайки.

Кургин был классным балалаечником. На олимпиадах в Иркутске всегда занимал первые места. Равных ему в области не было.

Тетушка Шамшура изумлялась – сосед уж как знаменит в области, однако вот не залазит, как ее последыш, на крышу и не чудит оттуда, играя на балалайке, не горланит песни. А мог бы! Но Илья Иванович открывал окно, выходящее на улицу, усаживался под лапушистым огромным фикусом, брал балалайку и пел негромко, душевно, чувствительно. Послушать Кургина собирались соседи. Бывало, когда они просили Илью Ивановича выйти на лавочку и попеть их любимые песни, он не отказывался, не ломался, хотя знал себе цену. Кургин читил просьбу соседей, уважал их.

Он неторопливо облачался в голубую сатиновую, с множеством перламутровых пуговиц косоворотку, подпоясывался шелковым с кисточками на концах белым шнуром. Надевал модно скрипучие хромовые сапожки. Слегка вьющиеся белокурые волосы чуть-чуть поливал тройным одеколоном. Звучную балалайку брал подмышку, осторожно придерживая за гриф, любовно поглаживал корпус.

Из калитки Илья Иванович выходил чинно, с достоинством, но без самолюбования. Небесной синевы, как у жены, глаза светились глубинной радостью – он нужен соседям, они ждут его! Опустившись на лавочку, он долго прилаживал на коленях балалайку, находил самое удобное положение, склонял красивую голову к грифу инструмента, раза два проводил большим пальцем по струнам, прислушивался, как они звучат. И только после начинал волшебным образом колдовать над своей невзрачной на вид трехстрункой.

Кутившие тут же притоптывали самокрутки из крепчайшего самосада, женщины прекращали балаболить, смирились, словно

голубки под сизарем с томными, посоловешими, в оранжевом ободке глазами. Илья Иванович пел негромко, но так, что за душу брало любого. Могло показаться, что он убаюкивает дите малое.

Неказистая балалайка в руках Кургина оживала, издавала мелодии подстать хозяину. Струны то переливались подобно птичьему гаму весной, то журчали, словно родники по камням суровых Саян, где берет свое начало баловница Енисея Бирюса, то звучали таинственным шепотом тающих снегов...

Всю зиму сосед учил поскребыша тетушки Шамшуры Шамиля играть на балалайке.

Старая башкирка боялась за дорогой инструмент: вдруг сын уронит балалайку, которую сосед холил как свою жену-красавицу Полину? Тогда никаких денег не хватит расплатиться. Впору корову продавать.

Своей тревогой тетушка Шамшура поделилась с Полиной. Не свихнулся ли ее последыш? О какой-то красотке поет, которая живет в тереме, а не в избе, у крыльца сторож караулит ее, а какой-то джигит темную ночь ждет, чтоб украсть красавицу. Конокрад что ли, что о тройке мечтает? Начнет с песни, а там, глядишь, и до греха недалеко. Были бы старшие братья дома, голова б не болела.

Полина, как могла, успокаивала соседку, мол, подрастет – образумится. Бояться за Шамиля не стоит. Возраст такой, да и бойкий малец. Он сейчас похож на весеннего стригунка: чует запах любви, слышит ее голос, видит, а как подступиться, совладать со своими желаниями, чувствами, не знает.

Полина внутренне засмеялась своим мыслям, но, видно, не сумела скрыть шалость. Тетушка Шамшура недовольно посмотрела на нее.

– Так-то оно, может, и так, соседка, – грустно ответила старая башкирка и стежкой повела свою печаль-тревогу. – Песни, конечно, пуцай поет. Однако зачем такие? Пел бы пионерские. Вот про барабанщика. Или жалостную про Орленка. Но на кой ляд на крышу взбираться? Крыша старая, замшелая. Сорвется – шею свернет. А потом, Полина, перед соседями стыдоба! Что могут они подумать? Мальчишка остался за хозяйина. Делов сколько! А он, как петух какой, прости меня Аллах, почти каждый день заладил на крыше на балалайке тренькать? В голову не возьму, как твой Илья такую дорогую вещь доверил ему?!

– Понимаю, тетушка Шамшура, твою печаль, – с трудно скрываемой иронией сказала Полина и скрестила красивые руки под пышной грудью. – То-то он всю зиму к Илюшеньке повадился: научи да научи, дядя Илья, на балалайке играть... – И вкрадчи-

во-озорно заметила: – А не для соседки ли москвички он оттуда играет? Петух ведь тоже на заплот взлетает, чтоб куры видели его достоинства, и оттуда кукарекает на всю округу? А?

– Тю, скажешь тоже! Тебе все б шутить... – отмахнулась старая башкирка, и ее смуглое лицо помрачнело. – Годков-то ему всего пятнадцать!

– А что, девочка она славненькая, словно ягодка спелая, – гнула свое Полина. – Скромная. Хоть и москвичка, а здоровкается завсегда. – Грудной смех выдал шаловливое настроение молодой женщины.

– Что ты балаболишь? Погоди-погоди, посмотрю, каким голосом запоешь, когда твои «три танкиста» вырастут и начнут девчат обхаживать! Ночами у калитки будешь ждать, глаз не сомкнешь.

У Кургиных было три сына-погодка, и родители мечтали, что как только они достигнут призывного возраста, Илья Иванович самолично напишет письмо товарищу Ворошилову, чтобы сыновья служили в одном экипаже.

– Не обижайтесь, тетушка Шамшура, я над своими мыслями смешилась. А с Илюшей я поговорю. Уж он-то отучит мальчика лазать по крышам и петь оттудова «негожие» песни. – Опять голубые глаза Полины засверкали незабудками, окрапленными утренней росой.

– Хорошо б, милая, если б так, – с надеждой ответила тетушка Шамшура. – Сама говоришь, он еще стригунок...

Задолго до тревожных переживаний тетушки Шамшуры произошли события для Тайшета и 7-го класса «А» масштабные и оставившие заметный след в истории таежного провинциального городка, получившего статус города всего три года назад – в 1938 году. В ту же пору вокруг Тайшета возникли лагеря заключенных («ТашЛаг») – первых строителей Байкало-Амурской магистрали от Тайшета в сторону таежной деревушки возле Ангары Братска, где после войны будет возведена гигантская электростанция Братская ГЭС.

События заключались в том, что в ноябре 1941 года в Тайшете появились первые семьи эвакуированных, которых надо было обустроить: найти жилье, работу (в основном это была интеллигенция), прикрепить к карточной системе, детей обеспечить учебой... Вся эта сложная, многоступенчатая организационная работа легла на плечи партийных, советских и профсоюзных работников, активистов-общественников. Дыхание войны достигло и Тайшета, хотя война гремела в четырех тысячах километров...

Приближался конец первой четверти. Морозы крепчали с каждым днем. Ночами перестреливались лопавшиеся от стужи деревья. Днем детвора подбирала окоченевших воробьев. Городишко словно вымер. На улицах не было видно даже собак.

В один из таких дней к соседям тетушки Шамшуры вселились эвакуированные москвичи. Молва об этом в тот же день дошла до 7-го «А». Говорили, что видели девочку в сером пальто с каракулевым воротником и вязаной красной шапочке. Девочки утверждали, будто бы москвичка будет учиться в их классе. Мальчишкам же было не до какой-то девчонки в красной шапочке. Вот если бы вместо нее парнишка приехал! Это уж совсем иное дело! С ним было бы о чем поговорить.

В 7-м «А» учился харьковчанин Андрей Смолин. Но он почему-то не прижился среди добродушно-доверчивых, наивных сибиряков. Может потому, что его отец был начальником одного из многочисленных лагерей, и жил он в двухэтажном доме, построенном для начсостава «ТашЛага», и привозили его в школу в кошевке, укрытым медвежьей шубой. Да и одеждой он отличался. Темно-синий шевиотовый пиджак, голубая рубашка и галстук, как у взрослых, сразу ошарашили всех. Рыжие волосы уложены, как у артиста. Такого киношного пацана сибиряки никогда не видели. Девочки аж обомлели. На ногах хромовые сапоги. И это в мороз за сорок! Уж потом ребята узнали, что они утеплены изнутри. А учительница по литературе Прасковья Филипповна, классный руководитель, посадила Смолина перед Шамилем Ишкильдиновым. Будто нарочно, чтобы он видел, как красиво Смолин подстрижен, не то что он – под машинку!

С приходом в класс Андрея девочки стали вести себя как-то странно: если до появления харьковчанина они носились на переменах наравне с мальчишками, то теперь стояли группками и секретничали, таинственно посмеиваясь над чем-то. Единственно верной мальчишеско-девчоночьей дружбе осталась длинноногая Галя Минина. Она нравилась мальчишкам веселостью, хорошо училась, на контрольных работах подсказывала каждому, за что учителя недолюбливали ее. Галя лихо боролась с ребятами, если надо было заступиться за кого-нибудь, она могла и затрещину дать. Среди ребят она была своей.

Однажды Галя на перемене подошла к Смолину и насмешливо сказала:

– Ты все возле девочек пасешься, Андрей, давай поборемся с тобой! – и вцепилась в плечи Смолина. – О! Да тут у тебя кило ваты! А девочки-то думали, что это му-

скулы! Ну, померимся силой? – вызывающе улыбалась Минина белоснежными зубами.

– Значит, побороться желаешь? – процедил сквозь зубы Андрей, схватил девочку за шею, сделал подножку и повалил ее на пол.

– Ну, «киловатный», да-а? Получила?

– Не по правилам!

– Ты подножку сделал!

– За это морду бьют! – кричали ребята, подступив к Андрею.

– Она сама... Она первая... – пугливо бубнил Смолин.

– Ну, девчоночий пастух, сделай мне подножку! – встал перед Андреем Шамиль. – Я тебя сейчас на калган приму! Тогда быстро поймешь, как девчонок обижать. Делай подножку! Делай! – петушился Шамиль.

– Оставь его. Я вправду думала – он мальчишка, – сказала Галя, с трудом сдерживая слезы, опустила плечики и ушла в класс.

Если бы не звонок на урок, неизвестно, чем закончилась бы перепалка между Андреем и Шамилем. Класс гудел, как встревоженный улей. Готовясь к уроку, семиклассники бурно обсуждали конфликт между Андреем и Галей.

Андрей достал командирский кожаный планшет, фарфоровую непроливашку (у всех были простые, стеклянные) и вдруг замер. Привстал и стал прислушиваться, повернувшись ухом к приоткрытой двери. Шамиль заметил странное поведение Смолина и тоже напряг слух. Уловил ритмичный постук чьих-то каблучков. По стуку каблучков школьники узнавали, что приехал из Иркутска или Нижнеудинска кто-то из проверяющих. Все учителя зимой ходили в школу в валенках.

– Ша, проверяющий приехал... – просигналил Шамиль. Класс замер, и тридцать пар глаз уставились в приоткрытую дверь.

Наконец дверь распахнулась, и вошла Прасковья Филипповна. Как всегда, она была в валенках, прошла к столу и не бросила, как обычно, классный журнал на стол. На ее аскетическом лице отсутствовала строгость. И привычно не спросила: «Итак, дети, кто скажет, что было задано на дом?». Вместо этого учительница обернулась к двери и мягко позвала:

– Тамара, входи. Дети, у нас новенькая, Тамара Макарова. Москвичка, – подчеркнула она.

Класс снова услышал постук каблучков. Но теперь робкий, замедленный.

В класс вошла девочка в салатного цвета платьице с вышитым бисером воротничком. Каштановые волосы локонами ниспадали на узкие плечики. Но, пожалуй, больше всего поразили девочек и мальчишек коричневые на полувысоких каблучках туфельки.

Зимой, в такую стужу – и в туфельках! Сибиряки в те годы не могли представить, что можно прийти в школу в валенках и переобуться в туфли.

– Куда же тебя, Тамара, посадить? – размышляла вслух учительница, пристально всматриваясь в учеников, вперивших глаза в новенькую.

И тут что-то произошло с Шамилем. Лицо его запылало. Он не мог понять, что творится с ним. Ему казалось, что он оглох. Парнишка никого не видел, кроме вошедшей девочки, которая растерянно-настороженно разглядывала тридцать пестро-схожих сверстников.

Так гложут и ничего не видят глухари, влюбленно взирая с вершины сухостоя на свою избранницу, которая минорно клекочет, подкудахтывает на алмазно-сверкающем под мартовским солнцем снегу. Счастлива судьба краснобрового с переливающимся сизо-аспидным оперением глухаря, если поблизости не затаился охотник.

Шамиль готов был крикнуть: «Прасковья Филипповна, уж сколько дней я сижу один! Посадите новенькую за мою парту! Ведь больше нет свободного места!». Шамиль не был паинькой. Но в этот раз язык его окостенел, сам он смотрел на учительницу собачьими глазами, весь горел, дрожал, словно одинокий осенний лист... Вскакивал и опять садился. Поднимал руку и снова опускал. Наконец, Прасковья Филипповна узрела странное поведение Ишкильдинова и резко бросила:

– Не набегался, что ли?

– Набегался... Я один сижу... – Голос мальчишки был заискивающим и жалким.

– Может, ты хочешь сказать, что новенькую надо к тебе посадить? – подсказала учительница.

– Ага... – с надеждой тихо ответил Шамиль.

Прасковья Филипповна как-то странно качнула головой. Мальчишке показалось, что она вняла его словам. Осмелев, Шамиль выпалил:

– Я уступлю новенькой место у окна! Отсюда виден школьный двор и все, что там происходит. Если чуток привстать, Прасковья Филипповна, вытянуть шею, то можно увидеть за забором улицу, прохожих...

Кто-то из ребят хохотнул, и тут же учительница оборвала красноречие Шамиля.

– Садись! Вот и видно, что все время смотришь в окно.

Тут уж весь класс покотился со смеху. И только новенькая испуганно и с жалостью разглядывала Шамиля.

– Повеселились – и будет! – одернула класс учительница и продолжала размыш-

лять вслух: – Куда же, Тамара, тебя посадить? Так, Галя Минина временно сидит одна. Брюханова поправится – сядет к Шамилю. Тамара, садись к Мининой на четвертую парту. Она девочка хорошая. Хорошо учится. Надеюсь, подружитесь.

Москвичка снова зацокала каблучками по полу, направляясь к улыбающейся Мининой. Шамиль лег на парту, положил голову на руки и с трудом сдерживал накатившиеся на глаза слезы. Так обидно и больно мальчишке еще никогда не было...

Как проходил дальше урок, что говорила учительница, как отвечали ребята, Шамиль не слышал. Себя он считал самым несчастным, несправедливо обиженным человеком.

И все же судьба благоволила Шамилю. Москвичка оказалась его соседкой! И в отличие от других ребят он имел возможность первым видеть девочку каждый день!

Москвичей поселили в большом доме Коноваловых напротив избы Ишкильдиновых. Зная, когда Тамара идет в школу, Шамиль опережал ее и, выскочив за ворота, стерег, пока она не появится. Девочка всегда долго громыхала застывшей за ночь тяжелой калиткой, звенела железным кольцом от щеколды.

Плотный, сине-дымчатый рассвет укрывал его. Дождавшись, пока девочка немного отойдет от дома, он, крадучись, следовал за ней. Сохраняя расстояние метров в двадцать, мальчишка робко шел по занесенной за ночь снегом дорожке до самой школы и боялся, как бы девочка не обернулась. Шамиль очень хотел, чтобы кто-то попытался обидеть москвичку, или она испугалась бы бродячей собаки – и тут он встал бы на ее защиту! Жизни бы не пожалел! Но в такие лютые морозы собаки даже носа не высывали из своих будок, хулиганы тоже не появлялись...

И все же однажды ему очень повезло. Можно сказать, счастье улыбнулось. Как всегда Шамиль вышел за ворота раньше Тамары. Он позволил Дамке – рыжей лайке – лизнуть себя в лицо, лишь бы она не залаяла и не испугала девочку. Вжавшись в заплот, мальчишка стал ждать звяканья кованого кольца калитки, заставлявшего трепетать его маленькое, чуткое сердце.

Умиротворенная стынь царственно распростерла холодную длань над просыпающимся городком. Белесые дымы печных труб величаво подпирали мраморными колоннами звездное небо. Шамиль до боли в ушах напряг слух в ожидании дивно-милого скрипа калитки и бряцанья железного кольца. В эти мгновения ему казалось, он слышит, как осторожно плывущая по небу луна боком трется о тучи...

Наконец чудесно заскрипела тяжелая калитка, неумной музыкой звякнули щеколда и кольцо. Девочка в красной шапочке пыталась закрыть калитку, но тщетно.

С немалым усилием поборов робость, Шамиль осмелился подойти к соседке и помочь ей. Заикасто ворочая внезапно оледеневшим языком, он промолвил:

– Д-д-дай п-помогу...

– Ой! Как напугал! Я не слышала, как ты подошел, – не скрывая испуга, сказала москвичка.

– А то! Грохочешь на всю улку.

– Калитка не закрывается...

– Вижу... – не решаясь смотреть Тамаре в глаза, промямлил мальчишка. – Сейчас мы это дело быстро уладим, – подражая Илье Ивановичу, солидно сказал Шамиль. – Чувешь, какая стынь? За ночь солидол на железках прихватило морозом. Вот калитка и не закрывается плотно. Поняла?

– Поняла...

От счастья, что москвичка слушает его и соглашается, а вокруг никого, парнишка готов был запеть, сердце клокотало где-то возле горла.

Шамиль привычно несколько раз поднял и опустил щеколду со стороны двора и не свойственным ему голосом сказал:

– Тамара, теперь попробуй сама, как я, закрыть калитку, но сильно. Калитку двумя руками крепко тяни на себя. – Осмелел и попросил портфель: – Дай я подержу.

Девочка протянула портфель. Мальчишка взял осторожно, как дорогую вещь.

Девочка двумя руками вцепилась в кольцо и резко потянула калитку на себя. Калитка глухо захлопнулась, звякнула щеколда, плотно сев в гнездо.

– Ой! Оказывается, совсем легко! – радостно засияли черные, словно спелые черемушки на берегах Бирюсы, подернутые брызгами таежной бегуни глаза.

– А то! – не менее радостно ответил Шамиль, чувствуя, как предательски пламенеют его щеки. Так близко он еще ни разу не видел лица соседки и не мог позволить себе вот так свободно разговаривать с ней.

Тамара еще что-то ему говорила, спрашивала, но мальчишка уже ничего не слышал, не замечал, как в улыбке расплываются его губы.

До школы было минут десять ходьбы. Узкая, еще не утоптанная дорожка вынуждала их идти плечом к плечу, что пугало и одновременно радовало Шамиля. Время от времени они украдкой обменивались взглядами, улыбались каждый своим мыслям. Душа мальчишки ликовала. Ему необычайно хорошо и легко было идти рядом со своей соседкой, к которой в школе он боялся даже

приблизиться, сторонился ее. Шамилю хотелось смеяться, кричать от счастья. Арбузный запах выбившихся из-под красной шапочки волос, припорошенных инеем, туманил Шамилю глаза, пьянил сознание. Такое состояние мальчишка испытывал впервые и не мог понять, что же это такое, что с ним творится.

Чтобы как-то нарушить затянувшееся молчание, Шамиль неуверенно сказал:

– Портфель у тебя тяжелый. Дай понесу...

– Если хочешь, возьми. Он еще не тяжелый, некоторые учебники сегодня я не взяла.

Девочка протянула портфель Шамилю, радостно посмотрела на него и трогательно-заботливо, словно старшая, заявила: – Уши отморозишь. Дай наушники опущу.

Тамара развязала тесемки на шапке, опустила наушники: – Вот теперь никакой мороз твоих ушей не достанет! – И добавила: – Ой, какой же ты смешной!

– Разве это мороз! – хорохорился мальчишка. – Вот в прошлом году был мороз так мороз! Поезда стояли – в буксах смазка замерзала.

Оставшиеся до школы метры москвичка и сибиряк старались идти, как сговорившись, медленней. Они молчали. Только их неогрубевшие и чистые души, как таежные родники, перекликались им одним понятными и доступными чувствами. Но двухэтажная, ярко освещенная школа неотвратимо приближалась, будто лайнер среди заснеженных ледяных торосов.

– Дай портфель, – потухшим голосом попросила Тамара. Шамиль сразу сник и нехотя протянул тяжелый портфель. Их руки соприкоснулись и на миг задержались.

– Домой тоже вместе пойдем? – храбро спросил мальчишка.

– Не знаю... – опустила голову в красной шапочке девочка и зашагала впереди. Следом кволо плелся Шамиль.

Это стылое, жгуче-морозное утро стало для двух юных и непорочных сердец путеводной звездой в их судьбе, в их жизни. Теперь Шамиль каждое утро стоял у ворот Тамары и ждал, когда, радуя сердце, скрипнет калитка Коноваловых.

Пока утренние сумерки были густы и тяжелы, как туманы в таежных падах, и на улице не появлялась ни одна живая душа, Тамара и Шамиль шли, взявшись за руки. Радовались тому, что никто не видел их застывшие от мороза пальцы. Портфель теперь всегда нес осторожно, будто корону принцессы, Шамиль. Мальчишка чувствовал, как нежные пальцы девочки замирали, понав в его ладонь, словно пичуги в тенетах.

– Не замерзли пальцы? – спрашивал

мальчишка.

– Не-а, – улыбаясь, мотала головкой девочка и, широко распахнув счастливые глаза, спрашивала: – А твои?

– У меня руки никогда не мерзнут, – хвастался Шамиль, чему девочка искренне верила. Однажды он спросил Тамару:

– Тебе хорошо так идти?

Девочка счастливо посмотрела на верного «пажа». Она, видно, ожидала подобного вопроса. Бездонно-черные глаза замерцали в стылых сумерках, пальчики нежно засуетились в ладони Шамиля.

– Почему у тебя мозоли на ладонях? – чтобы не молчать, спросила Тамара.

– Попробуй поколи дрова, почисти стайку, покидай снег лопатой... Они жесткие, да? – настороженно спросил в свою очередь мальчишка.

– Что ты! Я просто так спросила.

– Вот бы так всю жизнь вместе... – сказал Шамиль.

– Хорошо бы, – согласилась Тамара, и опять ее пальчики замерли в его ладони.

Что это было? Голос судьбы? Зов Адама и Евы? Или божественный дар, редкий, отпущенный Всевышним двум юным сердцам в эти дни тяжких испытаний, доставшийся им в лихолетье войны, чтобы поддержать их неокрепшие души?

Шамиль стал примечать, что на переменах Смолин прямо-таки пиявкой держится возле Тамары. Бесцеремонно перебивает разговор подруг, рассказывает, в каких городах он жил, сколько лет занимался музыкой в Харькове, как в Тайшете вынужден отвыкать от игры на пианино – нет музыкальной школы, заводил разговор про артистов. Однажды приволок из 7 «Б» своих друзей Симу Безброша и Аллу Черкасскую, чьи родители тоже работали какими-то начальниками в «ТашЛаге». Эта пара сразу стала рассказывать про Москву, метро, цирк, парк культуры имени Горького...

Растерянная Макарова молчала, а ее подруга Галя, сжимая кулачки, зыркала на «святую» троицу рысьими глазами так, что, казалось, вот-вот вцепится в кого-нибудь. Наконец не выдержала и, прикрыв собой Тамару, заявила:

– Я ни к тебе, ни к твоим друзьям не лезу и не вмешиваюсь в ваши разговоры. Так?

– Ну и что? – усмехнулся Смолин.

– А вот что, «эвакуированный», – поддела Минина, – если ты еще раз подойдешь к нам со своей оравой, я тебе выпарапаю глаза!

– Забыла, борец Бамбулла, как я тебя швырнул на пол? – под одобрительный смех друзей напомнил Смолин давний конфликт.

– Уйди, или я и вправду твои гляделки выковыряю! – подступила Галя к Андрею.

– Смолин, ты не прав, – вышла из-за спины подружки Тамара. – Мы разговариваем с подружкой, а ты всякий раз встречаешь в разговор. Это же неприлично. А потом, почему ты обзываешь мою подружку? Кто тебе позволил?

– Тоже нашла подружку! – бросил Смолин.

– Как ты можешь так говорить? – зарделась Макарова.

– Почему же не могу? Могу...

– Ну-ка отвали, Андрей, – сжав кулаки, подошел Шамиль. – Тот раз я тебя не отметил, звонок на урок помешал. Сейчас могу разделат так, что твои друзья не узнают...

– Ишкильдинов! – почти враз крикнули Галя и Тамара. – Ты же не хулиган уличный!

После этого случая Андрей стал реже подходить к подругам и больше ошивался возле 7 «Б».

На школьный вечер, посвященный ноябрьским праздникам, приехала в почти игрушечной кошевке мать Андрея Смолина. На облучке сидел в белом армейском полубашубке кучер-зэк.

В те годы в Тайшете родители никогда не приходили на школьные вечера. Они хоть и не имели высшего образования, однако знали, что их присутствие будет сковывать детей, и поведут они себя не так, как хотели бы. То есть демократия была первородной, изначальной.

Плоскозадая, в бархатном платье женщина с копной рыжих волос на голове без всякого приглашения сразу уселась возле директора школы. Это место всегда занимала завшкола Софья Владимировна...

Ия Соломоновна что-то без конца тараторила директору. Часто упоминала имя сына.

– Сегодня выступает ваш Андрей. Говорят, очень активный ученик, – сказал директор.

– А я и не знала! – сделала удавленную мину Смолина. – Он у меня такой скромный! Если бы я не приехала, то, уверяю вас, я б не узнала о его выступлении. Как я удачно приехала! Папочке скажу нашему. Пусть порадуетесь...

– Да-да... Вон Андрей уже готовится к выступлению, послушаем, – вежливо осадил гостью директор.

Андрей поднялся на приступок, изображающий сцену, и закартавил: – Стихотворение Владимира Маяковского «Стихи о советском паспорте». Когда дошел до слов: «Я достаю из широких штанин...», – он и вправду достал из кармана брюк настоящий паспорт и потряс им над головой, чем буквально сразил школьников. Аплодировали ему громко и долго. Его друзья Сима и Алла до боли в ушах визжали непривычное для

сибиряков: «Браво! Браво!».

Ия Соломоновна, раскрасневшаяся от счастья как вареная свекла, что-то говорила директору, кивая на сына. И вдруг она встала и очень серьезно и громко объявила: – А сейчас Андрей исполнит на пианино любимую песню нашего великого вождя товарища Сталина «Сулико».

Еще не затихли последние звуки грустной мелодии, как друзья Андрея снова завопили: «Браво! Браво!».

Потом Смолин лихо играл фокстроты, вальсы, девочки танцевали с девочками, а мальчишки-неумехи грустно стояли у стен и не без зависти глазели на Симу Безброша, который без усталости танцевал то с одной девочкой, то с другой. Подошел к Тамаре.

– Я с ней танцую, – отрубил Галя. И повела подругу, наступая ей на ноги...

После того вечера Шамиль твердо решил восполнить пробел в своем «музыкальном образовании». Он убедился, с каким трепетом и вниманием теперь девочки заговаривали с Андреем. Некоторые даже предлагали устраивать вечера танцев, мол, ходить в Рабочий клуб возле станции не всегда удобно.

Парнишка искренне сожалел, что до войны не научился играть на двухрядке или мандолине. О скрипке и помышлять не мог – на ней играл только один брат, средний – Фаузи. А ведь сколько раз братья пытались научить его игре на гармошке! Гармошек у них было три: двухрядка, тальянка с колокольчиками и маленькая, концертная: в ладони умещалась у старшего брата красавца Ханафия. А он, дурень, отнекивался, дело доходило до слез. И тогда братья махнули на него рукой – пусть читает свои сказки и на облака смотрит, как Иванушка-дурачок.

– Что ж ты у меня, утеночек, такой неслух? – не скрывая обиды, спрашивала мать. – Соседи вон, и те спрашивают, не медведь ли тебе на ухо наступил? А как было бы славно: вырос бы и девушкам играл на гармошке. Они гармонистов любят. Эх, мал еще, головка сказками полна...

Догадываясь, куда клонит мать, Шамиль зло и чуть не плача бросал:

– Все равно не женюсь! Никогда!

– Конечно-конечно, утеночек мой! Никогда ты не женишься. Да я и сама тебя никому не отдам. Как же я без тебя останусь? – гладила мать шершавой от тяжелой работы рукой ежисто-колючую голову сына.

Для Шамиля эти руки всегда были самыми нежными, самыми добрыми, успокаивающе-ласкающими. Парнишка был уверен, что никогда никакие руки не заменят рук его мудро-терпеливой мамы...

«Послушал бы тогда маму, сейчас бы ная-

ривал на школьных вечерах! Танцевать научился бы!» – с сожалением думал Шамиль и, поборов отвращение к музыкальным инструментам, надумал: научиться играть на балалайке, у которой всего-то три струны, а не почти сотня клавишей, как у двухрядки!

Поборов гордыню, загнав робость подальше, раздухарившись, Шамиль пошел к соседу Кургину – лучшему балалаечнику в Иркутской области. « Попрошу как следует, может, и не откажет», – неуверенно думал мальчишка. Больно уж он ни в чем не хотел уступать задаваке, возгордившемуся после вечера Смолину. Пусть у него сапоги на меху, костюмчик – пальчики оближешь, планшет командирский, кожаный, в школу на кошевке возят, на пианино дринькает... А вот он как научится играть на балалайке дяди Ильи, его любимые песни выучит, тогда посмотрим еще...

В руках Ильи Ивановича простенький на вид инструмент плакал, стонал, заливался соловьем, а то веселым таежным родником радовал сердца слушателей. Когда дядя Илья бывал в ударе и пел мягким голосом душевные песни, женщины не могли сдерживать слез. Склонившись над балалайкой, почти касаясь ухом струн, словно прислушиваясь к их звучанию: не фальшивят ли, – он как бы изливал им свою душу. А уж коли наяривал плясовые «Сербиянку» или «Барыню», балалайка выделывала в руках Кургина такие фортели, что соседи диву давались! Сам Илья Иванович смотрит на пляшущих селезнем, голова откинута назад, из-под кепки-шестиклинки кудрявятся русые волосы, голубые глаза полуприкрыты...

Шамилю особенно нравились песни «Живет моя отрада» и «Окрасился месяц багрянцем». В них было столько печали и молодецкой любви, ненасытной волюшки, что они пронзали души не только русских, но не оставляли равнодушными ни соседа-башкиренка, ни его строгую мать.

В хорошем настроении Илья Иванович такие ядреные частушки отчебучивал, что от топота десятков ног трава-мурава за какие-нибудь час-полтора вытаптывалась до суглинка. После Полина незлобиво, больше по привычке, оставляла за собой последнее слово:

– Соседи поплясали, попели и разошлись. А твоя женушка, Илюшенька, теперь целый месяц окно на улицу не открывай – пылища! Нет бы в другом месте топотать, так нет, все сюда, будто мой муженек медом намазан! – звонко смеялась Полина. Потом нежно обняв муженька за шею, мурлыкала, подобно кошке, но так, чтоб женщины и девчата слышали: – Дети, Илюшенька, давно уснули... В избу пойдем аль на сеновал? – И вызыва-

юще, с усмешечкой поглядывала на соседок, мол, ну и как, подружки-товарки, чей он?

– Аль на сеновал! – сдержанно смеялся Кургин и пытался обнять жену за талию.

– Угомонись... Люди ж... Успеешь еще, – кокетничала Полина. А у самой от счастья глаза сверкали, словно небесные звездочки перед рассветом.

Будучи невольным свидетелем таких разговоров соседей, Шамиль ломал голову и недоумевал: «И зачем дядя Илья согласился идти на сеновал? Там колко! Комары вьедливые! А ему рано на работу...».

Вот к такому человеку Ишкильдинов напросился в ученики. Просьбой соседского мальчишки Ильи Иванович был озадачен: – Сосед, зачем тебе балалайка? – спросил Кургин Шамиля. – У вас столько инструментов – играй не хочу! На балалайке играть, паря, не гвозди забивать! У братейников-то чего не учился? Музыка – душа человека! Она может и слезу прошибить, и радость дать.

– Знаю, – промямлил Шамиль. – Мне, дядя Илья, хочется играть, как вы... Чтoб тоже за душу и слезу... А гармошка, мандолина ничего, конечно, но за душу ни-ни, – хитрил мальчишка. – На гармошке всяк может... Балалайка – это инструмент! Всего три струны, а поет как? – льстил парнишка.

– Ладно, убедил, сосед, – усмехнулся Илья Иванович. – Придется, паря, учить тебя. Мои сынки еще не подросли...

Вошла как всегда энергичная, радостно-довольная, раздумянившаяся хозяйка.

– Смену, Илюшенька, будешь себе готовить? – озорно спросила Полина.

– Сама видишь...

– Не завидую, сосед, будущей твоей жене! – прищурила шало-васильковые глаза Полина. – Влюбился, что ли, в кого?

Шамиля вмиг прошиб пот, и он покраснел до корней волос.

– Ну ты даешь, Полина! Он же еще малец.

– В мае пятнадцать... – буркнул будущий балалаечник.

– Видишь, Илюша, скоро пятнадцать соседу! – еще раз обдала Полина насмешливым взглядом Шамиля и пошла к расшумевшимся сыновьям.

Илья Иванович начал обучение парнишки с самых простых вещей: балалайка состоит из корпуса, грифа, который кончается колками. Гриф разделен металлическими порожками, промежутки между ними... Терпеливо учил Кургин соседа, как правильно ставить на лады пальцы, как свободно и без напряжения работать кистью правой руки... Глядя на неуклюжесть, скованность пальцев ученика, Илья Иванович не особенно обнадеживающе заключил: – Гляжу, паря,

нам с тобой придется крепко попотеть, если хочешь хоть немного научиться. И в кого ты такой тугоухий удался? Братейники – музыканты от Бога, а ты? Может, бросим?

– Не-е! Дядя Илья, мне надо хотя бы несколько песен выучить, – умоляюще сказал Шамиль. – Мне надо! Понимаете?

– Чего ж не понять! Раз надо, значит надо, – пряча улыбку, говорил Кургин. – Две-три песни осилит. А там – как Бог даст.

— Я буду стараться, честное слово...

Недели через полторы Шамиль уже увлекал из балалайки звуки, отдаленно напоминающие мелодии полюбившихся ему песен. Инструмент держался в руке уже уверенней, привычней. Мальчишка был счастлив безмерно, когда Илья Иванович скуповато похвалил: «Молодца, паря! Кое-что получается». От неумейной радости Шамиль размышлялся, как с наступлением весны, когда крыша избы освободится от снега, он взберется на нее с балалайкой и станет там играть и петь. Пусть знают теперь соседи, как «медведь ему на ухо наступил!» И только одна Тамара догадается, что он играет на знаменитой балалайке дяди Ильи и поет для нее. Вот удивится! Обязательно спросит, почему она раньше не знала, как он на балалайке играет и какие душевные песни поет.

8-го марта 1942 года в школе произошло еще одно немаловажное для семиклассников событие. Как обычно, к международному женскому празднику мальчишки готовили подарки для учителей и девочек. Писали стихи, рисовали, из картона клеили веселые игрушки и поименно дарили виновницам этого большого праздника.

Прозвенел звонок на последний урок. Ученики 7 «А» уселись за парты и как никогда благовоспитанно ждали появления Прасковьи Филипповны, чтобы поздравить ее и девочек, раздать подарки, почитать стихи собственного сочинения...

Наконец открылась дверь, и к изумлению всех с живыми цветами в руке вошла... сияющая мама Андрея. За ней появились Прасковья Филипповна и Смолин. Он тоже держал живые цветы! И это в Сибири, когда ночами морозы еще за тридцать.

– Дорогие дети, – картавя, почему-то первой начала говорить Смолина. – В этот замечательный женский праздник я приехала специально, чтобы поздравить дорогую вашу учительницу Прасковью Филипповну и, конечно, всех девочек. Я дарю этот скромный букет, желаю здоровья, счастья и чтобы вы, дети, никогда не огорчали свою учительницу! Поаплодируем, дети! – И Смолина, как давнюю знакомую, поцеловала Прасковью Филипповну.

Так вольно, фамильярно в Тайшете с учи-

телями никто не обращался. Семиклассники захлопали вразнобой, неуверенно.

– А кому же Андрюша вручит цветы? – Ия Соломоновна кокетливо-игриво оглядела девочек, пытаясь угадать, кто же из них Тамара, о которой сын прожужжал ей все уши.

Андрей словно ждал этого вопроса. Он, улыбаясь, быстро подошел к Тамаре и затараторил как по-писаному. С такими словами сибирские мальчишки никогда не обращались к девочкам. Это было слишком по-взрослому и чересчур интимно.

– Дорогая Тамара! – бойко начал Андрей, зыряка оливковыми глазами по партам, вот, мол, как я разговариваю с москвичкой. – Цветы эти я дарю тебе в знаменательный праздник! Желаю учиться только на пятёрки и быть веселой. Я написал стихи. Они в конверте. Прочитаешь дома... – многозначительно закончил Смолин.

Тамара сидела, опустив голову. Уши пламенели лепестками пионов, и, казалось, от них вот-вот вспыхнут ее красивые волосы. Побледневшая Галя мяла концы пионерского галстука. Шамиль окаменело смотрел на Тамару и ждал, как она поступит с букетом, который держал в руках Андрей.

– Тамара, встаньте, дайте я хоть взгляну на вас, – нарушила вязкую тишину Ия Соломоновна.

Тамара вышла из-за парты, одернула платье, испепеляюще взглянула на Смолина и почти вырвала из его рук сказочно красивый, благоухающий весенним солнцем букет. Подошла к столу, презрительно измерила по-детски чистыми глазами упитанную, самодовольную женщину и, волнуясь, сказала: – Прасковья Филипповна, эти цветы Смолин обязан был преподнести вам... – Положила букет на стол и выбежала из класса.

Вздых облегчения легким шелестом прошел по классу.

– Странная девочка, – картавя сильнее обычного, пожалла плечами Смолина. – А еще говорят, она москвичка!

– Чего стоишь, цветовод? – процедила сквозь зубы Галя. – Иди за свою парту.

Тягостную обстановку разрядила учительница. Она поблагодарила Ию Соломонову за цветы, вспомнила людей, выросших в Тайшете зимой такое чудо.

– А теперь, дети, продолжим урок. И так уж много времени потеряли.

Это значило, что Смолина должна покинуть класс...

Весна 1942 года напористо вступала в свои права. Слепленный днем яркими лучами солнца снег к вечеру становился синюшно-пористым, хрустко оседал, вздыхая, как старый недужный человек.

Склоны горы Грибановки, что неподалеку от шпалозавода, скинули снег и украсились ранними подснежниками, издали похожими на только что вылупившихся цыплят. Шамиль от Гали узнал, что 13 апреля – через день – Тамаре исполняется 15 лет. Парнишка ломал голову, что же подарить соседке на день рождения?! Ведь он никогда никому, тем более девочке, ничего не дарил на день рождения. Он даже никакого понятия не имел об этом. Одно дело, оказывается, всем классом на праздники дарить девочкам подарки. И почти неразрешимая задача – что-то подарить девочке в день рождения. И какой девочке! При одной мысли о ней Шамилю становится так легко и хорошо на душе, что он готов совершить самые смелые, добрые поступки, лишь бы об этом знала его серьезная соседка. День рождения той девочки, с которой он, взявшись за руки, идет в школу и боится потаенно, что это счастье может вдруг кончиться, и тогда что же он будет делать? Шамиль уже уверенно и точно знает, что никакая другая девочка никогда так понравится ему не сможет, как его соседка...

Когда остался день до волнующей даты, а он так ничего и не надумал, Шамиль, смущаясь, стыдясь неизвестно чего, перешагнул невидимую стену целомудрия и светлой духовности, данную человеку Всевышним, за советом-помощью обратился к матери. Долго и бессвязно рассказывая о девочке, эвакуированной из Москвы, о том, как она хорошо учится, не воображая, как некоторые, Шамиль наконец промолвил, что послезавтра Тамаре исполняется пятнадцать лет...

Тетушка Шамшура очень серьезно выслушала сына и сказала:

– Она хорошая девочка. Видно, из хорошей семьи. Я так понимаю, сынок, ты хочешь ей подарок сделать?

– Ага, – опустив глаза, краснея, ответил Шамиль.

– У русских это принято... И ты сделай, чтоб ей было приятно. Если б не война, можно бы баурсак сделать, на чай пригласить, какую-нибудь вещь подарить... – Мать сделала вид, что не замечает смущения сына, хотя в душе радехонька была, что Шамиль совестливый.

– Цветы можно? – вспомнил, какие букеты принесли в класс Смолины на 8-е марта.

– Городские, они любят цветы, сынок. Но где их сейчас найдешь?

– Подснежники, наверно, уже появились?

– Хорошо бы... Большой ты у меня стал, – вздохнув своим мыслям, поцеловала сына в лоб старая башкирка.

13 апреля после школы, бросив сумку на топчан, Шамиль бегом выскочил на ули-

цу. Повизгивая и норовя лизнуть в лицо хозяина, за ним увязалась рыжая Дамка. Парнишка доставил лайке удовольствие – разрешил поцеловать себя. Дамка подпрыгнула, словно полотенцем обтерла парнишку горячим языком и довольная побежала впереди, кренделем задрав хвост.

Подножье Грибановки местами успело покрыться заплатками прошлогодней травы, из-под которой цыплячьими выводками желтели подснежники с детскую ладонь. От вида первых цветов у Шамиля учащенно забилось сердце. Впервые в жизни он специально пришел в тайгу за цветами, чтобы нарвать их девочке, которая нравится ему до умопомрачения, и стоит вспомнить о ней, как ему сразу становится радостно и легко на сердце. Если бы у него были крылья, он парил бы над землей, а потом рассказывал бы девочке, какая Земля красивая!

Пока Дамка мышковала неподалеку, Шамиль быстро нарвал большой букет подснежников. Его лицо сияло, когда он находил как следует распустившийся цветок.

По пути домой парнишка боялся встретить кого-либо из ребят. Засмеют, если узнают, что он ходил в тайгу, чтобы собрать москвичке букет...

– Куда ж ты столько цветов нарвал? – строго спросила мать. – Вот скажи, когда сахар вкуснее, когда его мало или много? – Коричневые глаза тетушки Шамшуры лукаво-весело пытали сына.

– Кто ж, мама, этого не знает! – посмотрел на мать Шамиль. – Конечно, мама, сахар сладок, когда его мало. А то ты не знаешь.

– Верно, утеночек мой, – так же иронично продолжала тетушка Шамшура. – Вот и цветы в охалке теряют свою красоту. Оставь дома вялые, мятые цветы. Сначала поздравь девочку с днем рождения, пожелай здоровья, хорошей учебы, счастья... А потом...

Сын не дослушал, радостно крикнул: – Знаю-знаю! – С букетом выбежал за ворота. Дамка опять увязалась за хозяином.

Шамиль пересек улицу, быстренько посмотрев по сторонам, нет ли знакомых, и не особенно решительно подошел к дому Коноваловых. Трижды по-разбойничьи свистнул и опять настороженно завертел головой. В поддержку хозяина собака тоже трижды гавкнула. Вскоре появилась Тамара в наброшенном на плечики пуховом платке. Такой красивой и даже повзрослевшей Шамиль видел ее впервые. Он хотел сказать, какая она красивая, но испугался. Думал, так говорить позволяют себе только взрослые.

– Что случилось? – озорно спросила девочка.

– Ничего, – пряча за спину цветы, небрежно сказал он.

– Какой-то ты, Шамиль, сегодня странный, – поглаживая собаку, произнесла Тамара, а у самой глаза-черемушки сверкали веселостью, точно она догадывалась, зачем и с чем пришел парнишка. От этого Шамилю становилось до жути неловко, и он чувствовал себя так же скованно, как в первый раз, когда учил москвичку закрывать калитку.

– Знаешь, Тамара... Я пришел поздравить тебя с днем рождения... – одним духом выпалил парнишка и запнулся. Рука с букетом буквально окаменела за спиной.

– Спасибо. Но как ты узнал? – улыбалась девочка, не скрывая радости.

– Галька сказала. Вот цветы... – наконец с огромным усилием Шамиль вытащил из-за спины руку. – Учись хорошо... Мама здоровья желает, счастья, – как в бреду лепетал мальчишка. И тут Дамка изловчилась и лизнула девочку в лицо. Тамара ойкнула от неожиданности и погладила собаку.

– Как тебе не стыдно? – приструнил Дамку Шамиль, боясь, что соседка напугается.

– Она хорошая, некусачая, – погладила лайку Тамара. – Как ты угадал, что я цветы люблю? – Глаза девочки сияли радостью. Он чуть не сказал: «Тамара, а ты, оказывается, красивая...». Но подумал и перепугался до озноба, как бы девочка не догадалась о его мыслях.

Тамара улыбчиво глядела на Шамиля. Девочка инстинктивно чувствовала тяготение своей души к таежно-чистому парнишке, который сейчас почему-то казался ей младше нее, а она знала что-то такое, совершавшееся между ними, о чем он даже не догадывался. Девочке вдруг захотелось провести ладонью по его ершистой голове и сказать что-нибудь ласковое, нежное... Но что? С языка вот-вот готовы были сорваться внезапно появившиеся слова: «Я люблю тебя! Ты хороший...», от которых становилось страшно и стыдно...

– Шамиль, я ведь очень люблю цветы! – поглаживая пальчиками ворсистые лепестки подснежников, неожиданно сказала девочка. – Они пахнут первым снегом... Папа всегда дарил мне цветы на день рождения.

– Они красивше были? – ревниво-смущенно спросил парнишка.

– Что ты! – отмахнулась девочка. – Не поверишь, но лучше этих цветов мне никогда не дарили. Честное пионерское... – И Тамара, оглянувшись по сторонам, неожиданно поцеловала Шамиля то ли в щеку, то ли в уголок губы. Увидела широко раскрытые в изумлении зеленоватые глаза и помчалась домой. За ней припустила лайка.

Шамиль смотрел вслед девочке, не в силах осмыслить, что же между ними сейчас произошло. Возвышенно-ослепительное состояние мятущегося в груди сердца, отчего мальчонка дрожал, как в лихорадке, радовало его и пугало. Очень уж легко и красиво было на душе. Ему казалось, что он видел сладкий сон наяву!

В спешке девочка долго не могла открыть калитку – мешала прыгающая на грудь развеселившаяся Дамка и сползающий с плеч платок. Наконец калитка подалась. Тамара обернулась, счастливо махнула букетом и юркнула во двор. Собака, повизгивая, просительно заскребла лапами по калитке...

Шамиль окликнул лайку и, тоже счастливо улыбаясь, поплелся домой. Он радовался, что улица пустынна и их чистые, как таежные росинки на хвоях кедра, чувства принадлежат только им двоим. Он не мог осмыслить величие и глубину происшедшего. Только спустя десятилетия он и она оценят судьбоносность скромного букета сибирских подснежников и будут благодарить судьбу за ее благосклонность и щедрость к ним.

Бурная радость, необъятно-пугающее счастье неожиданно свалилось в тот день на Шамиля. Он обостренно-живо воспринимал все, что творилось в тот день вокруг него. Он словно впервые услышал звонкое чирикание переживших студеную зиму воробьев, от радости драчливо купавшихся в первых снежных лужицах. Скрипучее верещание фасонистых сорок на заплотах казалось всамделишным разносчиком счастья и добра по дворам.

Коровы, мычавшие, как испорченные трубы духовых инструментов, умоляя хозяев выпустить их на пастбища, казались необыкновенно музыкальными предвестниками весны. Даже лайка вела себя необычно покладисто, точно чувствовала настроение хозяина.

Шамиль влетел во двор словно на крыльях.

– Вижу, понравились цветы, сынок, – заметила мать, пристально всматриваясь в лицо сына.

– А то! – И чуть не ляпнул, что соседская девочка поцеловала его то ли в щеку, то ли в губы. Да и важно ли – куда?!

– Ну и слава Аллаху! Хуш она и москвичка, однако славная. Видно, хорошей будет хозяйкой... – как-то отвлеченно сказала старая башкирка. – Она принесет счастье мужу...

Тетушка Шамшура оказалась провидицей.

Виктор РОДИН

уроженец Глазова,
прозаик,
живет в Англии

СЫРНОЕ СЧАСТЬЕ

Рассказ

У тебя прямо из кухни есть выход в сад, дверь одинарная, почти вся стеклянная, она просто дополняет широкое окно и делает кухню еще более светлой и уютной. В «плюс-минус три» такая «типично английская» дверь ненадолго сохраняет тепло этого небольшого двухэтажного домика, что ты снимаешь на окраине старинного городка, от которого поездом всего сорок минут до одного из вокзалов столицы королевства. Родом с побережья мелкого моря, ты всегда скучала по теплу на этом острове с прохладным летом и бесснежной зимой и все осенние вечера неизменно включала газовый котел центрального отопления, от которого батарея возле кухонного столика распалаялась почти мгновенно.

Мы пьем с тобой чай за этим столиком, и лишь пара десятков сантиметров отделяет твое левое плечо от нагретой батареи, а меня от твоей правой щеки с ниспадающей на нее прядью волос, перехваченных чуть повыше уха упругой заколкой. Ты достаешь из холодильника сыр и, нарезав ломтиками, кладешь их на пласти подсушенного в тостере хлеба, твоего любимого – серого (wholemeal) с добавками зернышек. Чашки с черничным вареньем уже поблескивают напротив, принимая на себя неяркий свет настольной лампы.

У тебя красивый изгиб бровей – мой взгляд останавливается на них поневоле. Как-то раз, пролистывая книжки в благотворительном магазине «Oxfam», я случайно обнаружил рассказ о том, как мужчина влюбился в девушку исключительно из-за ее бровей. И вот надо же – так трудно отвести взгляд от твоих, будто попадаешь в магнитно-силовые линии какого-то поля.

Пересчитав в уме гауссы в теслы (разница между этими единицами измерения магнитного поля – десять в четвертой степени), нахожу слабинку в этом поле и выпутываюсь на относительную свободу. Отвлекаюсь на сыр. Какой-то необыкновенный вкус чего-то уэльско-шотландского. Не могу оценить степень зрелости (mild или mature?).

– Это чеддер с «Домашней фермы»?

– Не узнаешь?

Что же это может быть... Кусок без хлеба, гренек с сырным расплавом, еще расплав – ох как вкусно...

– Может, корнуэльский?

– Ну разве похож?

Еще ломтик. Пожалуй, без хлеба острее – как будто тает на языке. А, может, снова с гренком повторить для ясности?..

– Возможно, ярисберг или леердаммер. Ну, уж никак не гауда...

– Гауду я бы не предложила. Не люблю его.

Непонятно... Неужели притягивает именно своей «непонятностью» или все-таки легкой кислинкой и терпким вкусом? Что же это такое?

– Немножко похож на камамбер, только зрелость совсем другая.

– Нет, не то.

Я еще поводил языком по прилипшим на нёбе крошкам – как же вкусно... Отвожу взгляд от «магнитных» бровей – твои глаза озорно искрятся.

– Можно еще ломтик с гренком?

– Ну конечно. Намажь – и чернички сверху... И ты знаешь, ну... будь как дома... – Почему-то глаза отвела...

Я ел кусок за куском, не справляясь с сырной загадкой. Едва заметный, совсем не отвлекающий вкус творога... И вологодского масла тоже. Что же это...а-а-а...

– Может, сама приготовила? Это твой домашний сыр?

– Да. Знаешь, много творога хорошего оставалось, молоко, масло и закваска были тоже... Ну я и решила... Долго все это... Но все по технологии – рецепт я знала...

Беру еще ломтик и пробую, как в самый первый раз. Чувствую ли теперь исходный творог? Видимо, да. Кусок тает на языке как масло... Сморщился – язык прикусил...

– Что-то не так? Что-то изменилось?

Пожалуй, нет. Ничего не изменилось – все тот же сыр. Просто сравниваю, думаю, размышляю. Прикушенный язык чувствует все тот же вкус. Творог ем, но любви к нему не испытываю. А вот этот сыр из него... Как-то все эти загадки (что это? из чего это? почему так вкусно?) достали меня всерьез. И я растерялся...

А ты не понимала, что со мной происходит,

не знала, что твой сыр меня изнутри пробрал, и я, что называется, «поплыл».

Я встал и подошел к любимой девушке. Мой взгляд снова «прилип» к бровям и ресницам. Почему-то вспомнились горы – Домбай, Алибек... Хотелось взять девушку на руки и идти с ней наверх, на снежную вершину Сулохат. Эта гора по форме напоминает лежащую женщину с распущенными волосами и носит это имя в честь девушки, легенду о которой всегда вспоминали при траверсе этой горы. Или еще выше – туда, где на «сырных» облаках уже почти не встречаются не затвердевшие на ранних стадиях сырной технологии «творожные» крупинки...

Я осторожно вышел из ванной и снова оказался в твоей спальне, которую оставил несколько минут назад. А ты свернулась клубочком под одеялом и создавала видимость, что спишь. Мне казалось, что ты сейчас вскочишь, и, кутаясь в почти ничего не прикрывавшее полотенце, быстро скроешься в ванной.

Джинсы с трудом налезли на еще слегка влажные ноги. Я не заметил, как «клубочек» под одеялом преобразился – ты внимательно и ласково наблюдала за мной.

– Ты уже уходишь? – спросила ты негромко, почти шепотом.

– Да, – я почему-то незаметно тоже перешел на шепот.

Подошел к кровати и нагнулся к уже развернувшемуся «клубочку». От приоткрытого плеча пахло сыром, тем самым, происхождение которого я не мог разгадать...

Взгляд на лицо: глаза, губы, ниже и... Запутываясь снова в магнитно-силовых линиях бровей, я был готов опять прильнуть к «сырному клубочку». Ты догадалась и, улыбнувшись, выдохнула: – Тебе уже пора... В аэропорт поедешь на такси? Или сначала на поезде?

Вот так ты перевела меня в рабочее русло, и я вынужденно взглянул на часы. Поднявшись

над этим ласковым «комочком», я заметался по комнате. Сырный запах не отпускал меня. С неммым вопросом я повернулся к тебе – ты уже облокотилась на подушку и с искринками в глазах наблюдала за моей суетой. Вопрос так и застрял внутри меня, но ты догадалась, как бы заполняя пропуски и многоточия:

– Может еще кусочек? На дорожку?

Так славно, что ты поняла все без слов. Может, мы уже можем не говорить, а просто посылать свои мысли друг другу?..

– Там я тебе завернула – на кухне. Возьми – может, захочется сыра в дороге...

Я вскочил, а ты опять свернулась в клубочек. Только щеки и нос торчали из-под одеяла, а глаза излучали доверчивость и теплоту...

Уже отворив дверь и не видя просвет спальни из полумрака прихожей, я взмахнул рукой в сторону уходящей наверх лестницы, по которой совсем недавно отмерял полтора десятка ступенек к сырному счастью.

Когда-то я даже не знал твоего имени, просто предполагал, что ты есть – может, совсем не близко, а где-то там – на песчаном берегу мелкого моря. И не представлял, что ты такая хорошая. А когда узнал – что же понял тогда? Вообще – изменилось ли что-то после этого? Пока поеду к себе, но буду думать о тебе... Что ел и что делал, запутавшись в твоих «силовых линиях»... Что и как изменилось после поездки на твой остров... Без тебя уже как-то не так, да просто – плохо... Приеду снова к тебе – что появится, вспомнится, изменится? Не будет неразгаданной сырной загадки... Но – буду с тобой... И будет вкус лучшего сыра... Я уже не могу без него и... без тебя...

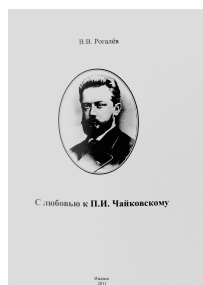
P.S. По данным британских исследователей, потребление некоторых видов сыров приводит к причудливым сновидениям. Сырное влияние остается до сих пор не полностью изученным.

НОВАЯ КНИГА

Василий Rogalёв. С любовью к Чайковскому. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2011.

Ижевский краевед и журналист Василий Rogalёв в течение полувека собирал материалы, посвященные жизни и творчеству Петра Ильича Чайковского. Сборник «С любовью к Чайковскому» явился итогом его большой и плодотворной поисковой работы. Надеемся, эта небольшая книжечка сослужит хорошую службу работникам мемориальных центров в Алапаевске, Воткинске, Клину, связанных с именем великого композитора, и всем тем, кому дорого имя и творчество Петра Ильича.

РЕЦЕНЗИИ

Наталья СУРНИНА

педагог,
ветеран труда России

ВНИМАНИЕ К СЛОВУ ЗВУЧАЩЕМУ

К выходу сборника Николая Дмитрошкина «Солнечный ветер»

Вышел в свет первый поэтический сборник Николая Дмитрошкина «Солнечный ветер».

Николай Юрьевич – человек яркий, праздничный, веселый, свои стихи читает мастерски, талантливо, эмоционально, сопровождая чтение жестами широкими, всеохватными, размашистыми, голосом поставленным, красивым, звучным. Слушатели улыбаются, радуются, аплодируют. Так и хочется поставить знак равенства между личностью поэта и его стихами.

Быть может, такова и Муза поэта – жизнерадостная, веселая, яркая, полная любви и оптимизма, и диктует она поэту в минуты «вдохновенного досуга» звонкие рифмы. Поговорим о них.

Поэт чаще всего из всего строфического разнообразия использует четверостишия, из возможных способов рифмовки катрена – перекрестную (абаб): *длинна – она, морозная – звездная, хоровод – зовет, шальную – иную, косы – россы, чудо – откуда*. Такой способ рифмовки позволяет удерживать внимание читателя: после первой строки созвучна будет рифма в третьей строке, а мысль возвращается к началу. Возможно, другие способы рифмовки четверостишия (кольцевая, смежная рифмы) автора не привлекают.

В плане строфики есть несколько стихов, имеющих разбивку на строфы («Вряд ли стоит мне в том усомниться...», «Имя покрыто славой...», «Осенняя рапсодия», «Да, и ты на нее похожа...», «Мои повадки» и другие). В стихах разное количество строк – от двадцати трех до четверостиший и двустиший, но чаще всего встречается использование шестнадцати строк. Быть может, такой объем стихотворения наиболее соответствует авторскому дыханию, передаче пережитого эмоционального состояния, осознается им как адекватный для лирического произведения.

К числу смелых, новых в русском стихосложении можно отнести контурную рифму: *ветер – проветрит*. Обогащение русского словаря рифм – дело непростое и славное.

Николай Дмитрошкин предпочитает неточ-

ные рифмы, из их числа чаще всего – неравносложные: *раскаты – в 45-м, души – ландыши, больше нет – силуэт, неблизким – диски, пену – неизменной, трамвая – не зная, в руке – в черепке, бане – желаний*. Многие из этих рифм – свежие, новые. Пусть не все из них удачны, но нам представляется очень важным отсутствие избитых, банальных рифм, стремление искать адекватное эмоциональному состоянию звуковое выражение стиха.

Развивая это наблюдение над стихами Дмитрошкина, хочется особое внимание привлечь к ассонансам – повторению гласных звуков и аллитерациям – повторению согласных звуков: *горячие – клячам, потомкам – громко, нимб – без них, взгляда – рада, пел – в толпе, олимпе – выпьем, цель – в конце*. Поэту с таким поэтическим слухом следовало их доработать. К числу удачных я отношу *косы – россы*.

В целом усеченные рифмы вызывают большой интерес своей новизной, яркостью, морфологической смелостью. Глагол рифмуется со словами других частей речи. Это не чисто глагольная рифма, которая так всегда критиковалась в исследованиях по поэтике: *хоровод – зовет, поддает – у нас, Алексеич – не сеешь, народ – продает, поднимало – жало*.

Иногда автор оказывается в плену звуковых соответствий, звонкие рифмы словно в хороводе тянут одна другую, и не всегда это связано с содержанием стихотворения: *луч – круч – туч, поддаст – у нас, подчас – у нас, чудес – небес – лес*.

Подлинными находками можно, на мой взгляд, считать рифмы: *незаметен – отметин, в дневнике – на языке, Алексеич – не сеешь, слякоть – собака, трепет – в склепе, наружу – я нужен, ценной – неизменной, свежесть – реже*. Неудачными мне представляются: *прольется – проснется, в глазах – в сердцах, к цели – колени*.

Радует, когда поэт внимателен к слову, к звукам бесценной нашей русской речи, к ее выразительным звуковым возможностям.

Фаина БУШМАКИНА

русская поэтесса, прозаик,
член Союза писателей России,
член Российского
психологического общества

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПРОСТОГО ЧИТАТЕЛЯ О романе Льва Роднова «Инвалид» и не только

По речевому стилю прозу Льва Роднова можно отнести к легкой развлекательной литературе. Однако содержание оставляет весьма неоднозначное впечатление.

У его текстов очень специфическая природа, для своего понимания она требует от читателя существенных усилий, особого восприятия и глубокого проникновения в сжатый смысл, вложенный в почти афористические фразы. И тем не менее, он пишет языком вполне понятным.

Он выносит человеческие пороки на общественный суд, высмеивает уродливые проявления обыденной и привычной жизни. Все его произведения – это острая и безжалостная сатира на нашу жизнь. Это наш мир, только наизнанку. Однако смеяться некому, ибо все ушиблены этой самой «изнанкой». Обиженные – злорадствуют: «вот она – ваша правда», осмеянные – злобствуют: «нашелся тут праведник-обличитель». При всем при этом читателя не сотрясает сатирический смех, у него скорее остается ощущение жгучей горечи и полной безнадежности.

Литературные герои Льва Роднова – шуты, моральные уроды и дураки. Некоторые персонажи сохраняют какую-то степень обаяния, но нет ожидаемой героини борьбы, которая в описываемых событиях напрашивается как бы сама собой. Все персонажи – маски, в которых человек утратил себя. За маской кроется тягостная духовная пустота. Главные персонажи не противоречивы, они физически и нравственно уродливы, чудовищны, безобразны с точки зрения классической духовной этики. Диалоги действующих лиц несколько картинны и поверхностны, хотя нередко и остроумны. Герои Роднова

говорят афоризмами, демонстрируя философичность и интеллект автора. В диалогах нередко присутствует подчеркнуто фамильярная болтовня, обогащенная предложениями повествователя, предлагающего свой индивидуальный взгляд на мир.

В текстах преобладают пародийные диалоги, пародийные хроники, пародийные проповеди, дающие картину современного строя и жизни простого обывателя.

Описание некоторых событий позволяет обвинить автора в грубом физиологизме, натурализме и в том, что его проза резко отличается от главных эстетических направлений литературы. Но здесь можно поспорить, ибо, возможно, мы имеем дело с преднамеренным *снижением*, то есть переводом высоко-духовного и идеального в план низкий и материально-телесный. И в целом литературные пародии писателя носят снижающий характер, как и всякая пародия. Но стоит ли пенять на зеркало?.. Это только преломленное сознанием автора отображение существующего в реальности бытия больного общества.

Романы и повести Л. Роднова трудно отнести к какому-то конкретному литературному жанру. В его прозе мы находим причудливое сочетание гротеска и сатиры, реализма, мистики и даже фантастики. Скорее всего, это – сатирический гротеск, а для гротеска обычно характерна свобода фантазии.

Его произведения направлены против многих отрицательных явлений нашей жизни – разврата и жадности, насилия и лицемерной власти, жестокости, мздоимства и торжества грубой силы – против «мира наизнанку». Частные и общественные пороки заполонили описываемый автором мир. При

этом самые незащитные персонажи из низких слоев общества оказываются наименее заражены гнилостными процессами, но не потому, что праведны, а потому, что, будучи никому не нужны, не вовлечены в процесс и к тому же запуганы. Речь идет не о страхе смерти, а о страхе жизни обывателя в сообществе одиноких и загнанных в угол людей. И эта тягостная атмосфера бытия оставляет читателя наедине с самыми мрачными ощущениями.

Иногда кажется, что подобная проза рождается от избытка эмоциональных впечатлений автора и находит выход в форме дурачества мудреца, поскольку проза Л. Роднова – это еще и энциклопедия авторской культуры: смеси учености и фарса. В произведениях мало собственных имен, названий местности, но герои и место их обитания совершенно реальны и даже узнаваемы. Литературная насмешка прозаика носит шутовской и порой очень едкий характер, а система намеков на определенные события и на определенных лиц неизбежно порождает большую группу читателей, которые, мягко говоря, не принимают ни такую неудобную прозу, ни самого автора. Тексты насыщены аллегорическими элементами и одновременно стремлением к документализму. За каждым изображенным персонажем и событием стоит определенное лицо и определенное событие городской жизни. Под вымышленными именами он воспроизводит вполне реальных людей, реальные факты и события и выставляет их на посмешище. При этом явственно проступает не только историчность, но и личное отношение автора к персонажам и событиям. И вся проза носит явный оппозиционный характер.

Несмотря на гротескность, произведения Л. Роднова – сборник точных и неожиданных афоризмов. И он с видимым наслаждением расточает свою широкую эрудицию и голую, прямолинейную сатиру. Великим писателям В. Шекспиру и Ф. Достоевскому тоже не чужды резкие преувеличения, чрезмерная трагичность и чудовищные действия героев. Но при этом у них как бы в противовес всему тягостному всегда присутствует нечто светлое и радостное, что оставляет у читателя ощущение гармонии мира. И внутренний душевный мир их героев бесконечно сложен и противоречив, что закономерно отражает и раскрывает внутренний мир самих писателей.

Для описываемого Л. Родновым мира характерен только мрак, светлые же стороны жизни словно ускользнули от внимания автора. Весь мир им превращен во что-то

чуждое, неоправданно безрадостное и безобразное, где теряется почва под ногами и нет ничего устойчивого. Он не освобождает мир от всего страшного и пугающего, не делает его менее ужасающим, а еще больше устрашает читателя, для которого мир окончательно превращается во враждебную реальность, где слабому и имеющему совесть человеку невозможно выжить.

Его уничижительная, а порой просто мстительная сатира направлена не на отдельные отрицательные явления реальности, а в целом на всю действительность, на весь мир, на все общество: «Вся наша жизнь нацелена на одно – пополнять информацией нового качества центральный сервер мира, который люди именуют Богом. А после смерти с этого сервера можно будет подробно брать «себя самого» – все, что ты успел туда «загрузить» общим файлом за время своей «местной жизни». В земных иллюзиях можно, конечно, брать и чужое, можно легко врать и говорить, что это правда. А в реальности чужое не возьмешь. Что ты сам – только то и твое. Интерес чисто шкурный – стремиться к внутреннему своему, так сказать, богатству и соблюдать заповеди, например. Скучновато, но это так...».

Не раскрывается внутренняя безграничность и многогранность любой человеческой души, даже преступной, не дается картина ее противоречивой и многозначной внутренней сущности: «Складывалось впечатление, что этот мир принадлежал бандитам безраздельно. Любой человек был для них букашкой на ладони, которая с одинаковым успехом годилась и для того, чтобы ею любоваться, и для того, чтобы с удовольствием прихлопнуть... В темноте своей безнадежности я без труда «читал» подлое устройство адвоката. Тварюга-мутант, он из всего извлекал выгоду: из высшего образования и сговора с подонками, из гарантированной своей шакальей безответственности и строгого послушания, из показного сочувствия, способного переходить в тайную жестокость... В искривленном, двойном мире мутировало все: мораль, поведение, ценности, душа. Двуличие и двоедушие слились в мутантах. Любая стихия теперь была им ничем!».

Автор не проповедует высшие цели человеческого существования и не предлагает никакой альтернативы такому способу существования, не устремляет читателя к светлому и высокому. И эта мрачная картина отравляет сознание читателя, обессиливает его, оставляя только тягостные впечатления: «Днем меня кормили сердобольные нищие. Покупными пирожками, иногда фруктами из отходов. Через какое-то время я влился

в их «профсоюз», потому что оказался успешен в труде и неконфликтен в избранном обществе. Иногда приносилась запыхавшаяся мамаша, тоже кормила. Запросто могла выгрести всю выручку за полдня работы. В такие дни нищие меня назидательно били, но без того, чтобы на следующий день требовать с провинившегося свою «упущенную прибыль». Каждый новый день начинался в их мире как начало сотворения и заканчивался так же – как закат всей жизни...».

В описаниях некоторых картин действительности Л. Роднов весьма циничен, и эта циничность воспринимается читателем как грубые и неизбежные реалии жизни: «Чего стоил ветеран какой-то там войны, у которого вообще не было ни рук, ни ног! Он требовал, чтобы на прогулку его выносили в парадном кителе и при всех наградных регалиях. Представляете? Сидит в коляске снятый с вешалки китель с орденами и медалями, пустые рукава заправлены в карманы. А сверху из кителя торчит голова старикашки и всех кроет матом. Иногда почетный обрубок эпохи умудрялся вываливаться из инвалидного кресла на траву, но обычно его никто не торопился поднимать – обрубок отчаянно плевался и кусался».

В прозе Л. Роднова часто изображены материально-телесные начала: повторяющиеся образы тела, еды, питья, испражнений, половой жизни, ругательства и прочие узко-бытовые гиперболизированные картинки. Они, впрочем, легко вписываются в его систему образов и являются отражением реального разложения общества, катастрофического снижения его нравственных основ.

Перечисление частей тела и его функций, прилюдное обнажение фалла, сцены избиения и площадная брань носят скорее символический характер. Описание публичного акта совокупления только подтверждает низменность и преобладающее животное начало персонажей. И обливание мочой, и осыпание ругательствами – это прием психологического снижения сущности действующих лиц, своего рода психологическое «закапывание» того мира, который не принимается автором.

В целом роман отражает множественность ликов «социального дарвинизма» прогнившего общества – гибель слабого, поиск козла отпущения озлобленного несправедливостями человека, доведенного до животного состояния: «Реально действующий жизненный детектив не был почему-то похож на традиционный книжный, где хорошие люди ловят, как и положено, убийцу и, в конце концов, раскрывают его козни – добро и справедливость неизменно побеждают.

Добро в нормальном мире, я до сих пор полагал, тотально. Наивный! Криминальная и прочая круговерть, в которой я случайно оказался, была совсем иной: убийцы, мздоимцы, вруны и прочие двуногие тати, казалось, под руководством самого государства ловят и ловят хороших людей. Детектив наоборот! В котором хорошему человеку можно, наверное, уцелеть, но нельзя победить. Можно лишь спрятаться, притвориться трупом, раствориться в земле или воздухе, исчезнуть из реальности, надеть на себя маскировочные одежды, которые, черт побери, начинают прирастать к телу, к душе... Хороший человек обязательно будет наказан перевернутым миром...».

И это протест против неограниченной власти сильного над слабым, против звериных законов и человеческой ненасытности. Даже человеческая смерть лишена трагического и страшного оттенка, она обыденна, как в мире животных.

Однако автор все же пытается восстановить справедливость и в конце повествования убивает своего самого агрессивного и низменного персонажа – «санитара».

Обычно фарсовое изображение действующих лиц располагает к веселому или злорадному смеху. Однако при чтении прозы Л. Роднова читатель заражается только чувством бессилия и страха перед беспросветностью жизни, бесполезностью борьбы за жизнь и за справедливость.

Сочетание в одном лице серьезного писателя-эрудита и циничного карикатуриста, прибегающего к площадной речи, воспринимается неоднозначно. Мы находим у автора и сверхъестественную живость мысли, и трезвость оценок, и презрение к бытовой суете, и высокую творческую продуктивность. Он имеет собственную неофициальную точку зрения на мир. И его правда узнаваема, но при всем правдивом и реалистичном изображении действительности она настолько однобока, что его гротескный реализм представляет жизнь чем-то безысходно уродливым и безнадежным. Все эти жесткие и жестокие реалии уже засели у читателей «в печенках» и помимо литературной «чернухи». Гротеск здесь выдает стремление писателя видеть только уродливые проявления жизни, смотреть на жизнь через очень темное стекло и не видеть светлых сторон мира.

Не зная зрелого возраста автора, можно подумать, что повесть написал молодой, порывистый, эмоциональный начинающий писатель, у которого еще не сформировалось устойчивое мировоззрение.

Как бы ни была уродлива описанная действительность, – это только преходящий лик

общества, временная, хотя и отравляющая сознание правда жизни. А где же побеждающая и влекущая к себе истина, которая призвала бы читателя к поиску и действию?.. Поэтому произведения Л. Роднова могут представляться неискушенному читателю правдивыми, однако не могут претендовать на долговременную жизнь. Поскольку эта правда преходяща и не имеет вневременного значения, так как не содержит в себе общечеловеческих истин, которые значимы в любые времена, и не несет примирения душе читателя. Хочется найти выход, но выхода нет, автор не позаботился об этом.

В конце романа у читателя появляется слабая надежда, что подготовлена почва для рождения чего-то нового и жизнестойкого. Однако представитель нового поколения, сын инвалида, оказывается просто очень умным приспособленцем, не смеющим бороться со страшным миром, но хорошо умеющим извлечь из всего свою выгоду.

Эта литература не из тех, что утешает и советует, как устроить свою жизнь, а из тех, что ввергает в полную безысходность. Это чтение не очищает, не смешит, а усугубляет черноту, скопившуюся в обществе. И здесь повода для смеха, как это бывает в истинной сатире, очень мало.

Склонность к мрачной сатире не говорит о том, что у автора преобладает некое внутреннее трагическое мировоззрение. Это не возмущение против порока, не вопль негодования против зла в социальной и культурной жизни. Его сатира – это скорее выплескивание личного раздражения на этот мир, который в чем-то не соответствует представлениям и ожиданиям самого сатирика. Но это можно принять как начальную ступень литературной карьеры талантливого прозаика.

Творчество Л. Роднова богато различными новыми словообразованиями. Нередко его новые слова и словосочетания несут в себе неожиданное и точное обозначение какого-то явления, предмета или характера. Имена и прозвища персонажей редко бывают нейтральными. Они у Л. Роднова содержат в себе дополнительную информацию о характере, месте, сущности действующего лица. И в то же время несут в себе отпечаток авторской оценки.

Но нередко в текстах Л. Роднова обнаруживается и простое жонглирование словами и понятиями, не несущее ни литературного, ни познавательного содержания, а только желание удивить и ошеломить читателя новым, необычным сочетанием слов.

Творчество Льва Роднова привлекает остроумием, точностью изображения состояния современного социума с характерной и очень всем знакомой системой взаимоотношений внутри него. Прозу его можно вписать в перечень литературы бытового реализма, которая не требует высокой идейности и художественности. Сам автор избегает каких-либо выводов и обобщений, предоставляя сделать это читателю.

Однако ясное духовное зрение еще не достигло автора. Хотя, может быть, и близко. Но если из всего многословия вышелушить зерно истинной и талантливой сатиры, то читатель, наконец, разразится очистительным смехом и увидит выход на более высокий уровень и жизни, и культуры.

Лев Роднов – одинокий и странный писатель. Его талант трудно ищет способа осуществиться. Но по сравнению с одной из первых его повестей («Мурлот») роман «Инвалид» написан несравнимо лучше.

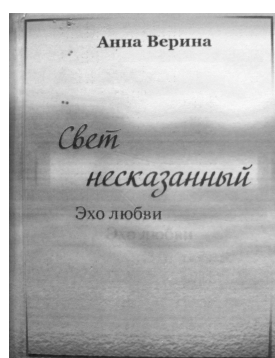
Все его шедевры еще впереди?..

НОВАЯ КНИГА

Анна Верина. Свет несказанный. Эхо любви. Стихи. Ижевск: Анигма, 2011.

Вышел в свет третий за последние два года сборник стихов Анны Веринной. «Свет несказанный» и «Эхо любви» – два названия одной книги, наполненной стихотворениями одной темы, и тема эта – любовь. В предисловии к книге поэтессой сказано: «Любовь неведомым образом приподнимает человека над серой будничностью, дарит душе крылья. И окрыленная душа становится чистой и светлой, и в ней звучит невыразимая и неслышимая для других музыка». Если мы чего-то и взыскуем в лирической поэзии, то это что-то – откровенный рассказ о себе, своих чувствах и мыслях, бедах, ошибках, неудачах и редких минутах полного счастья. В этом смысле книга состоялась, став «музыкой, слышимой для других». Спасибо!

ПОЭЗИЯ

Олег ХЛЕБНИКОВ

русский поэт,
уроженец Ижевска,
живет в Москве,
работает заместителем главного
редактора «Новой газеты»

Исполнилось 55 лет со дня рождения поэта Олега Хлебникова. Редакция журнала «Италмас» поздравляет юбиляра и публикует подборку его новых стихотворений.

«Я И САМ ТАКОЙ ЖЕ...»

* * *

Люди – это те, кого не трогать лучше,
чтобы не было потом больно, –
как толпу юнцов на всякий случай
обойти, ускорив шаг невольно.
Не привязываться к тем, кто старше, –
заповедь не только для подростков.
К женщинам и приближаться страшно
с верною любовью. Это роскошь,
как сказал Экзюпери, общенья –
слишком дорого платить придется.
...Я у всех у вас прошу прощенья,
с кем от близости не уберегся.

* * *

Был в молодости высокий,
а нынче – среднего роста.
Не то чтоб усохли соки –
все удивительно просто:
поспевшие выросли выше,
краше, наглей, длиннее...
Ах, превосходство ваше
мне снизу вверх виднее:
и длинные ваши ноги,
и ваши короткие юбки,
и подбородок строгий...
Не то что у Людки-Любки –
недолгих моих ровесниц,
приземистых, приземленных
грядущей осени вестниц
в лесу молодых, зеленых.
И все ж не таких, как эти,
выросшие, чтоб заметней
быть для судьбы победной, –
бедные наши дети!

* * *

Вещи, как люди, вдруг пропадают куда-то,
и непонятно, куда же могли они деться.
Вот не осталось уже ни вещишки из детства,
которое было сокровищами богато.

Запропались ножички, вечные перья,
даже подаренные бабушками иконки...
Жалко ужасно! Как беден, растерян
теперь я –
прямо как бывший Союз без своей
«оборонки».

Был я богатым людьми, но они исчезают –
даже внезапней и безвозвратней, чем вещи.
Кто всех дороже – заранее оповещают
кратким письмом или сном до отчаянья
вещим.

* * *

Откуда равнодушие это
к своей невосполнимой жизни
у мужичков в российских гетто –
смурных окраинах Отчизны:
в слободках, пригородах, спальных
районах (все – в гусиной коже
бетона)? Не берет тоска их,
хоть их ты и оставил, Боже!..
Да ладно, я и сам такой же.

* * *

Пищу приметы заката-восхода,
от земли не в силах глаза отвести, –
пейзажист утраченного народа.
Его уже нет. Я-то думал, есть.

* * *

Памяти отца Георгия Чистякова,
автора первой строчки этого стихотворения

«Мы – люди Страстной субботы».
Он – вот уже: снят с креста.
Воскреснет ли? Все заботы
об этом, вся маета
сердечная... Ангел, что ты
с известьем к нам не спешись?
Мы – люди Страстной субботы,
мы глушим себя: гашиш
иллюзий, нектар до рвоты...
А вы намекайте нам:
воскрес, мол, мы не сироты –
все беды напополам!
Мы, люди Страстной субботы,
чужим сострадать страстям
устали, вышло из моды
внимать неблагим вестям.
Мы знать не хотим о страшном.
Не смейте напоминать
о сгнувшем дне вчерашнем
и что Он придет опять!

* * *

Не зови меня в виртуальное
ваше пространство –
я и так окажусь там сразу же
после смерти.
Только вот что прекрасно, ужасно,
прекрасно, странно:
не отловят ее все всемирные ваши
сети.
Даже Брат По Разуму, много мне
возражавший,
даже Телка-70 – дива из Литсовета,
не поймете вы ничего –
лишь на тексты ваши
от Оха, как раньше, не будет опять
ответа.

А молчанье значит то ли во всем
согласье,
то ли полное, наглое вами
пренебреженье –
уж решайте сами. Только, пожалуйста,
лазьте
в эту сеть свою! Ибо жизнь –
это есть движенье.

И почти неважно, твое оно
или вдруг да
от других – к тебе. Вот бессмертье –
в руке синица...
В общем, как в поколенья случайно
нашел я друга,
и с потомком-юзером тоже смогу
зафрендиться.

* * *

Синяк в пижамке, бабы-слободжанки,
чеченец в трениках, желающий

Москве
дать прикурить, и бритый бык
в кожанке,
и школьницы, зачатые в тоске,
с тоскливо-косопалыми ногами,
смеющиеся громко ни о чем, –
все в электричке, где
пастернаками
не пахнет – только «орбит»
с чесночком, –
со мною ехали. И обожанье
я перевозмог легко. Но все равно
влез в шкуры их, но не
во избежанье
чего, а потому что мы – одно.
Мы – улей, муравейник, только хуже
организованы. Но смог я влезть –
и вдруг почувствовал:

темно снаружи,
а здесь тепло, отдохновенье здесь.
И парни гарные, и эти дуры
не задаются – в общем, все свои.
И даже этот свой, хотя, в натуре,
чечен. Но боги нас не зря свели
среди богооставленной земли.

* * *

Не пишется больше о красоте
природы,
хотя, как и прежде, прекрасна она
местами.
Наверно, такие настали
счастливые годы,
Когда мы с природой обязаны
слиться сами.

И если субъект едва отличим
от объекта,
попробуй его опиши, да еще –
с восторгом.
Ненужное «я» все сильнее похоже
на «некто»,
и кто этот некто, нет времени выяснить
толком.

Слиянье с природой надежней любого
другого –
уж тут каждой косточкой, клеточкой,
каждой кровинкой.
И нет на земле ничего тебе
не дорогого –
Любуйся любой изменяющейся
картинкой:
вот ветер подул, вот и солнце является
снова...
И кажется жизнь перед чем-то чудесным
заминкой.

Владимир ДЕВИСИЛОВ

кандидат технических наук,
работает в Московском государственном
техническом университете
им. Н.Э. Баумана,
лауреат Премии Президента России
в области образования

«МНЕ СЕГОДНЯ НЕМНОГО ГРУСТИТСЯ...»

Венский вальс

Венский вальс над волнами кружится,
Затихает заблудшая ночь,
Мне сегодня немного груститесь,
И я грусть не могу превозмочь.

Вспоминаю луга заливные,
И далекий есенинский лес,
И стога, где глаза голубые
На меня бы глядели с небес.

Босиком по песку бы промчатся,
Проскакать по лугам на коне
И в далекие дебри забраться,
Помечтать о тебе в тишине.

Но луга далеко заливные,
И рука не взнуздает коня,
А глаза, может, стали иные
И смотреть не хотят на меня...

Венский вальс над волнами кружится,
Затихает заблудшая ночь,
Мне сегодня немного груститесь,
И я грусть не могу превозмочь.

Незнакомка

Вечер, южное солнце ложится
В голубую морскую постель.
Что светилу сегодня приснится?
Ни к чему ему дня канитель.

Завтра тучи все небо покроют,
Теплый дождь застучит по воде,
В летнем парке кафе все закроют –
Негде будет тогда посидеть...

Незнакомка вчера оглянулась –
Так и встретились наши глаза:
Шла по парку и вдруг обернулась,
Только все же вернулась назад.

В ее взгляде я видел вопросы
И намеки – ведь все может стать.
Но мой взгляд затуманили грезы,
Перестал он по парку блуждать...

Вопросы на закате

Закат разгорается южным мотивом,
Расходятся люди, идут почивать.
А я все стою на причале разбитом
И глаз не могу от него оторвать.
Какие нас завтра настигнут приливы,
Какие отливы случатся опять
И буду ли завтра с тобой я счастливым?
Вопросы одни... Я не буду гадать.

Осень

На камень мостовых струится
С небес поток осенних слез,
И в вальсе желтый лист кружится,
Прощаясь с ветками берез.

Зима, зима... Она стремится
В законные права вступить:
Завьюжить, в поле закружиться,
Глаза людей припорошить.

Поникший парк так молчаливо
Дрожит в предвестье стуж и вьюг.
И на душе моей тоскливо
Без твоих добрых, теплых рук.

Наваждение

Средь пальм на южном побережье,
Среди акаций и кустов
Бродил я в полном безмятежье
И не был ни к чему готов.

Но по тропинке вдоль магнолий,
Где каждый шаг в песке тонул,
Как будто вызван божьей волей,
Твой образ наяву мелькнул.

Смотрел я, как замороженный,
Но все ж не мог навстречу встать,
И образ, как цветок сраженный,
Стал постепенно угасать.

Исчез, как исчезают лица...
Я долго напрягал глаза,
Но видел лишь росу на листьях,
Катившуюся, как слеза...

Багряный лист

Багряный лист ковром опять укроет
Пожухлых трав задумчивый покой,
Опять пурга в Матюшино завоет
И снегом занесет наш след с тобой.

Но ты, родная, все же не волнуйся,
И в сумраке декабрьских вечеров
Не плачь, не сожалея, не беспокойся –
Апрель веселый к нам вернется вновь.

Сначала буйной зацветет сиренью
В сплошном соку березовом весна,
И я тебя под молодою сенью
Найду и обниму в ночи без сна.

Букет простой черемухи душистой
Я брошу к дорогим твоим ногам,
Твоей чудесной прядью золотистой
Укроюсь и прильну к родным губам...

Букетик мимозы

Букетик мимозы, букетик влюбленных
Хотела старушка на рынке продать:
«Букетик мимозы, букетик влюбленных
Возьмите, могу я дешевле отдать».

Букетик мимозы, букетик влюбленных
Хотел у нее я, конечно, купить.
Букетик мимозы, букетик влюбленных:
Кому мне, не знаю, его подарить.

Букетик мимозы, букетик влюбленных
Я все же купил у старушки седой.

Букетик мимозы, букетик влюбленных
Я нес, согревая своею рукой.

Букетик мимозы, букетик влюбленных
Я девушке, мимо идущей, отдал,
Букетик мимозы, букетик влюбленных
В руках у нее оживал, расцветал.

«Букетик мимозы, букетик влюбленных –
Спасибо, не знаю, что мне вам сказать».
«Букетик мимозы, букетик влюбленных
Хотелось мне просто кому-то отдать».

«Букетик мимозы, букетик влюбленных
Чудесный», – сказала, смущаясь, она.
Букетик мимозы, букетик влюбленных...
Стою не один я теперь, изумленный,
И девушка тоже теперь не одна.

Падает снег

Кружится, кружится, кружится
Снег над замерзшей землей.
Помнится, помнится, помнится
Близкий твой взгляд и родной.

Мне и сегодня не верится:
Все, что случилось, – прошло.
Мне и сегодня так хочется
Это вернуть волшебство.

Кружится, кружится, кружится
Снег над замерзшей землей.
Верится, верится, верится:
Скоро увижусь с тобой.

Хочется, хочется, хочется
Греться в объятьях твоих,
Слышится, слышится, слышится
Звук мне речей дорогих.

* * *

Благодарю тебя за верность,
За ласку твоих теплых рук,
За глаз твоих любимых нежность,
За радость встреч, печаль разлук.

За то, что в сумраке безбрежном
Ты, как маяк, горишь во мгле,
За то, что в мире безутешном
Даешь испить душе моей.

И что бы ни было в дороге –
Рассветы, радуга, туман,
Гони, Господь, ее тревоги,
Пусть ей не встретится обман...

Валерий ИГНАТИК

поэт, прозаик, журналист,
живет и работает в Ижевске

«БОГ И ТАК СДЕЛАЛ СТОЛЬКО ВСЕГО ДЛЯ МЕНЯ...»

* * *

На своих песнях соловьи
в лесах березовых повешены.
Исправь скорей в стихах своих
все окончанья безутешные.

Перепиши черновики
китайской тушью бледно-розовой,
умой свои чистовики
дождями летними и грозами.

Опомнись, вспомни те часы,
когда клевали птицы вещи
с твоих ног ягоду росы,
и хмель зари, и цедру вечера.

Перепиши черемух дым,
добавь сиреневого цвета,
намеком, росчерком одним
перемени судьбу поэта...

Перепиши черемух дым
как завещанье о наследстве,
ведь время – мертвый пилигрим,
оставшийся навечно в детстве...

Но вновь в окне твоём ни зги,
и нет концов и окончаний
в черновиках твоей тоски,
в чистовиках твоей печали...

* * *

В рыбацких сетях задремавшего сада
золотым сазаном бьется солнце
июньского дня.

Я молод и счастлив, мне много не надо,
Бог и так сделал столько всего для меня...
Я стар и несчастлив, мне многое надо!
А главное – краски того бесконечного дня,
то солнце в ветвях задремавшего сада,
чтобы жить и писать акварели,
засохшие кисти слюня...

* * *

Не печалься, так бывает...
Как меж строк – тоски пробел,
ангел твой тебя оставил,
не простившись, улетел.

Так бывает, не печалься,
потому что пустота –
это тоже воздух счастья,
радость чистого листа.

Будто снова пьяной ночью
затяжной любви прыжок...
Плечи ангела на ощупь –
чистый парашютный шелк.

Разлюбила? Аллилуйя!
Плюнешь и полюбишь вновь,
отпечатки поцелуев
на твоей туфле как кровь...

Кто стучит крылом по крыше?
Это ангел беглый твой.
Он ревнивый, он отыщет
кровь на туфельке цветной.

* * *

Из тряпья и другой чепухи
смастерил я чудесную розу.
Я тебя сочинил как стихи,
ну, а надо бы было – как прозу.

Лишь от страха ночами заснуть
светлых красок я клал слишком много.
Как у розы тряпичная суть –
и твоя чистота не от Бога.

От рожденья стиха до паденья –
ты забыла – всего только день.
Я из зыбкой создал тебя тени
и опять превращу в эту тень.

* * *

Меня снова бросает судьба
в одиночество волчьего бега,
снова свист и шальная пальба,
снова ночь пахнет кровью и снегом.

Но сегодня опять я ушел
от вольерной тоски и неволи
и как будто впервые обрел
этот лес, это дикое поле.

Табуны звезд над миром летят
к бесконечности, как к водопою,
и январские звезды звенят
над косматой моей головой.

Я по запаху дом твой найду,
но приду не к тебе, а к ночлегу...
Я еще до рассвета уйду
в одиночество волчьего бега.

* * *

Листопад. И бьются листья.
Что разинули вы рты?
Это не самоубийство,
это жажда высоты.
Каждый лист самосожженьем
заплатил, чтоб полететь,
а летит всего мгновенье —
и вздохнуть-то не успеть...

* * *

Постучусь в чужие двери,
как рассеянный чужак,
а за дверью не поверят,
что пришел я просто так.
Притворится кто-то мертвым —
только слышу я его,
собачонке пасть зажмет он,
будто дома никого.
Я не с черной телеграммой,
мне не надо денег в долг,
все в порядке с вашей мамой —
не глотайте валидол,
отворяйте двери смело,
не пугайтесь — обниму.
Мне сегодня надоело
быть счастливым одному!

* * *

Все чаще в доме моем хлопают двери,
поют сквозняки голосами гостей.
Со стуком казенным приходят потери,
уходят надежды шагами друзей.
И пусть это жизни примета простая,
уснуть не могу — что-то сердце болит,
и вместе со мной вся Россия босая
все ходит, все курит и тоже не спит.

* * *

В синих звездах окно
в ресторане у Нины.
Буду пить я вино
Алазанской долины
и под скрипочку жарко
в грудь тебя целовать.
Ничего мне не жалко,
разве только что мать
да цыганское пенье
по ночам соловья
и когда я был гений
прошлым летом три дня.
Что-то гаснет и мерзнет
золотое вино.
Ухмыляются звезды
сквозь рябое окно.

* * *

Ножками черными изрежут
дожди шелка у сентябрей.
Уйдет последняя надежда
в пространство белое дверей.
А я ее не догоню,
не замочу подол слезами,
я имя в паспорте сменю,
а у полей и рек — названья.
И снова белое пространство
моих незапертых дверей
отпустит в скуку дальних странствий
надежду голубых кровей.
О, это белое пространство!
В нем нет начала и конца,
в нем бомжи все и иностранцы,
все одинаковы с лица.
Там нет имен, а есть желанья,
по ним выписывают вид
на жительство и на страданья,
хотя душа там не болит.
Там боль в гортани соловья,
в чудеснейшем изгибе ивы,
в ограде лунного литья,
в лиловости озябшей сливы.

* * *

Чтоб не было так страшно вам,
идушим улицей во тьме,
я свет оставлю непогашенным
в своем покинутом жилье.

Чтоб никогда в родном отечестве
не погибал никто во тьме —
не экономьте электричество
на человеческом тепле.

Александр ГРЕБЁНКИН

поэт, переводчик,
лауреат премии Западно-Уральской
ассоциации «Интеллект-Элита»,
член Союза писателей России,
живет в Перми

«БУДУ ЖИТЬ И РАДОВАТЬСЯ ЖИЗНИ...»

* * *

Буду жить и радоваться жизни.
И пока нетленна жизни нить, –
Стану помогать своей Отчизне,
Женщину без памяти любить,

Буду нянчить милых сердцу внуков,
На крыло их ставить день за днем.
И пока работы просят руки,
Мы еще на свете поживем.

Даже зная все, что будет с нами,
Я не поменяю жизнь свою,
Все, чем жил я, оценив с годами,
Я судьбу свою боготворю.

Возвращение в прошлое

Горластые белые птицы
Кружат над рекой в тишине.
Как в зеркале, солнце лучится,
Качаясь на синей волне.

Лучей золоченые блики
На глади зеркальной воды,
И чаек веселые крики,
И давние наши следы.

На отмели влажной с тобою
Бродили мы здесь вдоль реки,
Дышали густой синевою,
Душою и сердцем близки.

В глухом уголке мироздания,
Где властвует мрак по ночам,
Забывшие воспоминанья
Приходят из прошлого к нам.

Дети войны

Мы – славянской породы,
Помним все о войне:
Эти грозные годы
К нам приходят во сне.

И звучит в нас поныне
Эхо прошлой войны.
На висках наших иней –
Ранний след седины.

В бой святой и кровавый
Уходили отцы,
И на плечи Державу
Принимали мальцы.

Помогая друг другу,
Глядя смерти в лицо,
За станком и за плугом
Заменяли отцов.

Не сломили нас беды,
Мы не ждали наград,
Но в копилке Победы
Есть посильный наш вклад.

Лето

Настало желанное лето,
Ромашки в лугах зацвели.
Живыми лучами согреты,
Хлеба колосятся вдали.
Развесила серьги береза,
Колышет зеленой листвой.
Грохочут раскатисто грозы,
И льет теплый дождь проливной.

Дорога к дому

Вьется змейкою дорога,
Воздух влагой напоен.
Я домой иду вдоль лога,
Все вокруг – как дивный сон,
Близкий сердцу и знакомый.
Душу радует до слез
Вид отеческого дома
В яркой зелени берез.
На траве сверкают росы,
Словно слезы на щеке.
Белоствольные березы –
Как картина на лубке.

Дядя Лёша

На дворе метет пороша,
Плачет вдовушкой навзрыд.
Развеселый дядя Лёша
С фотографии глядит.

В гимнастерке с кубарями,
Сбив пилотку набекрень,
Он живет, как прежде, с нами
И смеется целый день.

С затемненного вокзала
В грозовую тишину
Тетя Оля провожала
Дядю Лёшу на войну.

И над низеньким перроном
Паровоз пары пускал.
– По вагонам! По вагонам! –
Старшина седой кричал.

И тотчас за ротой рота
Разместились в свой вагон.
И за дальним поворотом
Канул в Вечность эшелон.

На дворе метет пороша,
Плачет вдовушкой навзрыд.
Развеселый дядя Лёша
С фотографии глядит.

* * *

Любить тебя не перестану,
Ты – словно солнышко в судьбе.
Кому-то это слышать странно, –
Живу я думой о тебе.

Пусть время к людям стало строже,
И мир тревожен и суров,
Но верю я – ты мне поможешь
Сберечь надежду и любовь.

Мое поколение

Пусть нас судьба держала в черном теле,
Пришлось изведать всяческой беды,
И все ж себя мы сохранить сумели
И на земле оставили следы.

Испытывало время нас на деле,
И по делам был каждому почет.
Мы, на себе почувствовав, сумели
Понять душой, как времечко течет.

В свою победу верили мы свято,
За честь страны вели неравный бой.
Не потому ли горькие утраты
Нас возвращают в прошлое с тобой?..

* * *

По полю плыву, как по морю,
Хлеба вдоль дороги стеной,
И ветер, с колосьями споря,
Прохладою веет речной.

Колосья, как волны играя,
Несутся волна за волной,
И нет ни конца и ни края
Кипящей стихии земной.

Настало уральское лето,
Под солнышком спеет зерно.
Пропахший ромашками ветер
Пьянит, как хмельное вино.

* * *

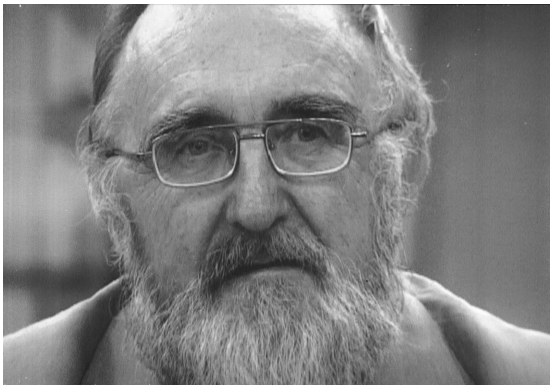
Я родился в июне за год до войны,
На далеком Урале, в глухой деревушке.
Навевала черемуха белые сны,
И пророчила долгие годы кукушка.

Я не помню, как мать провожала отца,
Что запомнить я мог – годовалый ребенок?
Но запомнилось мне: почтальон у крыльца
Хмуру бабам вручает листы похоронок.

Часто слышится мне сердца вдовьего крик,
Он волнует мне душу тревогой и болью.
Я вошел в новый век как винтовочный штык,
Светлой троицей:

Верой, Надеждой, Любовью.

Николай МРЫХИН

поэт, переводчик,
живет в поселке Первомайский
Удмуртской Республики

«...ЕСТЬ ЛЮБОВЬ И СОЛНЦЕ ПОСЛЕ МРАКА»

* * *

...А часики идут.
Ржа разъедает сталь,
И прожитых минут
До слез бывает жаль.
Хоть помыслы чисты,
Как струи горных рек,
Но падают кресты
Подгнившие на снег.
И скомкан болью рот,
И грешен белый свет,
И ворон все орет
И каркает мне вслед.
Успею – допою
Про боль сердечных ран.
А на страну мою
Бинтами лег туман.
А часики идут...

Борщевик

Как собака он, только не лает,
Чуть заденешь – получишь ожог.
С дальних мест агроном Фурлаев
На беду нам его приволок.
Так и люди: иные – как радость,
Нам по жизни поводыри.
А иные – как эта гадость:
Рядом станешь – и волдыри.

* * *

В славном городе N мне знакомо все было
и близко:
Там мерцала звезда, отражаясь
на глади пруда,
Там склонялись березоньки скорбные
надobeliskом,
Не гудели-кричали, а пели
в ночи поезда.
В славном городе N были радостны,
счастливы дети,
Там всегда поприветствуют, долго глядят
тебе вслед.

Это было не здесь – на какой-то
хорошей планете,
На далекой планете, которой
названия нет.
Попытался недавно я в тот городок
возвратиться.
«Здравствуй, город мой N!» – прокричал,
проявляя восторг.
Но у жителей города мрачные,
серые лица.
Это город не тот, хоть название
по-прежнему то.
Не войти дважды в воду одну. И не надо
стремиться.
Хоть топись, хоть молись, но поделывать
нельзя ничего.
Как мечтал, как стремился я в тот городок
возвратиться!
Но ведь был этот город!
Я ж помню, я помню его!

Земляки

Рожден я в глубинке Урала
На склоне июньского дня.
Пермяк мне – ни много, ни мало –
Земляк и почти что родня.
С Удмуртией связан судьбою,
Речь, хоть и не сразу, пойму.
Удмуртское слово простое,
Как русское, сердцем приму.
Где б ни был: в Пудеме, Пышкетке,
У Камы ли, светлой реки,
Я знаю – поймут и приветят
Родные мои земляки.
Грустить мне ничуть не пристало:
Будь коми, удмурт или пермяк –
Мы родом все с батьки Урала,
Где встречу: «Здорово, земляк!».
По самой глубинной же сути –
Мы капли единой реки.
Земляне, прекрасные люди,
Мы все на Земле – земляки!

На спектакль «Айна»

Удмуртскому поэту и драматургу
Татьяне Николаевне Черновой

Моя краса! Неужто жили розно?
Как вовремя мы встретились с тобой!
Для нас горят на черном небе звезды,
И ластится к ногам седой приборой.
Мы будем жить. Пусть колесница солнца
Вершит извечный, светлый оборот,
Черпнем воды из тайного колодца
И, не гадая, знаем наперед,
Что будем жить. Сменяет время вехи,
Оно не ждет и ручейком бежит.
Какие нас ни гнут шальные ветры,
Мы любим – означает: будем жить.
Когда и небо черное нависнет,
И судеб наших оборвется нить,
Когда тела умрут, исчезнут мысли,
Я утверждаю: любим – будем жить!
Вне времени, вне света, вне пространства
Огонь любви негаснувшей горит.
Я говорю с завидным постоянством,
Что если любим – значит будем жить!

* * *

Ночь подкралась, как волчица,
Ночь с волками заодно.
И рябины гроздь стучится
В одинокое окно.
Той рябинушки, что к дубу
Не смогла припасть плечом...
Что-то шепчут твои губы
Не забытое еще.
Дочка сладко спит в кровати,
Кот, в клубок свернувшись, спит.
В мороси, как в желтой вате,
За окном фонарь висит.
Губы помнят, не забыли
Поцелуи на заре,
Да годочки те уплыли,
Как листочки в сентябре.
Мгла ночная льдинкой тает,
Время третьих петухов.
На столе тетрадь простая
С ненаписанным стихом.

Осеннее

Зачарованный стоит лес,
Словно выключен на время звук.
Раздается в тишине окрест
Лишь сердечка моего стук.
Словно сбросил я годов груз,
Словно жизнь моя еще – не вниз.
Я иду по лесу – хруст-похруст,
А на куртке, как погон, лист.

Разговор с дворовым псом в распутицу

Дождь-стригунок, копытцами звеня,
Стучит то дерзко, то затихнет вроде.
Когда ненастье властвует в природе,
Люблю мечтать я, сидя у огня.

Печь затоплю. Мешая угольки,
Я буду думать только о хорошем,
Что рано жизнь еще свою итожить.
И будут думы-искорки легки.

И на судьбу ни капли не греша,
По всем карманам наскребу на «шкалик».
Скулит за дверью пес дворовый Шарик.
«Живей к огню, бродячая душа!».

В глазищах мудрых пса немой вопрос:
«О чем грустишь, на уголечки глядя?».
Отвечу: «Знай, поэт – он тот же пес,
Хоть изредка его, но тоже надо гладить».

А наша жизнь уже тем хороша,
Что есть любовь и солнце после мрака,
Что сыщется созвучная душа,
Пусть это лишь приبلудная собака.

Спасы

Отзвенело лето. Скоро осень.
Спас медовый на Руси святой.
Паутинки белые, как проседь,
В локонах березки молодой.

Дни последние кукушечка кукует.
Ворожи годочков нам до ста!
Ладушку свою я расцелую
Нежно да в медовые уста.

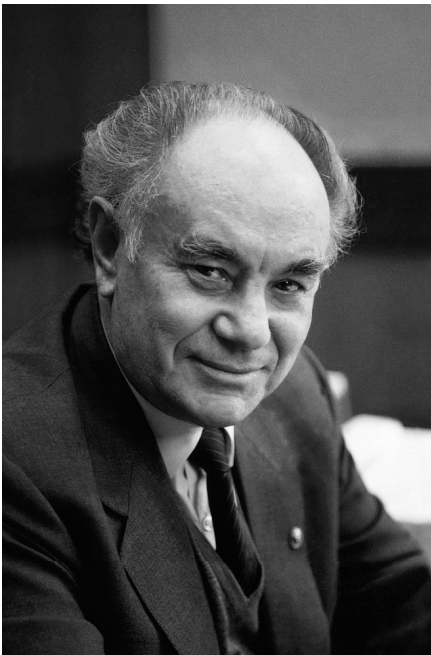
А денечки – бусинки на нитке:
То рассвет, то снова день угас.
В города и в дальнюю глубинку
К нам приходит яблоневый Спас.

И молчит уже в лесу кукушка,
Птицы собираются в отлет.
И моя красавица радушно,
Словно Ева, яблочко дает.

И грустят задумчивые клены,
Робкий луч сквозь тучи, как сквозь сеть.
Щедрую рукою в лист зеленый
Бросит осень золото и медь.

Догорают оловом рассветы,
Вновь денек убавился на час.
Как прощанье с отзвеневшим летом,
Хлебный Спас пришел к нам,
Третий Спас.

ПУБЛИЦИСТИКА

Валентин КУДИНОВ

доктор технических наук,
профессор,
почетный гражданин УР,
лауреат Государственной премии РФ,
председатель Общественной палаты
Удмуртской Республики

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ – ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Закон «Об Общественной палате» был инициирован президентом Удмуртской Республики и вступил в силу в январе 2007 года. Процесс подготовки законопроекта был демократичным. Проект концепции Общественной палаты был вынесен на широкое обсуждение общественности в рамках Гражданского форума. Все замечания и предложения лидеров общественных организаций были учтены членами рабочей группы при подготовке проекта закона. Республиканский закон «Об Общественной палате Удмуртской Республики» вступил в силу в январе 2007 года. Пятнадцатого ноября этого же года состоялось первое пленарное заседание Общественной палаты.

В соответствии с законом Удмуртской Республики Общественная палата призвана обеспечить согласование экономической, социальной политики, проводимой органами государственной власти, местного самоуправления, с населением Удмуртской Республики, общественными объединениями путем проведения общественной экспертизы проектов законов Удмуртской Республики, привлечения граждан и общественных объединений к формированию и реализации государственной политики, поддержки гражданских инициатив.

В соответствии с законом формирование Общественной палаты проходит в три этапа. Президент Удмуртской Республики представляет кандидатуры 16 человек, которые, по его мнению, достойны работать в палате. Граждане, которых выбирает президент, как правило, имеют особые заслуги перед

государством и обществом, их имена хорошо известны в республике. Утвержденные Указом президента члены палаты, в свою очередь, принимают решение о приеме в члены палаты 16 представителей республиканских общественных объединений. На третьем этапе члены палаты, утвержденные президентом, и представители республиканских общественных объединений принимают решение о приеме в ее члены 16 представителей общественных организаций, представляющих муниципальные общественные организации. Всего в состав Общественной палаты Удмуртской Республики входит 48 человек.

В Общественной палате представлены профсоюзы, общественные объединения ветеранов и инвалидов, национально-культурные, детские и молодежные организации, организации, представляющие интересы бизнеса, собственников жилья и религиозных конфессий, – то есть все направления и сферы деятельности некоммерческих организаций.

Для реализации задач, стоящих перед палатой, и координации деятельности ее членов был избран постоянно действующий орган – совет Общественной палаты, в состав которого вошли председатели комиссий Общественной палаты.

Комиссии Общественной палаты формировались с учетом важности проблем, волнующих общественность. В результате в палате сформировались девять комиссий:

– по вопросам общественной безопасности, толерантности, прав человека, инфор-

мационной политики и свободы слова;

– по вопросам образования, культуры, развития интеллектуального потенциала нации;

– по вопросам местного самоуправления;

– по социальной политике;

– по вопросам развития гражданского общества, благотворительности и совершенствования законодательства по НКО;

– по экологической безопасности и охране окружающей среды;

– по вопросам здравоохранения и формирования здорового образа жизни;

– по вопросам конкурентоспособности, экономического развития и предпринимательства;

– по делам семьи, демографии и охране прав детства.

Свою работу палата ведет открыто. Информация о деятельности комиссий, совета, пленарных заседаниях размещается на сайте Общественной палаты в сети Интернет. На заседания, круглые столы, рабочие группы, общественные слушания, проводимые Общественной палатой, приглашаются представители министерств, постоянных комиссий Государственного Совета Удмуртской Республики, представители территориальных федеральных исполнительных органов власти, Администрации города Ижевска, общественных объединений, научной общественности, региональных средств массовой информации.

Практически все пленарные заседания Общественной палаты проходят с участием президента Удмуртской Республики, который поддержал многие предложения Общественной палаты и дал соответствующие поручения министрам для их реализации.

С момента создания Общественной палаты прошло три с половиной года. Что же удалось сделать за это время?

Самым важным считаю защиту прав граждан, которые нарушались в результате точечной застройки. В 2009 году палата провела пленарное заседание, на которое пригласила представителей муниципальных органов, прокуратуры, Министерства строительства, архитектуры и жилищной политики Удмуртской Республики. С тех пор жалоб со стороны жителей по этому вопросу в палату не поступало.

Второе важное решение, принятое после обращения палаты к президенту Удмуртской Республики, – не строить здание Конгресс-центра на Ижевском пруду.

Был решен вопрос, связанный с аттестацией тренерско-преподавательского состава спортивных школ УР. Суть вопроса заключалась в том, что тренеры не получали денежных вознаграждений за подготовку

спортсменов, занявших высокие призовые места, так как соответствующая статья в Федеральном законе «Об образовании» отсутствовала.

После рассмотрения вопроса на заседании комиссии Общественной палаты по вопросам образования, культуры, развития интеллектуального потенциала нации Министерство образования и Госкомспорт выработали новые критерии оценки качества работы тренерско-преподавательского состава. Был подготовлен проект постановления «О единовременном денежном вознаграждении спортсменов Удмуртской Республики, их личных тренеров за достижение высших спортивных результатов, показанных на всероссийских и международных соревнованиях по олимпийским видам спорта».

Указом президента Удмуртской Республики было закреплено положение о вознаграждении спортсменов и тренеров: за победу на олимпиаде – 1, 8 млн. руб.; на чемпионате мира и Европы – 1 млн. руб.; на чемпионате России – 200 тыс. руб.

По инициативе Общественной палаты в республике был создан Молодежный парламент.

Одним из приоритетных направлений деятельности Общественной палаты стала кропотливая работа по изменению сознания и психологии населения в вопросах муниципального уровня. В связи с этим новым для нашей республики стало создание в 2010 году общественных советов муниципальных образований.

В настоящее время палата разработала положение о Совете по взаимодействию Общественной палаты УР с общественными советами муниципальных образований Удмуртской Республики. Через эту структуру палата планирует реализовать комплекс мер и мероприятий по просвещению граждан в вопросах их прав и обязанностей.

Мы планируем проведение выездных заседаний палаты. Необходимо говорить с людьми, разъяснять им, как они могут решить свои проблемы. Именно местное самоуправление может сделать большой шаг в развитии гражданского общества, поможет сформировать в обществе подлинную культуру самоуправления и обеспечит эффективное участие населения в выработке и принятии решений на местном уровне.

Через свой сайт, радиопередачу на канале «Моя Удмуртия» Общественная палата пропагандирует деятельность успешно функционирующих общественных организаций, товариществ собственников жилья и территориального общественного самоуправления.

В 2010 году при всех министерствах ре-

спублики были созданы общественные советы, в которые вошли и представители Общественной палаты.

Нам необходимо более активно работать с Государственным Советом, Правительством Удмуртской Республики. Представители Общественной палаты должны иметь возможность принимать участие в заседаниях Правительства, участвовать в заседаниях коллегий министерств, работать в постоянных комиссиях Государственного Совета УР.

Сейчас палата подготовила проекты соглашений о сотрудничестве с Государственным Советом, Правительством УР. Надеемся, что наша инициатива будет поддержана руководителями республики.

Одной из последних больших работ, проведенных Общественной палатой, стало обсуждение программы «Модернизации здравоохранения», подготовленной Мини-

стерством здравоохранения Удмуртской Республики и успешно защищенной в Москве.

Вокруг института гражданского общества вольно или невольно формируется богатая мифология, зачастую небескорыстная и небезопасная. Есть, например, люди, настаивающие на том, что единственно возможным способом существования и развития гражданского общества является борьба с государством и властью по всему фронту, будь то вопросы региональной политики или взаимоотношения с муниципалитетом по поводу уборки мусора или ремонта водопровода. Но это ложный путь, путь разрушения, который может обернуться трагедией для всех.

Усилия членов Общественной палаты направлены на то, чтобы гражданское общество в нашей республике развивалось в рамках конституционного пространства, в рамках конструктивного диалога с властью.

Инна СЕРГЕЕНКОВА

доцент кафедры Новой и Новейшей истории и Международных отношений УдГУ,
начальник отдела по взаимодействию с общественными объединениями
Управления по внутренней политике
Удмуртской Республики

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ВЛАСТЬЮ

Задача активизации гражданского общества, повышения эффективности его взаимодействия с органами государственной власти неоднократно ставилась в посланиях президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ, ежегодных докладах президента Удмуртской Республики Государственному Совету. Развитие гражданского общества напрямую связывается с модернизацией страны, с социальным прогрессом.

Проблемам развития гражданского общества, его российской специфике посвящены десятки сотен монографий, научных статей отечественных обществоведов. Спектр мнений исследователей весьма широк: от отрицания наличия гражданского общества в России до признания, что гражданское общество есть и оно быстро развивается.

Эти различия в оценках зависят от того, какую дефиницию авторы дают гражданскому обществу и какие критерии его зрелости

берут за основу.

Попытаемся проанализировать состояние развития гражданского общества в Удмуртской Республике и рассмотреть механизмы его взаимодействия с органами государственной власти. Информационной базой исследования являются официальные статистические данные, результаты социологических исследований, нормативно-правовые акты регионального и местного уровней, официальные программные документы в области межсекторного социального партнерства. Гражданское общество рассматривается нами как совокупность отношений и организаций, функционирующих добровольно, независимо от политической власти, члены которых уважают законы, постоянно взаимодействуют с государством с целью максимально полной реализации общественных интересов.

В последние годы отдел по взаимодействию с общественными объединениями Администрации президента и Правительства УР с помощью студентов исторического факультета и факультета социологии УдГУ стал проводить систематическое изучение состояния гражданского общества в республике. У нас начали выстраиваться пока еще короткие ряды показателей, но уже позволяющие судить о некоторых тенденциях в интересующей нас сфере. Главная из этих тенденций – растущее, все более укореняющееся, все более прочно становящееся на ноги гражданское общество.

На конец 2010 года, по данным управления Министерства юстиции Российской Федерации по Удмуртской Республике, зарегистрировано 2793 некоммерческих организации. В действительности эта цифра значительно больше, так как многие общественные организации (прежде всего, в районах республики) не имеют государственной регистрации. По сравнению с 2007 годом (1500 организаций) число общественных объединений увеличилось почти в два раза. В работе этих организаций принимает участие 11% населения УР. В структуре общественного сектора по организационной форме преобладают общественные объединения (626). На второе место вышли товарищества собственников жилья (817), вытеснив профсоюзные организации на третье место (321). Большая часть НКО (85%) находится в столице Удмуртской Республики и ее городах, где сконцентрировано более образованное и активное население, преодолевшее авторитарный синдром.

Всплеск гражданской активности вызван не только созданием в республике благоприятных условий для социального партнерства, диалога гражданского обще-

ства и власти, федеральными программами проведения капитального ремонта жилых домов, но и постепенным вытеснением патерналистских настроений. Патернализм уступает место самостоятельности: доля надеющихся на себя, а не на власть увеличилась с 56% в 2001-м до 93% в 2010 году. Известность отдельных общественных организаций, гражданских инициатив среди жителей республики достигает 44,2%, Общественной палаты – 58,7%.

Важным показателем развития гражданского общества является рост правовой культуры населения. Число жителей республики, ответивших, что они знают свои права и обязанности, увеличилось и составило в 2010 году 67,5%. Всегда и во всем готовы соблюдать законы 38,9% опрошенных, а 88% считают наиболее эффективным способом отстаивания своих прав обращение в суд.

40,4% респондентов выразили желание участвовать в деятельности общественных организаций, но сослались на нехватку свободного времени. Возрос уровень участия населения в добровольчестве. Так на вопрос «Приходилось ли вам за последние годы по собственной инициативе оказывать помощь, поддержку кому-либо, заниматься благотворительностью?» 56,5% респондентов ответили положительно. В 2010 году число зарегистрированных благотворительных фондов достигло 30, увеличившись в 3 раза по сравнению с 2007 годом. Только в 2010-м 42156 человек получили помощь добровольцев.

Демократическая ценность свободы по-прежнему имеет большую поддержку в обществе. Приоритеты демократических ценностей распределились в следующем порядке: равенство перед законом, право на безопасность и защиту личности; право на личную собственность; право на труд; право на образование. Число считающих Российскую Федерацию правовым государством в республике составляет 30,6%.

Достаточно большое число людей ощущают ответственность за то, что происходит у них в доме, во дворе, городе, поселке. Правда, доля людей, ощущающих ответственность за положение дел в стране, несколько ниже и составляет 19%.

Новой тенденцией в 2010 году стало создание некоммерческих организаций в сфере ЖКХ, так как эта тема касается интересов максимально широкого круга граждан. Эти данные свидетельствуют о том, что в республике есть гигантские резервы, огромный потенциал для развития гражданского общества.

В то же время нельзя сказать, что гражданское общество существует в рамках неких устойчивых традиций. У населения

пока существует некое недоверие и явная недооценка возможностей общественных организаций и собственного сотрудничества с ними. Как показывают данные социологического опроса, 76,8% респондентов оценивают свое отношение к участию в общественной жизни как «скорее пассивное и пассивное». Общественные организации – независимо от их опыта, сферы действия – не возглавляют процесс преобразований, а скорее следуют в его кильватере. Таким образом, можно констатировать, что одной из особенностей современного гражданского общества является отсутствие сложившихся более или менее ясных представлений граждан о своей роли в обществе.

Пока еще не высока самоорганизация в гражданском обществе. Общество не проявляет достаточной гражданской воли, чтобы успешно бороться с коррупцией. Напротив, более 40% респондентов хотя и согласны, что давать взятки нельзя, но, тем не менее, признают их необходимость для решения своих проблем.

Местное самоуправление по-прежнему рассматривается населением как явление государственной власти, а не общественной жизни.

Безусловно, есть объективные причины слабости гражданского общества: монополизм рынка, малочисленность среднего класса, духовная деградация общества – размытость границ понимания справедливого общества, т.е. «что такое хорошо и что такое плохо», неразвитость партийной системы и так далее.

По мере решения вышеперечисленных проблем в республике проводится поэтапная всесторонняя модернизация общественных отношений.

В программах социально-экономического развития Удмуртской Республики на 2005-2009 и 2009-2014 годы предусмотрены разделы, касающиеся взаимодействия органов государственной власти и НКО в решении социально-экономических проблем региона. Перед органами государственной власти поставлена задача совершенствования нормативной базы взаимодействия власти и общества.

Начиная с 2000 года, в Удмуртской Республике активно выстраивается система диалога и партнерских отношений между органами власти и некоммерческими организациями. В Управлении по внутренней политике Администрации президента и Правительства создан отдел по взаимодействию с общественными объединениями. При президенте Удмуртской Республики действуют два совета, представляющие республиканские общественные организации:

совет по содействию развитию институтов гражданского общества и совет по взаимодействию с национально-культурными организациями.

Совет по содействию развитию институтов гражданского общества является коллегиальным совещательным и консультативным органом. Целями его деятельности являются информирование президента Удмуртской Республики о положении дел в общественном секторе, содействие развитию институтов гражданского общества и подготовка предложений по вопросам, входящим в компетенцию совета. Оправдали себя такие формы сотрудничества как «круглые столы», конференции, совместные программы и мероприятия, а также поддержка властными структурами программ общественных организаций и проводимых ими мероприятий. Ежегодно проводится более двух десятков «круглых столов» и общественных слушаний.

В Удмуртской Республике действует более 30 межведомственных советов и комиссий по важнейшим вопросам социально-экономического развития, общественной жизни, общественной безопасности; по патриотическому воспитанию граждан, по делам несовершеннолетних, профилактике правонарушений среди молодежи, профилактике наркомании, СПИДа. В работе большинства из них принимают участие представители общественных, национальных, религиозных объединений, что способствует не только получению информации о проблемах в обществе «из первых рук», но и обеспечивает обратную связь управленческим решениям, принимаемым органами власти и управления.

С 2003 года в Удмуртской Республике регулярно проводятся гражданские форумы, которые вносят весомый вклад в укрепление сотрудничества органов государственной власти и общественных институтов. В 2010-м был проведен пятый по счету гражданский форум «Общество – бизнес – власть». Реализация решений гражданских форумов находится под контролем президента Удмуртской Республики.

В 2003 году Государственным Советом Удмуртской Республики был принят закон «О взаимодействии органов государственной власти с негосударственными некоммерческими организациями». Основными формами организации сотрудничества, перечисленными в законе, являются следующие:

- привлечение представителей некоммерческих организаций к участию в подготовке проектов законов органов государственной власти Удмуртской Республики;
- участие некоммерческих организаций в

реализации республиканских целевых программ, в торгах (конкурсах) на размещение заказов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд Удмуртской Республики;

– предоставление НКО грантов на конкурсной основе;

– проведение общественных слушаний;

– создание общественных советов;

– проведение независимой общественной экспертизы;

– предоставление информации о проводимой в Удмуртской Республике социально-экономической и бюджетной политике;

– оказание органами государственной власти некоммерческим организациям методической, консультационной и организационной помощи;

– привлечение представителей некоммерческих организаций в состав рабочих групп, экспертных советов, создаваемых органами государственной власти Удмуртской Республики.

Все законодательные и нормативные акты по реализации положений этого закона на сегодняшний день разработаны.

Прошли общественное обсуждение и были приняты Правительством УР положения «О республиканских грантах», «Об общественных слушаниях в Удмуртской Республике». Целью Положения «О республиканском гранте» является создание реального механизма по оказанию государственной поддержки социальным инициативам граждан, общественным объединениям и организациям. В качестве такого механизма предлагается предоставление организациям средств республиканского бюджета в виде грантов на реализацию социальных проектов. Что касается проведения публичных обсуждений, то по ряду вопросов они уже являются обязательными как на уровне субъекта РФ, так и на уровне местного самоуправления. В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти в субъектах РФ» предписывается с 1 января 2005 года обязательное проведение публичных слушаний перед принятием бюджета субъекта РФ на следующий год и перед принятием годового отчета о его исполнении. Положение о проведении общественных слушаний, разработанное на республиканском уровне, регламентирует эту процедуру. Кроме того, Положение дополнительно к обязательным по закону случаям предусматривает возможность проведения слушаний и по другим вопросам, вызывающим интерес общественности.

В 2006 году президент Удмуртской Респу-

блики внес в Государственный Совет проект закона «Об Общественной палате Удмуртской Республики». В регионах Российской Федерации процесс формирования Общественных палат был запущен в основном только с 2008 года. Удмуртская Республика была в числе первых субъектов Федерации, создавших аналогичный механизм.

В законе «Об Общественной палате Удмуртской Республики» предусмотрены такие важные направления деятельности палаты как контроль представителей общественности за процессом принятия решений властными структурами при помощи механизмов общественной экспертизы законопроектов, направления членов Общественной палаты для участия в работе органов государственной власти и т.д.

В лице Общественной палаты был создан устойчивый канал взаимодействия общества и власти.

Общественная палата Удмуртской Республики так же, как Общественная палата Российской Федерации, является самостоятельным органом. Самостоятельность в данном случае проявляется, прежде всего, в том, что она создана не при каком-то государственном органе Удмуртской Республики, а действует в соответствии с целями и задачами, провозглашенными в законе.

В Удмуртской Республике созданы и нормативно закреплены институты по защите прав человека. В 2004-м был принят закон «Об уполномоченном по правам человека в Удмуртской Республике», в апреле 2010 года Указом президента Удмуртской Республики введена должность уполномоченного по правам ребенка.

На основе Федерального закона от 10 июня 2008 года «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» в Удмуртской Республике сформирована Общественная наблюдательная комиссия по осуществлению общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания. Комиссия получила поддержку Общественной палаты Удмуртской Республики.

Активно работает с общественными молодежными организациями Министерство по делам молодежи Удмуртской Республики. В основе работы – принятый в 1997 году республиканский закон «О государственной молодежной политике в Удмуртской Республике», республиканские целевые программы. Это программы «Молодежь Удмуртии» на 2009–2013 годы, принятая в 2008-м, и «Дети

Удмуртии» на 2009–2013 годы, принятая в 2009-м.

Государственный Совет Удмуртской Республики в 2009 году принял постановление «О Молодежном парламенте Удмуртской Республики». В этом же году состав Молодежного парламента был сформирован. Аналогичные структуры сформированы в районах республики.

В Удмуртской Республике 30 национально-культурных организаций, которые взаимодействуют с Министерством национальной политики. В 2001-м был принят республиканский закон «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики». В 2008 году был открыт Дом Дружбы народов, где национальные организации могут проводить свои мероприятия.

Управлением по внутренней политике Администрации президента и Правительства Удмуртской Республики совместно с Общественной палатой разработаны типовые положения «Об общественном совете муниципального образования» и «Об общественном совете при министерствах и ведомствах Удмуртской Республики». В настоящее время оба положения реализованы. Общественные советы созданы при всех республиканских министерствах. В них вошли представители Общественной палаты УР и общественных организаций. Практически во всех муниципальных образованиях республики созданы общественные советы, которые будут работать в тесном контакте с Общественной палатой Удмуртской Республики.

В 2010 году Совет по содействию развитию институтов гражданского общества при президенте Удмуртской Республики стал инициатором разработки концепции содействия развитию институтов гражданского общества в Удмуртской Республике и проведения гражданского форума, одобрившего концепцию. В 2011-м на основе концепции планируется разработка республиканской

целевой программы с аналогичным названием.

В соответствии с программой социально-экономического развития УР на 2009-2014 годы в ближайшее время планируется принять положение о «Молодежном правительстве УР».

Главные позитивные итоги деятельности республиканских органов государственной власти в области взаимодействия с общественными объединениями заключаются в том, что за последние годы удалось сформировать концептуальные основы и принципы республиканской политики в области взаимодействия органов государственной власти, местного самоуправления с общественными организациями, придать системный характер сотрудничеству; создать условия для обеспечения более эффективного участия институтов гражданского общества в социально-экономическом развитии Удмуртской Республики, ее городов и районов; обеспечить практическую реализацию механизмов поддержки деятельности общественных организаций.

По данным исследования «Дифференциация российских регионов в контексте предпосылок формирования гражданского общества», проведенного Государственным университетом – Высшей школой экономики (Москва), Удмуртская республика входит в число 19 регионов Российской Федерации, где условия для развития гражданского общества оцениваются как «скорее благоприятные, чем неблагоприятные». Лишь в 9 регионах страны условия оценены как «благоприятные и очень благоприятные», в подавляющем числе субъектов Российской Федерации условия для развития гражданского общества получили оценку как «неблагоприятные и очень неблагоприятные».

Высокая оценка, данная экспертами Высшей школы экономики, является следствием создания в УР стройной и дееспособной системы государственной власти во главе с президентом Удмуртской Республики.

ЭТНОГРАФИЯ

Николай ВИТРУК

профессор, доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки, Заслуженный юрист России, Заслуженный работник культуры Удмуртии, лауреат Национальной премии имени Трокая Борисова, член Союза писателей России, автор монографий и статей по культуре и искусству удмуртского народа; живет в Москве

ЭТНОФУТУРИЗМ В КУЛЬТУРЕ УДМУРТСКОГО НАРОДА

Термин «этнофутуризм» в литературе появился как бы походя, без особого обоснования. Но со временем, начиная с 80–90-х годов прошлого столетия, понятие этнофутуризм наполнилось вполне определенным содержанием и смыслом. Оно стало достоянием всего финно-угорского мира, а ученый Кари Салламаа из Финляндии полагает, что «этнофутуризм является важной частью космофутуризма, который имеет дело с экологическими и культурными условиями жизни мирового сообщества в будущем». (Кари Салламаа. Философия этнофутуризма в контексте космофутуризма. Инвожо, 2003, №№ 6-7. С.89).

Этнофутуризм в культуре удмуртского народа является реально сложившимся явлением и развивающимся процессом. Он получил разнообразную интерпретацию. Так, известный литературный критик Виктор Шибанов считает, что этнофутуризм есть не просто обращение к фольклору, к мифологическим сюжетам (Ф. Ермаков, А. Ермолаев), не просто отказ от принципов социалистического реализма, а есть синтез архаического миропонимания (праобразов, первосна) и эстетики постмодернизма. На вопрос, что же из себя представляют праобразы, первосны и мифы, автор неожиданно приходит к выводу, что это «загадка из загадок, которую до конца разрешить не удастся никогда». (Шибанов В. Этнофутуризм как могильщик постмодернизма. Инвожо, 2004, № 10. С. 22-23).

Цитируемый нами финский ученый полагает, что ведущим принципом этнофутуризма является диалектическое единство старого и нового, древней мифологии, фольклора и национального романтизма, связанного с современными формами выражения. (Кари Салламаа. Указ. соч.). Другие авторы считают, что этнофутуризм находится в оппо-

зиции постмодернизму, чуть ли не является его могильщиком либо стоит над модернизмом, противостоит западному евроцентризму, культуре американизма, великорусскому шовинизму, процессу глобализации.

Было ли случайным появление этнофутуризма? В утверждении этнофутуризма сыграли определяющую роль сложные, противоречивые процессы в жизни и культуре малых народов на перекрестке XX и XXI столетий. Этнофутуризм явился реакцией на глобализацию с ее негативными последствиями – универсализацией, шаблонизацией, утверждением вненационального, абстрактного искусства. С другой стороны, на появление этнофутуризма повлияли такие факторы, как ослабление внимания к родному языку, слабая государственная поддержка национальной школы, культурных учреждений, потеря традиций, нравственных ориентиров. Не избежала влияния всех перечисленных факторов и обстоятельств и культура удмуртского народа.

Этнофутуризм есть направление в удмуртской культуре. Этнофутуризм – это генетическая память малого народа, постижение истоков его духовного сознания, духовной жизни, основанное на мифологическом мироощущении, особенно характерном для удмуртского этноса, на сплетении языческих и христианских верований, осознание уникального образа жизни с его неразрывной связью с природой, с земледелием и охотой, с традициями, обычаями в труде и быту. Этнофутуризм в его философском осмыслении есть национальное самосознание, осознание этносом своей уникальности, как и уникальности любого другого народа и всего человечества. У удмуртского поэта Владимира Владыкина образ реки – как образ судьбы конкретного человека и народа – неразрывно связан с жизнью всего человечества:

возрожденно-религиозный (В. Костылев) этнофутуризм.

Этнофутуризм охватил труд и быт удмуртского народа. Это находит выражение в возрождении природно-сезонных праздников, связанных с наступлением весны, первым выездом на пашню и началом сева, с окончанием сева яровых, сенокоса, полевых работ в виде осеннего ряженья, которое переходит в зимнее ряжение, а также обычаев и традиций в семейно-бытовой сфере. Семейные ритуалы и обряды находят свое воплощение в соответствующих «свадьбах» – в свадьбах рождения ребенка, бракосочетания, по случаю похорон и поминок по усопшему. Народное творчество удмуртов во время календарных и семейных праздников было и остается *синкретичным*, неотделимым от проявления устно-поэтического, музыкального, танцевально-кинетического, декоративно-прикладного искусства в их единстве. Возрождаются и развиваются народные традиции музыкальной, певческой и танцевальной культуры, восстанавливаются древние музыкальные инструменты (крезь и др.). Помимо функциональной и развлекательной, праздники, сопровождающие их обряды и ритуалы выполняют воспитательную функцию, приобщают подрастающее поколение к установившемуся укладу жизни, формируют эстетические вкусы народа, его нравственные нормы поведения, культурные и духовные ценности.

Огромную роль в подъеме национальной культуры играют самодельные ансамбли песни и танца: университетский «Чипчирган», студия традиционного танца «Эктон корка» или «Дом танца» под руководством Андрея Прокопьева и другие.

Большой вклад в возрождение и развитие народного декоративно-прикладного искусства (ткачество, резьба по дереву, соломоплетение) вносят коллективы Домов народного творчества, Домов ремесел, Центров удмуртской культуры, которые есть во всех районах и во многих деревнях и поселках. (Куликов К.И. Возрожденная древность. К истории возрождения и развития народного декоративно-прикладного искусства Удмуртии. Этнос. Культура. Человек. С. 202-216). Этнофутуризм стал поистине всенародным.

Синкретичность народного творчества, охват этнофутуризмом всех сторон жизни удмуртов породил оригинальный жанр этнофутуристического творчества и движения – этнофутуристические фестивали как своеобразные коллективные перформансы. Для них характерно участие большого количества людей – от представителей творческих профессий до жителей сел и деревень в их сотворчестве и творческой конкуренции. Все

они действуют в обычном для них естественном пространстве в окружении традиционных предметов труда и быта, с соблюдением общенациональных и локальных традиций, обычаев, обрядов и ритуалов.

Одним из ведущих идеологов и организатором этнофутуристических фестивалей в Удмуртии является художник Юрий Лобанов – автор государственной символики республики: герба и флага. Первый этнофутуристический фестиваль был организован в Ижевске в 1998 году. Этот фестиваль и все последующие ежегодно проводились под творческим руководством группы «Одомаа» («Земля удмуртов»), являясь тематическими, расширяющими представления его участников о мифологии, обычаях, особенностях труда и быта удмуртов. Со временем фестивали стали проводиться и в сельской местности.

Заслуживают внимания коллективные перформансы студии традиционного танца «Эктон корка», агитпресс-театра «Тюрагай» («Жаворонок») Алнашского районного ДК под руководством Вячеслава Булдакова, индивидуальные перформансы Юрия Лобанова, Зои Лебедевой: в них хорошо просматривается связь с удмуртской мифологией, они синкретичны в музыке, движениях, пластике жестов, костюмах. Именно народный характер этнофутуризма не дает ему вырождаться в эпатажное трюкачество, ничего общего не имеющего с реальным миром человека, его интересами, идеалами, ценностями.

Реалистический этнофутуризм во всех своих проявлениях отличается гуманистической направленностью. Он пронизан оптимизмом, устремленностью в будущее, отличается жизнелюбием. Представители реалистического этнофутуризма всей душой болеют за судьбу своего народа и своей малой и большой Родины, соотносят ее с судьбами других народов. Такие ценности, как человек, его жизнь, судьба, любовь, природа, космос заставляют по-новому и более ответственно взглянуть на проблемы последствий научно-технического прогресса, глобализации, культуры, духовной жизни в современной действительности.

Новаторство удмуртского этнофутуризма заключено в предмете отображения, в синкретичности художественных форм выражения, в этнической символике и традиционном колорите, в философском осмыслении жизнедеятельности своего народа, его прошлого и настоящего во имя этнического будущего.

Этнофутуризм нуждается в научном осмыслении, в прогнозах и предложениях по его развитию.

Маргарита ГРИШКИНА

доктор исторических наук,
лауреат Всеудмуртской национальной
премии имени Кузебая Герда,
ведущий научный сотрудник
Удмуртского института истории, языка,
литературы Уральского отделения РАН

ПРИРОДА: МАЧЕХА ИЛИ МАТУШКА-КОРМИЛИЦА?

*О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ УДМУРТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА С ПРИРОДНОЙ СРЕДОЙ**

Проблемы экологии относятся к числу наиболее актуальных, значение их возрастает год от года. Множится число техногенных катастроф. События второй половины XX века наглядно показали, насколько небезопасен технический прогресс: более половины (56%) крупнейших техногенных катастроф в мире разразилось в течение последних десятилетий. Возрос их разрушительный эффект: 47% погибших и 40% от общего числа раненных во время этих катастроф приходится на конец столетия. Средства массовой информации развертывают перед своими читателями и зрителями все более страшные сценарии Апокалипсиса. Становится очевидным: от того, какими способами будут решаться вставшие во весь свой грозный рост задачи сохранения окружающей среды, зависит само продолжение жизни на нашей прекрасной планете Земля.

Одна из форм поиска способов разрешения экологических проблем – обращение к опыту предков, которые умели использовать для жизни освоенное ими пространство, не нанося ощутимого урона и вреда окружающей среде, передавая ее богатства от поколения к поколению почти в неизменном виде. Мало того, они умели благоговеть перед ее величием Природой как перед сокровищницей богатств не только материальных, но и духовных, черпая в ней сокровенные знания, строя свой мир по ее образу и подобию. Не случайно в последние годы в нашей науке сформировалось особое направление – этноэкология, в основу которой положены два основных понятия: жизнеобеспечение и адаптация. Как полагают исследователи, культура жизнеобеспечения является одной

из наиболее устойчивых составляющих этнической культуры, определяющих уровень адаптационных возможностей этнической группы и ее взаимоотношений с окружающей природной и социально-культурной средой.

Необходимо подчеркнуть, что проблема взаимодействия человека с окружающей его природной средой настолько всеобъемлюща, что пронизывает буквально все, начиная от языка вплоть до особенностей хозяйственной жизни, религии и культуры. Как отмечает А. Ганжа, «многовековой опыт обмена с природой, тесного общения с ней лежит в основе человеческой культуры и цивилизации, их ценностной ориентации. Он определяет и отношения в обществе».

Уже в общеуральскую эпоху люди пытались осмыслить мир, объяснить его происхождение через космогонические мифы. Исследователи, обратившиеся к мифам о начале мира, пришли к заключению, что для уральцев возникновение мира ассоциировалось с возникновением земли. Объяснение его устройства шло через миф о создании земли с помощью водоплавающей птицы (гагары или утки) – демиурга, достающего по приказанию верховного Бога кусочек земли со дна мирового океана. Любопытно отметить, что пермские народы в этой паре водоплавающих, в отличие от обских угров, отдали предпочтение утке, более слабой в искусстве ныряния. Именно утка в декоративно-прикладном искусстве пермских народов стала излюбленным мотивом изображения на ритуальных и бытовых предметах. Разрастаясь, кусочек, добытый уткой, превращается в сушу. Творение земли означало «превращение хаоса в космос, переход

*Работа выполнена в рамках фундаментальной программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Удмуртское крестьянство: нравственные императивы и культура взаимодействия с природной и социальной средой».

от тьмы к свету, от воды к суше, от пустоты к веществу, от бесформенного к оформленному, от разрушения к созиданию».

Следующим этапом творения стало отделение неба от земли – универсальное явление объяснения мироустройства. Дошедшая до нас вариация удмуртского мифа так повествует об этом трагическом акте. Было время, когда небо находилось очень близко от земли. И во время моления люди подарили свои клалы прямо на облака. Но одна женщина оскорбила небо (повесила на небеса грязные пеленки своего ребенка, по другому варианту мифа – положила на облако оскверненный хлеб – М.Г.). И небо, обидевшись, ушло от людей на недостижимую высоту. «Ужас объял людей оттого, что не стало белого, как береста, и чистого, как снег, близкого неба. Бездонная глубина сини над землей веяла леденящим холодом, грозила бедами, от которых не было защиты...».

В осмыслении этого имеющего огромное значение акта выделения человека из природного мира мы наблюдаем почти буквальное совпадения в мифологии народов, отделенных друг от друга миллионами километров и разделенных океанами. Так, в мифе африканского племени йоруба повествуется о том, как старуха толкла в деревянной ступе корни ямса и своим тяжелым пестом несколько раз задела сидевшего рядом на краю неба Бога. В конце концов тот не выдержал и пришел в ярость. В гневе он решил подальше отодвинуть небо от земли и уйти от людей. С этой поры людям самим пришлось заботиться о себе, испытать болезни, узнать смерть.

Множество напоминаний об этом событии рассеяно и в Библии. Африканский Бог и удмуртский *Инмар* превращаются здесь во всемогущего Демидурга; появление смерти среди людей, объясняемое в удмуртском и африканском мифах ссорой людей и влстителя неба, в библейском предании предстает как результат грехопадения Адама и Евы. После того, как Ева нарушила запрет Господа и вкусила от яблока с древа познания добра и зла, сказал Бог Адаму: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься».

Удивительное совпадение африканского и удмуртского мифов об отделении неба от земли с библейским сюжетом об изгнании Адама и Евы из рая свидетельствует об осознании этого акта как трагического явления, результатом которого стали голод, болезни, смерть, так как люди отныне вынуждены заботиться о себе сами. Характерно, что во всех приведенных случаях виновницей трагедии стала женщина, существо в

представлениях древних людей хтонически уязвимое, открытое в определенные периоды для вторжения нечистой силы. В удмуртском мифе женщина, будучи сама не совсем «чистым» существом, оскорбляет небо вдвойне – нечистыми выделениями своего ребенка.

В результате творения земли и отделения неба от нее возникает трихотомическая структурная схема Космоса, включающая три сферы: небесную, земную и подземную. Однако земля продолжала плавать в мировом океане, и удмурты полагали, что она держится на спине огромного быка. Устав держать ее, бык начинает производить движения, отчего и происходят землетрясения. На этом этапе объединяющей выделившиеся три сферы продолжала оставаться вода – мировая река.

Идея мировой реки или «рек Вселенной» нашла образное воплощение в искусстве бронзового литья пермских народов. Как отмечает К.М. Климов, «в древнейшей мифологической картине мира уральских народов основным структурообразующим сюжетом текста является река Вселенной, именно она, текущая с южной, небесной стороны на север, в нижний мир, с соответствующим зооморфным культом представляет собой обрамление на ряде чердынских пластин и плоских декоративных украшениях».

Мировая река отделяла мир живых от мира мертвых. Именно поэтому большинство могильников древних удмуртов располагались на возвышенных склонах у берега реки или ручья, и покойника (кулэм мурт – букв. человека Куля – бога подземного царства) в царство мертвых сопровождала растущая по берегам рек ольха (лулпу). Этот образ реки, являясь устойчивым архетипом коллективного бессознательного, нашел отражение не только в фольклоре, но и в удмуртской литературе XX века. В знаменитой поэме М. Петрова «Италмас» героиня во время свидания предчувствует, «будто ныне навек самый близкий уйдет от нее человек вдаль за тысячу рек». В порыве восторга ее любимый бросается за реку, «где кукушка свое позабыла ку-ку», где «много цветов расцвело золотых...». Предчувствие беды охватывает Италмас: «Что предчувствует бедное сердце ее? Почему ей не верится в счастье свое?». И зловещие предчувствия сбылись: он погиб, переходя реку по шаткому мостику: возвращающегося с другого берега Камаша настигла стрела. Изучая судебные дела XVIII – первой половины XIX века, поражаешься, сколько людей, и не только малых детей, но и взрослых, полных сил мужчин, тонуло в реке: страшным финалом заканчивалось не только купание, но и рыбалка, пе-

реправа с одного берега на другой на лодке. Создается устойчивое представление, что удмурты не учились и не умели плавать в силу сложившегося табу на освоение магического пространства реки.

Вода, ее источники – ручей, родник, река – для удмурта остаются поистине живыми и поныне. Утоляя жажду у родника, удмурт обращался к нему, как к живому, бросая в качестве подношения листочек или травинку («Меня не трогай, не забирай, возьми эту травинку»). Переходя реку, речку или ручей, он обращается к ней: «Мынон сюресэд каньыл мед луоз, мыным вождэ эн потты, тау тыныд монэ утемед, монэ чылкыт воземед понна». («Пусть твой путь будет легким, на меня не сердись, спасибо тебе за то, что меня содержишь в чистоте, мне помогаешь»). Перегораживание реки, строительство мельничной запруды обставлялись целым рядом ритуалов, призванных умиловить Вукузе – духа, хозяина воды, попросить у него прощения за изменение естественного течения реки.

Женщины другого рода (Воршуда), появившиеся в селении в результате свадебного церемониала, непременно представлялись водному источнику: не случайно в свадебный обряд удмуртов входит обязательный поход невесты к роднику за водой. Принесенной с родника водой невеста поит своих новых родственников. (Кстати сказать, пить принесенную с родника воду разрешалось лишь после того, как поверхность воды в ведрах успокоится, перестанет волноваться). Через полгода или год после своего замужества молодая женщина обязательно проходила обряд купания в реке (сялтым басьтон или ичимень пылатон в первый день сенокоса).

К особо почитаемым удмуртами местам относились все водные источники и резервуары, отличающиеся необычными характеристиками: Лек ошмес, Съод ошмес, Тодьы ошмес, Кезьыт ошмес, Быдзьым ошмес и т.д.

Отметим, что несмотря на мифологизированное отношение к воде и ее источникам, удмурты в XVII веке научились использовать силу воды: в удмуртских селениях появились мельницы с наливным колесом, называвшиеся мельницами-мутовками. В XVIII веке их стали вытеснять более производительные мельницы-колотовки. Замена ручного жернова мельницей имела революционное значение. В конце XVIII века в Удмуртии появились и мельницы-лесопилки. Однако в представлениях удмуртского крестьянства рациональное продолжало сочетаться с иррациональным. Мельник был профессией таинственной, связанной с иным миром и потусторонней силой. Мы

не встретили в XVII – первой половине XIX века упоминаний о мельниках из удмуртов, как правило, обязанности мельников на мельницах, принадлежавших удмуртским общинам, выполняли русские крестьяне.

По мере усиления контактов с природой на основе ее преобразования идею мировой реки постепенно заменило мировое, космическое дерево, корни которого символизировали нижний мир, ствол – мир земной, вершина находилась в мире верхнем. Образ мирового дерева, характерный для мифопоэтического сознания, ярко представлен в искусстве древних предков удмуртов и коми-ананьинских племен.

Идеографическое изображение «путешествия шамана в верхний мир» представлено на ритуальной костяной мотыге IV – III вв. до н.э., обнаруженной на Старотаганаевском городище. По трактовке идеограммы, предложенной К.И. Корепановым и М.Ф. Обыденновым, «на ее гладкой вогнутой поверхности вырезано изображение мирового дерева, а на конце правой нижней ветки вырезан гриб – символ шаманского способа достижения экстатического состояния. На левой нижней ветке – схематичная фигура сидящей птицы. Ниже левой ветки выполнены две насечки, которые продолжают выше и влево вверх от фигуры и вместе с нижними составляют семь насечек. Выше «мирового дерева» обозначена схематическая фигура летящей вверх птицы. Место крепления мотыги на ремешке оформлено в виде головы ушастого грифона с обозначением восковицы и разреза клюва. В верхней части клюва вырезан спиральный завиток. На голове резными линиями показаны уши грифона». Исследователи полагают, что голова грифона в композиции олицетворяет небесное божество, возможно, солнце, а вся композиция является иллюстрацией путешествия души шамана в верхний мир.

Последовательность путешествия по данной идеограмме представляется авторами следующим образом: «Шаман, вкусив снадобья из «божественного гриба», растущего на «мировом дереве», совершает камлание перед зрителями-соплеменниками. Затем душа его, превратившись в птицу и вспорхнув на левую ветвь «мирового дерева», начинает перевоплощаться, о чем сообщает участникам шаманской церемонии. Душа-птица шамана разбегается по небесной тверди и оставляет пять следов (всего же с левой стороны «мирового дерева» семь нарезок-следов). Шаман карабкается на дерево с семью зарубками, представляющими семь небесных уровней».

Это представление о многослойности небесного пространства, не зафиксированное

у удмуртов, хорошо сохранилось у обских угров, причем, по убеждению последних, человеческий контакт доходит только до Пятого мира – Верхнего мира или мира Духов-Богов, а с Шестым и Седьмым мирами он был связан лишь опосредованно через Пятый мир.

Отголоски архаического культа мирового дерева до сих пор сохраняются в воззрениях удмуртов: одиноко стоящие деревья, если они к тому же отличаются какими-либо особенными признаками, обладают большой сакральной силой. У таких деревьев время и пространство могли изменять свои характеристики. Образ мирового дерева в орнаментике использовался для вышивки покрывала для головного убора замужней женщины – скульк. Вот как описывает К.М. Климов один из скульков, хранящихся в собрании Будапештского музея этнографии: «Композиция представляет собой рисунок в виде деревьев, растущих из угла платка-покрывала, сходящихся вершинами в его середине, при этом образующих квадрат, который, вероятно, является символом – знаком великого светила». Исследователь отмечает, что сам головной убор айшон с покрывалом с изображением мирового дерева символизировал свод верхнего неба и в концентрированном виде воплощал идею плодородия.

В литературе многократно отмечалось особое отношение к деревьям вообще, которые в традиционном мировоззрении удмуртов были живыми, обладали душой (Лул). Любопытно, что в удмуртском языке любое дерево уподоблялось человеческому роду. Подобно роду, оно имело выжы, динь (корни), подобно почкованию рода, выделявшего ответвления – вай, оно имело ветви (вай). Не случайно родословное древо в схематическом выражении передается через образ дерева с корнями, стволом, ветвями и листочками.

В удмуртском фольклоре сравнение частей тела человека и дерева занимает большое место. Так, в народной песне «Вож бадяр, ой, кадь ик» тело человека сопоставляется с зеленеющей ивой, руки – с ветками сосны, щеки – с алеющей костяницей, глаза – с черными смординками, волосы – с шелковыми волокнами льна, а голос – со звуками поющего чипчиргана. Старение, утрата сил также передается через мир угасающей природы. Срубить дерево в мифологизированном сознании удмурта равнялось попытке убить нечто живое, обладающее душой и подобное человеку. Именно поэтому заготовка леса для жилья и других хозяйственных построек обставлялась целым ритуалом, призванным избежать мести душ срубленных деревьев. Срубая дерево для дров и других надобно-

стей, удмурт непременно просил прощения у души дерева и ссылался на традицию, заведенную не им, а другими поколениями, предками. Магическими действиями, ограждающими от мести деревьев, использованных на строительство, обставлялось и поселение в новом доме.

Следующим этапом в осмыслении пространства стала его организация по сторонам света. Поскольку огромную роль в представлениях древних людей играло солнце – шунды, его восхождение и его «умирание» с уходом с небосклона, оно выступало основным маркером в определении сторон света: восток предки удмуртов обозначили шундыжужанпал, запад – шундыпуксёнпал. Север (уйпал) означал для удмуртов страну ночи (вспомним страну Мрака в повествованиях восточных авторов, в частности, ибн-Фадлана), юг – лымшорпал – от общеп. Lun – день, юг (ср. удм. нунал <лунал – день), луназе – полдень, луназепал – юг, южная сторона. Четыре стороны света создали крест – символ солнца, солярный знак – шундыкирос, на основе креста формировались треугольник, ромб и восьмиконечная звезда – самые распространенные коды удмуртского орнамента. Север стал в удмуртской мифологии, как и в мифологии многих народов, страной мертвых. Археологи отмечают устойчивую ориентацию умерших головой в северном направлении, в пределах колебаний от северо-востока до северо-запада.

В сочетании с трехчастным делением мира по вертикали четыре стороны света обрзовали сакральное число семь – сизьым. Не случайно во всех заговорах и других магических текстах непременно фигурирует семь или семьдесят семь как усиление магической силы.

Сизьымдон но сизьым иськеме асьмеос
но лыктим,

Иськемлы быдэ ику чибориё но юбоез.

За семьдесят и семь верст мы приехали.

На каждой да версте полосатые столбы.

Почти в каждой строчке заговора от порчи, записанного П.М. Богаевским от «Вамьинского туно» – знахаря из д. Вамьи Сарапульского уезда, – звучит цифра 77 (сизьымдон сизьым), ритмически усиливая магическую силу текста, завершающегося заключением: «Всего этого ты не сделал, поэтому не смей прикасаться к этому человеку».

Осваивая окружающее пространство, постепенно расширяя зону жизнеобеспечения, человек разделил его на две сферы: небольшое обжитое людьми ядро и огромный таинственный мир дикой природы, прежде всего – леса, связанный с потусторонним миром,

угрожавший опасностью.

Характерно, что отношение к лесу было двояким не только у финно-угорских народов, но и на средневековом Западе. «Лес был тревожным горизонтом средневекового мира. Лес обступал этот мир, изолировал его и душил. Это была главная граница, ничейная земля, из его страшного «мрака» внезапно появлялись голодные волки, разбойники, рыцари-грабители». Для удмурта лес был, с одной стороны, прибежищем, защищающим его от набегов ушкуйников, прибывающих по Каме и Вятке, в лесную чащу устремлялся он и в стремлении избежать столкновения с миграционными волнами русских крестьян. И позже, в XVIII – XIX веках лес защищал удмурта от притязаний власть имущих.

Наблюдатели быта удмуртов отмечали, что удмурт-охотник идет в лес не столько за добычей, сколько в стремлении компенсировать чувство незащищенности: «Любимое занятие вотяка – звериная охота. Взяв с собой ружье, собаку, трубку с табаком и зимою лыжи, идет он в лес и готов там жить целую неделю. Да, лес родная сторона вотяка, в лесу он свободен, не боится ни русского, ни татарина, ни начальника, он занят своей охотой. Итак вотяк от ловли зверей получает большую прибыль? – спросите Вы. Совсем нет, он бьется о немногом» – писал в 1851 году священник Н. Курочкин.

В то же время при ярко выраженной экстенсивности земледелия, при недостатке удобрений выживание было возможно лишь при непрерывном расширении пашни за счет расчистки леса. Показательно, что расширяя пространство жизнедеятельности, каждая деревня стремилась оставить рядом с селением участок леса, рошу или ряд деревьев, которые олицетворяли собой кусок потустороннего, сакрального пространства, где пространство и время имели другие, нежели в освоенном, профанном мире, характеристики. Здесь, на границе между освоенным и мифологическим пространством удмурты создавали святилища, посвященные хозяевам дикой природы: Нюлэсмурту, Луду (Кереметю).

На этих местах совершались моления от одного до нескольких раз в год. Это были сакральные места, строго оберегаемые, а в период наступления интенсивной христианизации содержащиеся в секрете от посторонних людей, не принадлежащих к членам общины. Исследовательница дохристианских культовых мест удмуртов Н.И. Шутова отмечает: «Ни с одним святилищем не обращались удмурты столь внимательно и с таким почтением, как с Лудом. существовало множество предписаний – не входить на сакральную территорию без дела, а в

праздник – без приношения, не допускать скот, не ломать ветки, не собирать грибы и ягоды. Женщинам и детям вообще не разрешалось заходить туда, даже рекомендовалось держаться подальше от этого места. Ни одно дерево не могло быть срублено в этой роще, чтобы не вызвать гнева обитающего здесь божества. Даже русские и татары, живущие среди удмуртов, были уверены в силе грозного божества». Не удивительно, что на месте таких святилищ, даже если в настоящее время они уже заброшены, чаще, чем на других территориях, встречается более разнообразная растительность, а иногда и представители животного мира.

Мифологическое сознание вело происхождение человеческих сообществ (воршудно-родовых групп) от различных живых существ. Любопытно, что ни одна из групп удмуртов не выбрала тотемом хищника, предпочтя в качестве мифического предка представителей царства пернатых и насекомых: Бия (улитка), Дурга (майский жук), Докъя (глухарь), Жикъя (ронжа, сойка), Занка (водяной жук), Зумья (овод, паут), Кибья (букашка) и т.д. Естественно, что отношение к этим представителям мира птиц и насекомых было достаточно бережным, они были окружены разного рода табу, которым трудно найти рациональное объяснение. В отличие от этих безобидных существ хищники (волк, рысь, лиса, росомаха, ястреб) не имели ореола святости и неприкосновенности и подлежали уничтожению.

Несколько иначе строились отношения с самым крупным хищником удмуртских лесов – медведем. В мифологической традиции финно-угров медведь был некогда сыном верховного бога и младшим братом человека. Удмурты называли его иносказательно бадзым нюня – большой брат или большой человек. Они были совершенно искренне убеждены, что медведь понимает человеческую речь. При внезапной встрече следовало ему сказать: «У тебя, большой человек, своя дорога, у меня своя. Иди своей дорогой, а меня не тронь». Отношения с ним следовало строить по возможности мирно, так как «напугаешь медведя или убьешь одного – другие об этом узнают и обязательно виновника найдут».

Добыча медведя на охоте сопровождалась ритуалами, призванными умиловить душу зверя. Доставка медведя сопровождалась пальбой из ружей и криками. Как только медведь прибывал в селение, начинался пир в его честь. Охотники извинялись перед ним, пытались представить убийство медведя случайностью, объясняемой неопытностью «молодых», перенести вину на собак: «Старый дедушка, не сердись на нас. Моло-

дые ненароком убили. Молодые не тебя искали, да из-за собак ошиблись, ненароком тебя убили». Детально разработанный ритуал медвежьего праздника у обских угров, длившийся в зависимости от пола убитого медведя от четырех до пяти дней, у земледельческих народов в какой-то мере был перенесен на домашних животных. У удмуртов заклание домашних животных и птиц сопровождалось просьбами о прощении. Пожилые люди просили душу животного не сердиться, говоря, что не ими, а древними предками это установлено.

Зарождавшееся общество постепенно противопоставляло себя природе, выход из состояния дикости ознаменовал осознание людьми своей особенности, своего отличия от дикого мира. Олицетворением природы в сознании людей стал Бог неба. Отношение к водоплавающей птице (гусям, уткам, лебедям и другим), которые являлись медиаторами – посредниками между мифологическим и реальным пространством, – продолжало оставаться трепетным. Утка и гусь являлись самыми распространенными жертвенными животными, приносимыми богам около реки или родника, считались самыми желанными посланниками к богам. Самые же заветные чаяния удмурты отправляли к Инмару с лебедями. Последние должны были донести пожелания и чаяния людей в верховье реки, где размещался Бог. Это отношение распространялось и на перелетных птиц, ежегодно улетающих на юг, в царство богов-покровителей. Их нельзя было ни в коем случае убивать, а во время полета запрещалось даже пересчитывать, дабы случайным воздействием не сбить с божественного пути. Таким же обходительным было отношение к обитателям водоемов и болотных мест. Удмурты категорически запрещали убивать земноводных, ведь они соединяли земной, реальный мир с подземным, сакральным миром.

В результате долгой и сложной эволюции мифологическая вселенная в образе животного начинает уступать место антропоморфному космосу. Человеческий облик обретают не только боги и духи, но и все мироздание в целом. Как известно, становление культуры началось с осмысления места человека в природе. Человек осознавал себя частицей природы до такой степени, что стал «мерой» многих природных явлений и вещей. Как свидетельствует удмуртская легенда, Бог (Инмар) вылепил человека из глины. И действительно, удмуртское «мугор» буквально значит «полость, вылепленная из земли». В то же время телом обладают многие природные явления. Небесный свод – это «ингур», у неба, как у человека, есть лик – «бам, ин-

бам», ликом обладают и горы – «гурезьбам», и сама земля, косогоры, откосы и склоны на которой называются «бамал». Нос (ныр) человека используется для обозначения вытянутых в длину участков: суши, окруженной речной водой – «нырок», леса, выдающегося в поле, – «нюлэс ныр» и т.д.

Многие природные объекты обладают глазами – «син»: ошмесин – родник, источник, то, что, как и глаз человека, источает влагу. В коми языке сохранились общепермские мусин – окно на болоте, трясине; васин – ключ, бьющий на дне озера или реки; сылсин – полынья, незамерзающее место на болоте. Глаз – это солнце на лице человека, окно в мир и в самого человека. Наиболее значимыми на лице удмурта являются рот и нос, не случайно именно они создают представление о его облике – ымныре. Мир он воспринимает не только глазами, которые дают возможность примечать «синйылтын», любоваться «синмаськыны, адзьынь» (от допермского *snc a-, где тоже просматривается корень син). Человек и небесные, природные объекты, такие значимые, как солнце, луна, огонь, испускают лучи – си, «сияют» (шундыси, тылси, йырси).

Как известно, у многих народов человек стал мерой всего и в буквальном смысле слова. В основе системы измерения лежали элементарные движения человека и части его тела. К самым распространенным мерам длины относились шаг (вамыш), локоть (гырпум), пядь (вись), ладонь (кикур), маховая сажень (сыл, сул), косая сажень (сузьмон). За длину локтя брали расстояние от локтевого сустава до концов вытянутых пальцев, пяди – расстояние между большим и указательным пальцем (малая пядь) или между большим пальцем и мизинцем (большая пядь). Под маховой саженью имелась в виду длина размаха рук по линии плеч, под косой саженью – расстояние от ног до пальцев вытянутой вверх руки.

Стремление к властвованию над природой, характерное для христианства и воспринятое в качестве этнической доминанты некоторыми финно-угорскими народами, в частности, финнами, было глубоко чуждо для традиционного мироощущения удмуртов. Став в конце XVIII века христианами, по отношению к окружающей природе удмурты остались убежденными язычниками. «Не навреди», «не убий» – таковы были главные принципы отношения удмуртского крестьянина к природной среде.

В этом смысле экологическое сознание удмуртского общества находит прямые параллели в культурах и религиозных системах Востока: в китайском даосизме, японском синтоизме, индийском джайнизме. «Причи-

нение вреда земле подобно избиению, ранению и убийству слепого. Зная это, человек не должен грешить против земли или позволять другим делать это. Много душ населяет воду. Поистине, вода – жива... Человек, который воздерживается от причинения вреда даже ветру, знает о страданиях всех живых существ» – таковы, к примеру, некоторые догмы индийского джайнизма.

Вселенная для удмурта – гармонизированная, сбалансированная среда. Все природные стихии и явления имеют душу, человек должен стремиться к минимизации своего вторжения в эту среду мирового порядка, брать от природы только самое необходимое и брать с благодарностью и небезвозмездно.

Связь между живыми созданиями на земле и мирами Вселенной в представлениях удмуртов обеспечивала человеку энергия «ви», которая присутствует везде и представляет всеобщую закономерность развития мира. Конечно, понятие об энергетике не артикулировалось в повседневной жизни удмуртского крестьянина, но удмуртский язык сохранил и донес до нас этот древний корень «ви», в котором сжаты, скручены воедино и время, и пространство: ви – время, ~ визэ шедьтыны 1) найти подходящий момент 2) не упустить время); одновременно вис – промежуток в пространстве, промежуток, грань, межа; виснумыр – бесконечность; визыл – стрежень, стремнина, пережат. Действительно, исследователи отмечают, что в сознании древних людей время и пространство дифференцировались слабо, отсюда повсеместно распространенная практика измерения расстояний днями пути.

В то же время корень «ви» входит в основу целого гнезда слов, обозначающих жизненную силу, энергию жизни: ви – нерв; вир – кровь, вирву – плазма крови; вирсэр – вена, артерия, кровеносный сосуд; езви – сустав, визь – ум, разум, сообразительность, виым – мозг и др. Эту же основу «ви» имеют слова, несущие смысл лишения жизни, уменьшения жизненной силы, энергии: висён – болезнь; виён – лишение жизни, убийство. Нельзя не обратить внимание на совпадение удмуртского корня «ви» и основы латинских слов витальность, витальный, означающих жизненность, жизненный. Таким образом,

«ви» – это универсальная субстанция, из которой состоит жизнь и все живое, подобное китайскому дао.

Умение управлять энергией, присущее в древности всем людям, жившим в неразрывном единстве с Природой и Космосом, впоследствии сохранили только колдуны и знахари, использовавшие свои знания в лечебной и вредоносной магии. В то же время во многих ритуалах, смысл которых уже утрачен, на эмпирическом уровне сохранялось это стремление учитывать воздействие энергии, объединявшей человека с природным миром и с целой вселенной. (Здесь нельзя не отметить, что эзотерические знания удмуртов во многом уже утрачены, и даже те, которые продолжают бытовать, остаются не зафиксированными). Способом управления энергией «ви» было проговаривание вслух и про себя магических текстов и совершение определенных действий (круговые действия рукой при помешивании лечебного напитка, руки, воздетые к небу, при произнесении куриськонов и др.)

Не вызывает сомнений, что удмурты учитывали энергетiku, «витальность» пространства при выборе мест для поселения. По преданиям, при массовых переселениях они основывали свои святилища там, где останавливался жертвенный бык. Отселение починка из основного поселения тоже оставлялось ритуалом.

Вот как описывает возникновение села Бураново Г.Е. Верещагин. Желаящие выселиться из деревни Сизьгурт для разведки места нового селения, посоветовавшись с ворожжом, выбрали трех уполномоченных. Туно указал им бурановскую сторону, куда они и направились, предварительно помолвившись и принеся жертву. Они дошли до ключа с целебной водой и намеревались здесь остановиться, но решили выяснить, «не свистит ли где сердцевина дерева?». Гадание завершилось неудачей, так как слушающий упал с дерева и ушибся, поэтому разведчики направились дальше и выбрали территорию у истоков речки Сарапулки. Вернувшись домой, посланники расхвалили выбранные места, и через некоторое время там стали строиться. Туно указал места для святилищ и для моления Керемету, и таким образом начало Бураново было заложено.

(Продолжение в следующем номере)

ИСТОРИЯ

Николай МИТЮКОВ

доктор технических наук,
профессор Камского института
гуманитарных
и инженерных технологий

*К столетию со дня рождения
Екатерины Поликарповны Коптевой*

БАБА КАТЯ

Сколько раз мне доводилось писать в школе сочинения на тему «Ими гордится страна», тщательно выбирая и подготавливая материалы об очередной выдающейся личности. В старших классах во время подготовки к выпускным и приемным сочинениям я понял, что надо подобрать одну универсальную кандидатуру, способную «закрыть» «российскую» и «местную» составляющую указанной темы: что-то вроде «Выдающиеся земляки». Пришлось буквально проштудировать биографию Калашникова, чтобы подойти к будущему сочинению во всеоружии. Лишь спустя многие годы я осознал, что за подобными темами не надо было далеко идти. Воистину был прав классик: героическое – рядом.

Действительно, жизнь в нашей стране в первой половине прошлого века была настоящим подвигом. И для меня в центре всех этих военно-революционных вихрей неизменно стоит фигура моей бабушки – Екатерины Поликарповны Коптевой, родившейся сто лет назад.

Воспитанный в атеистической среде, я, увидев ее нателный крестик, как-то спросил: «Баба, а ты разве скорая помощь?». Она мне не без смеха ответила, что конечно, «скорая помощь». Казалось, ее большие и сильные руки – самое надежное место на земле, именно там я находил утешение от неурядиц мальчишеской жизни. А ее поистине бескрайняя любовь и доброта казались просто неисчерпаемыми.

Прошли годы, и чем больше я узнавал о реалиях той эпохи, тем сильнее во мне росло восхищение этой личностью. Дочь врага народа, оставшаяся вдовой в тридцать с небольшим с четырьмя детьми на руках, она не только не потеряла веру в Бога и доброту, но и пронесла ее через все испытания, передав своим детям, в том числе, – и моей матери.

Законы историко-биографического жанра требуют начать повествование так: «7 декабря 1910 года в деревне Сидоровы горы, что на берегу Камы, в семье Поликарпа Лаврентьевича и Гликерии Егоровны Дерюшевых родилась дочь, которую назвали Катериной». Но мне хотелось бы отойти от сложившейся традиции хотя бы потому, что день рождения бабы Кати никто не знает. В общине староверов, к которой принадлежала семья Дерюшевых, дату рождения не фиксировали, так что в выданные позднее паспорта вписывали именины. Поэтому мы и праздновали день рождения бабы Кати в день великомученицы Екатерины.

Начать свой рассказ мне бы хотелось с того, что «еще до войны», империалистической, разумеется, встретились на военных сборах два моих прадеда: Поликарп Лаврентьевич и Иван Васильевич. Именно в армии они и сдружились, причем настолько, что решили поженить своих детей, Катерину и Якова.

С точки зрения нынешней морали подобное решение кажется диким, ведь обоим ребятишкам тогда было от роду несколько годиков. Но, взглядываясь в лица своих современников, «сходивших замуж», поневоле задумаешься о разумности мироустройства. Наши предки, приняв решение о браке (а церковь разводы крайне не приветствовала), поневоле должны были взвешивать все «за» и «против». И уж поверьте на слово, в лучших традициях евгеники до сих пор потомки староверов выделяются статным видом и незаурядным умом.

В нашей семье ходила шутка, что этим шагом Иван Васильевич, человек роста ниже среднего в сравнении с двухметровым богатырем Поликарпом Лаврентьевичем, решил «подкорректировать» своих потомков. Так что взглядываясь в свадебную фотографию своих бабки и деда, висевшую в крас-

ном углу, я поневоле всегда задавался вопросом, почему баба возвышается над дедом почти на голову.

Мой прадед Поликарп Лаврентьевич Дерюшев, несмотря на свою силу, был человек прямой, что в конечном итоге и предопределило колымский период его биографии. Отбыв полный срок в ГУЛАГе, он вернулся домой в конце сороковых без права проживания в крупных городах разуверовавшимся, с совершенно подорванным здоровьем. Рассказывали про него, что там, на каторге, не потерял он своего лица, а поскольку политические и уголовники содержались вместе, спас он как-то от зеков невинно репрессированного попа, за что тот заранее простил ему все грехи. Еще рассказывали, что дед, имея за плечами лишь церковноприходскую школу, мог в уме умножать и делить большие числа. Буквально за несколько часов до его смерти к нему зашла соседка, задумавшая продавать поросенка, и он ей с точностью калькулятора назвал суммы, которые она сможет получить при разных ценах на мясо.

Иван Васильевич Копотев, мой прадед по дедовской линии, представлял собой тип мужика с хозяйской жилкой. Когда в конце 20-х его назначили председателем колхоза в деревне Кудрино, он объединил всех справных мужиков округа, незамедлительно выведя колхоз в число передовых. Именно Иван Васильевич открыл производство в деревне черепицы, и те самые черепичные крыши до сих пор можно увидеть на некоторых строениях в Кудрино. Когда в деревню прибыла какая-то высокая комиссия, проверявшая, как идет коллективизация сельского хозяйства, положение дел в этой небольшой староверческой деревне удивило ее. Прадед лишился своей должности, которую занял один из местных бедняков, — из тех, кого он и близко не подпускал к колхозу. Понимая, что именно за этим «разжалованием» должно последовать, Иван Васильевич взял подмышку швейную машинку и отправился в Сибирь «овчинничать»: так в то время называли «бизнес» по пошиву тулупов из овчины. Домой прадед вернулся лишь несколько лет спустя, когда план по репрессированным местными органами уже с успехом выполнили.

И род Копотевых, и род Дерюшевых произошел из староверов, бежавших из центральной России в «осьмнадцатом» веке. Копотевы приняли свое фамильное прозвище, занимаясь пережогом древесины по заказу Ижевских заводов, получая древесный уголь (от слова «копоть, прокопченный»). Практически все Копотевы своими корнями выходят из деревень в округе Кудрино, а потому при выяснении родословной легко находят общие родственники.

Екатерина Поликарповна Копотева.

А вот с Дерюшевыми не так все просто. Они, как я уже говорил, принадлежат к потомкам староверов, занимавшихся «дерюжничеством», то есть производством холстины. Но точно знаю, что такую же фамилию носят потомки оставшегося в России после войны 1812 года француза де Рюша.

Семья благополучно пережила революцию и гражданскую войну, первым испытанием для нее стало раскулачивание. Получив в начальной школе азы политвоспитания, я начал приставать к бабке Гликерии с просьбой рассказать о классовой борьбе в их деревне. Но она все не могла взять в толк, о каких бедняках я говорю. В ее понимании хозяйство могло быть либо справным, либо нет, а бедняками были те, кто не хотел вести хозяйство, или пьяницы. Разговора тогда не получилось.

Переселили ее многодетную семью в бывшую баню, а их избу отдали такой же многодетной семье какого-то местного босняка. Спустя некоторое время тот бедняк на пропой содрал железо с крыши так легко доставшегося ему дома.

Но и в бане не задержалась семья. Вскоре

пришла очередная разрядка, и все: отец, мать и ребятишки мал мала меньше – отправились «на выселки» как классово чуждый элемент. Под весьма политкорректным термином «выселки» скрывался акт геноцида против собственного народа, к сожалению, до сих пор толком не освещенный ни в литературе, ни в кино. Был еще придуман термин «расходный материал» – именно таким «материалом» и стала семья моей бабушки.

Множество семей бывших середняков просто погрузили в эшелоны и отправили за полярный Урал умирать. Нет, на бумаге все обстояло даже радужно: им лишь надлежало построить новое хозяйство в местах, где они не будут оказывать тлетворное влияние на бывшее батрацкое население своих деревень. Но фактически всех просто выгрузили посередь зимы в чистом поле. Эта зима стала роковой для практически всех моих двоюродных дедушек и бабушек.

Детей у Гликерии Егоровны и Поликарпа Лаврентьевича было то ли восемь, то ли девять – никто их не считал. Бабка Гликерия вспоминала, что один из детей умер, объевшись горошницы. Все взрослые на работах, вот и приходилось следить за ребятишками немощным старухам да братьям и сестрам, которые были чуть постарше. Скормленная по недосмотру горошница стала для меня символом не чьей-то халатности, а трагедии всей нации. Выжили в итоге лишь старшие: Катерина и младший Иосиф.

Но человек может ко всему привыкнуть. Сперва кто помоложе, а потом и старшее поколение потянулось с выселок правдами-неправдами обратно. Из рассказов матери я знаю, что сперва убежали в свои родные края Катерина с Иосифом, а через несколько лет туда перебрались и их родители. Но, видно, не смог простой и прямолинейный Поликарп Лаврентьевич ужиться с новыми односельчанами, и за побег из мест выселения получил он от советской власти приговор на полный срок. Мать, помнится, говорила, что, по мнению деда, «стукнул» на него кто-то из его родных братьев.

Непонятно, связано ли было дело отца с делом сына, но примерно в это же время отправили и Иосифа в «трудовую армию». Уж не знаю, что это была за армия такая, но дед-кока, как мы звали Иосифа Поликарповича, вспоминая о ней, отзывался, что была она хуже каторги. И должен он был там сгинуть, превратиться в «лагерную пыль», но Екатерина Поликарповна совершила то, что можно назвать настоящим подвигом. Неизвестно какими путями, – сама она, понятное дело, об этом не вспоминала, а больше никто и не знал, – смогла выхлопотать умиравшего брата у начальства. Да и выходила его.

Тем временем, как и уготовано было, сыграли свадьбу бабы Кати и деда Яши. В 1932 году у них родились старший сын Евгений, потом Фёдор с Ульяной. А в начале 1941 года Якова Ивановича забрали на сборы.

Много сейчас пишут о том, кто на кого хотел напасть, то ли Сталин на Гитлера, то ли Гитлер на Сталина. Но сам факт, что дед мой был призван еще до войны и вовсе не на срочную службу, говорит о многом. Несмотря на многодетность, отметился он и на финской войне. Дядя Женя вспоминал, что привез он домой трофейный рюкзак с множеством карманов, и баба Катя, постепенно отрезая их, делала школьные сумки для своих детей.

Первое и последнее письмо дед написал в середине июня, еще до войны. И писал он там о предстоящей войне, представляя ее совсем в ином свете, чем было принято, дескать, финнов разбили и немцев разобьем, как поется в песне, «малой кровью, могучим ударом». А дальше дед просто пропал. После войны говорили, что встречали его в немецком лагере, но баба Катя сразу сказала: нет, умер он, если был бы жив, с детьми бы не бросил. Незадолго до смерти баба Катя мечтала: «Эх, был бы Яша жив, взглянул бы на детей, какими стали!». Но не было так судьбой уготовано...

8 сентября 1941 года родилась самая младшая дочь, Наталья, моя мать. Так что отца она не только не помнила – просто не могла его видеть.

По обрывкам воспоминаний я могу судить, как хлебнула семья лиха. Баба Катя могла рассчитывать лишь на себя: отец в лагерях, брат Иосиф, также призванный на фронт, вернулся калекой после месяца войны на Волховском фронте. Она не гнушалась никакой работы. Хотя официально батрачество было ликвидировано после революции, нанималась она в батраки. Отбавив положенное, шла на выделенный ей для покоса участок. Еще с довоенного времени была у нас корова, ставшая по настоящему Коровушкой-матушкой, как в сказке говорится. Каждый день разносила баба Катя надоенное молоко по постоянным адресам: это был приработок. И свои ребятишки всегда были с молоком. Но, к сожалению, войну не пережила она из дочерей – от скарлатины умерла Ульяна. А когда старший сын Евгений поступил в техникум, его стипендия стала существенным подспорьем для семьи.

Вспоминая лихую военную годину, баба Катя рассказывала не о пережитых трудностях, а о небольших радостях, иногда выпадавших на их долю: о чуде доставшихся чуть подгоревших булочках, которых впервые удалось поесть досыта, о сделанных по

Баба Катя с дедом Яшей незадолго до войны.

случаю какого-то праздника пельменях и, конечно, как учила чтению одного из ребятшек. Показывая на картинку, просила называть написанные буквы, и сын называл: «д», «о», «м». На вопрос, что же получилось, тот, тыча пальчиком в рисунок, отвечал: «Имба!». Баба Катя имела лишь три класса образования. Поступив в школу, я очень хотел побыстрее закончить третий класс, чтобы стать «умнее бабы». Впрочем, она и не возражала. Именно она настояла на том, чтобы все ее дети после окончания школ и техникумов закончили и институты.

А еще любила она читать. До сих пор стоит перед глазами картина: трещат в печке поленья, в трубе гудит ветер, а баба Катя читает: «В трубе сердито ветер злой поет...». И поневоле представляешь ее в роли той самой «бабушки седой» из стихотворения. А себя ощущаешь только что скатившимся с горки «кубарем в сугроб», вон и куртка со штанами, еще мокрые, сушатся на печке...

Цифра 67 стала роковой для нашей семьи. В этом возрасте ушли дед Иосиф Поликарпович, моя мать Наталья Яковлевна.

В 67 лет умерла и баба Катя. Я хорошо помню эту на редкость холодную зиму, когда краска на трамваях, не рассчитанная на такие температуры, облупилась, и они потом до лета ездили облупленные, словно разноцветные леопарды. В эту же зиму

у нас померзли практически все яблони, и весной их пришлось корчевать. А еще вспоминается холодный дом, потому что от обилия посетителей в самый мороз дверь практически не закрывалась. Но поскольку друзей и знакомых у бабы Кати было много, в доме было еще и душно. Больше сочетания «холодно и душно» я в жизни своей не встречал...

Когда подрос, я задал матери вопрос, ответ на который долгое время сам не мог найти: почему человек, искренне верующий, придерживающийся всех постов, совершающий каждый

день в условленное время молитвы, никогда не снимающий платок... Почему баба Катя не настояла на том, чтобы крестили ее внука, то есть меня? И мать ответила, что уж такая была баба Катя. Ведь и родители мои жили не венчанные. Но не пошла Екатерина Поликарповна «со своим уставом в чужой монастырь», полагая, что молодые сами разберутся с тем, что следует делать, а что нет.

Я говорил уже, что прадед Поликарп Лаврентьевич, вернувшись из сталинских лагерей, разочаровался в религии. На вопросы жены он неизменно отвечал: «Где он, этот Бог, если позволил лагеря?».

Одно знаю твердо: ходатайствовать о реабилитации прадеда мы не будем. То, что невиновен он был, мы в семье знаем. А кому поверят мои дети в вопросе виновности-невиновности прадеда, мне или государству, – вопрос риторический.

Наверное, все-таки есть на свете Бог хотя бы потому, что искупил в своих страданиях прадед грехи – если не свои, то чужие. Точно так же, вольно или невольно, взяла и баба Катя наши грехи на свою душу, поскольку отпеть ее в церкви при невенчанных детях и некрещеных внуках не позволили. Именно тогда я впервые задумался о том, кто более прав в жизни: тот, кто постоянно грешит и потом кается в церкви, или невоцерковленный человек, живущий по совести...

Светлана СКОПКАРЁВА

литературовед,
кандидат филологических наук,
проректор ИПК и ПРО
Удмуртской Республики

*Посвящается памяти моего деда,
Тимофея Николаевича Пряженникова*

«...И, КАК РУДА, ПОЖЕРТВОВАТЬ СОБОЙ»

Нет ни одной семьи, в которой бы не было участника Великой Отечественной войны. Эти трагические события обрушились на долю поколения, сформировавшегося в непростые предвоенные десятилетия. Ему предстояло одержать Победу в битве с фашизмом. Удалось ему это только потому, что оно, поколение наших дедов и отцов, было одержимо идеей справедливости и верой в незыблемость идей социалистического строя.

Сегодняшнему поколению, не имеющему четких нравственных устоев, с потребительскими установками на жизнь, зачастую не готовому, а порой и не желающему вкладывать свою энергию в какое-либо дело, нравственные устои старшего поколения могут казаться устаревшими. Настораживает тот факт, что Великая Отечественная, значительно отдаленная по времени, уже не представляется им событием, потребовавшим колоссальных человеческих ресурсов, затраченных на Победу. Не может не волновать и нарочитое искажение исторических фактов, когда Победа над фашизмом приписывается другим государствам.

Переписывая историю, ученые и политики безжалостно отказываются от прошлого. На наших глазах происходит невероятное, но очевидное: демонтируются памятники героям Великой войны, герои Советского Союза оказываются на скамье подсудимых (суд над Василием Макаровичем Кононовым в Латвии), бывшие солдаты Отечественной объявляются врагами народа, а бендеровцы возводятся в ранг героев. Оказывается, историю можно переписывать на свой лад. Живя в порубежную эпоху, не перестаешь

удивляться людской вседозволенности.

Только документальные свидетельства могут поведать о том, как это действительно было. Только великое русское слово может сохранить это событие в памяти других поколений, как это удавалось до сих пор нашей многострадальной литературе, которая по-прежнему остается незыблемой святыней гуманистических ценностей великого народа. Это тот оплот, который, вопреки всему, противостоит новым учебникам истории, бессовестным образом искажающим факты Великой Отечественной войны.

Чтобы сохранить правду о войне, о страшной трагедии тех лет, наше поколение обязано рассказать о ней, опираясь на воспоминания тех, кто прошел эту войну. Именно поэтому я хочу рассказать о своем деде Тимофее Николаевиче Пряженникове, 1911 года рождения, уроженце села Лукошино Красногорского района, участнике Великой Отечественной войны. Дед был участником Орловско-Курской битвы, и в моей памяти навсегда запечатлелись его рассказы.

Напомню, что в оборонительных сражениях войска Центрального и Воронежского фронтов (генералы армии К.К. Рокоссовский и Н.Ф. Ватутин) отразили наступление войск армий «Центр» и «Юг» (генерал-фельдмаршалы Х.Г. Клюге и Э. Манштейн), сорвав попытку противника окружить и уничтожить наши войска на Курской дуге. В июле-августе войска Центрального, Воронежского, Степного (генерал-полковник И.С. Конев), Западного (генерал-полковник В.Д. Соколовский), Брянского (генерал-полковник М.М. Попов) и Юго-Западного (генерал армии Р.Я. Малиновский) фронтов

перешли в контрнаступление, разгромили тридцать дивизий противника. Потери наших войск превзошли немецкие и составили 863 тысячи человек, в том числе 254 тысячи – без вести пропавшие.

5 августа 1943 года в Москве впервые за всю войну прозвучал салют в честь войск, освободивших города Орёл, Белгород и Харьков. Орловско-Курская наступательная операция завершила коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны, начатый в Сталинградском сражении.

Вот что из воспоминаний деда об этом событии мне запомнилось. Битва началась на рассвете 5 июля 1943 года и завершилась 23 августа этого же года. Дед рассказывал, какая это была страшная битва. Река, запруженная трупами людей и животных, представляла собой кровавый поток. Земля в буквальном смысле этого слова горела под ногами. На фоне непрерывного шквала пуль, грохота оружия, лязга железа, стонов раненых перемешалось все: земля и небо, люди и кони.

В одном из таких боев деда засыпало землей, и он оказался на дне воронки. Так и остался бы погребенным заживо, но ему повезло: по торчащему из песка сапогу санитары поняли, что произошло, откопали, вовремя оказали помощь. Контузия привела деда к инвалидности, и он был комиссован в тыл на станцию Камышлово Свердловской области, ставшую узловым пунктом по набору новобранцев на фронт. Находясь в трудармии, дед доставлял на фронт боеприпасы. Там он и встретил Победу.

За героические заслуги перед Отечеством мой дед удостоен высоких государственных наград, среди которых самым почетным стал орден Отечественной войны II степени.

В мирные годы он честно трудился в Леспромхозе поселка Игра на должности бригадира. Его труд также был высоко оценен Родиной. Он награжден орденом «Знак По-

Удостоверение к ордену Т.Н. Пряженникова.

чета», удостоен звания «Ветеран Труда», неоднократно избирался депутатом Игринского районного Совета.

Мой дед является родоначальником большой семьи. Вместе с бабушкой Еленой Васильевной (в девичестве Ходыревой), в годы войны бывшей труженицей тыла в Ува-Тукле, они воспитали семерых детей, в том числе – мою маму. Теперь у них четырнадцать внуков и одиннадцать правнуков. Все они – дети и дети детей – стали образованными людьми, получившими признание и уважение. В их числе – крупные руко-

водители бизнес-компаний, юристы, ученые, работники культуры и образования, специалисты нефтяной и лесной отраслей, сферы бытового обслуживания населения.

Хочется сказать несколько слов о бабушкиных братьях Михаиле Васильевиче и Андрее Васильевиче Ходыревых. Михаил отважно сражался под Ленинградом, похоронен на Пискаревском кладбище, навсегда оставшись молодым. Андрей дошел до Берлина, а вернувшись с войны, долгие годы трудился, был награжден орденами и медалями.

Из великого множества таких семейных историй, как наша, может сложиться достоверная картина исторической действительности, которая, пожалуй, будет способна противостоять лжесвидетельствам, искажающим нашу историю в угоду политической конъюнктуры.

22 июня 2011 года в День памяти жертв Великой Отечественной войны наша страна в очередной, семидесятый раз наглядно продемонстрировала всему миру, что мы помним своих героев, – тех, о которых написаны эти строки:

Чтоб стать мужчиной, мало им родиться,
Как стать железом, – мало быть рудой.
Ты должен переплавиться. Разбиться.
И, как руда, пожертвовать собой.

Татьяна ПАРМОН

Заслуженный экономист
Удмуртской Республики,
старейший работник
завода «Редуктор»,
Ветеран труда России

РОДНЫЕ И БЛИЗКИЕ

Мой отец Александр (по-белорусски – Алесь) Павлович Пармон родился 3 сентября 1904 года в семье белорусских крестьян в деревне Костяши Уздемского района Минской области. Самый младший, он в восемь лет лишился отца, оставшись с матерью, двумя старшими братьями Павлом и Игнатием и сестрой Паладей.

Закончив химико-биологический факультет Смоленского педагогического института, работал учителем, а потом директором средней школы Смоленска. Женился на выпускнице математического факультета того же института Ксении Васильевне Аксёновой, моей матери, в 1935 году. Новой семье выделили жилплощадь в помещении средней школы, где оба работали. Незадолго до начала войны в мае 1941-го отец был призван на военную переподготовку, откуда и был мобилизован на фронт.

Уже в июне война докатилась до Смоленской области. Школа, а с ней и квартира были разрушены во время бомбежки. Мать, бабушка и мои старшие братья пятилетний Валера и Митя четырех лет пешком проделали путь длиной в восемьдесят километров, чтобы добраться до деревни Лысовка Смоленской области, где жила сестра моей матери Антонина. У маминой сестры был такой же комплект домочадцев: два мальчика, девочка и пожилая мама – сестра моей бабушки.

21 июля во время обстрела деревни у мамы начались схватки. Для роженицы наскоро выкопали окоп, в котором я и родилась «не ко времени», как сетовала моя тетушка. Так большая семья из двух женщин, двух старух и шести детей мал мала меньше оказалась в зоне оккупации.

Пережили все. Не вернулся с фронта муж тети Тони, бывший председатель колхоза

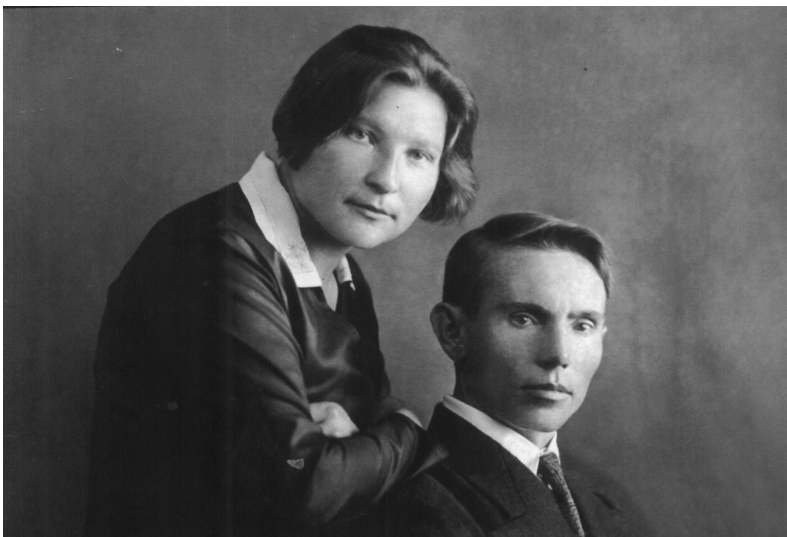
Степан Петрович Андрианов. Он погиб при освобождении Польши за два месяца до Победы и похоронен в братской могиле.

Моя мама рассказывала, как к окопам, где собрались все жители деревни, подошел генерал-лейтенант Качалов – командующий танковой бригадой в отступающей Армии. Он сказал старикам, что окопы вырыты неправильно. Потом мы узнали, что Качалов погиб при отступлении. Один из жителей деревни ночью похоронил генерала, а немцы, не обнаружив тело русского командира, распространили слух, что он добровольно сдался в плен.

После окончания войны, желая восстановить истину, старик неоднократно ходил в военкомат, чтобы рассказать, как он лично хоронил Качалова, погибшего в танке. Но ему приказали молчать. Тем временем семья генерала, вдова и сын, была репрессирована и сослана.

После смерти Сталина старик стал настаивать на перезахоронении генерала и, наконец, добился своего. В 1956 или в 1957 году, точно не помню, в поселке Стодолище, что в пяти километрах от деревни Лысовка, состоялась торжественная церемония перезахоронения останков генерала Качалова в присутствии реабилитированных к тому времени вдовы и взрослого сына.

Я была слишком мала, чтобы удержать в памяти события этого времени. Но, по рассказам моей мамы и тети Тони, время было трудное. Письма с фронта в оккупированную деревню не доходили. В деревне был староста, который грозил моей тетушке, что выдаст нашу семью немцам, потому что мой отец был коммунистом и офицером. В таких случаях немцы обычно расстреливали всю семью вместе с детьми. Но тетя отдавала предателю все лучшее из того скудного про-

Мои отец и мать. Довоенная фотография.

довольствия, которое с трудом удавалось достать, чтобы тот молчал.

Однажды маму вызвали в гестапо. Она простилась со всеми и пошла. На ее счастье в избе, где располагалось гестапо, она встретила бывшего одноклассника: все остальные были на операции. Увидев, что немцы и полицаи возвращаются, знакомый помог маме убежать через окно. Больше немцы ее не тревожили.

В сентябре 1943 года наши войска освободили Смоленщину. Тогда отец впервые приехал в деревню и нашел нас. В деревне остался всего один дом. Отступая, немцы сожгли все. Этот единственный дом спас старик, проявив смекалку и отвагу: немец несколько раз пытался поджечь избу при помощи фитиля, но старик, прятаящийся за углом, каждый раз тушил пламя. Уцелевшие жители построили землянки, а со временем и новые дома.

Вскоре отец вернулся в свою 277-ю стрелковую дивизию 3-го Белорусского фронта. Он продолжал воевать в звании майора, был заместителем командира дивизиона по политчасти. В связи с болезнью был комиссован в августе 1944-го, а впоследствии признан инвалидом первой группы. Лечащий врач порекомендовал ему отложить на время операцию и поселиться в сельской местности: завести корову, есть свежие молочные продукты. Так семья поселилась в поселке Стодолище. Сейчас это Починковский район Смоленской области, через поселок ходят поезда прямого сообщения до Санкт-Петербурга, Риги, Орла, Смоленска, Мариуполя, проходит автомагистраль в Белоруссию.

Родители работали учителями, в течение пяти лет ютась по чужим углам. Свой дом строили долго, потому что не хватало средств. Часто зарплату принуждали вкладывать в облигации. Наконец выдали ссуду

на строительство.

В 1948 году семья переехала в свой новый дом. Это было таким большим счастьем, что запомнилось на всю жизнь. В этом же году я пошла в первый класс. Школа была деревянной и находилась в двух километрах от нашего дома. В руинах до фундамента разрушенной во время войны школы мы устраивали свои игры во время перемен. Новую, настоящую школу построили через четыре года.

В лесах мы, дети, находили снаряды, не обходилось без ранений. Купались в окопах, заполненных водой: близко не было никакой даже маленькой речушки.

В целом о детстве у меня хорошие воспоминания, хотя жилось голодно, не было макаронных изделий, пшеничного хлеба, сыра и уж тем более конфет. Но тогда все так жили. Нас, детей, посылали стоять в хлебные очереди, и хлеб тогда казался необыкновенно вкусным. Через пару лет семье удалось купить корову, как и было рекомендовано отцу. Дом наш был на краю поселка, поэтому пастбище было практически рядом.

К отцу часто приходили фронтовики. Кроме того, с нами в то время жил мамин брат, тоже фронтовик. Нередко они с отцом засиживались далеко за полночь, увлекшись беседами или шахматами.

День Победы был всегда большим праздником. В этот день бывшие фронтовики встречались в парке у памятника генерал-лейтенанту Качалову. В посадке этого парка мы, будучи школьниками, принимали активное участие. 9 мая вся семья слушала по радио голос Левитана, а моя бабушка, маленькая, хрупкая, но удивительно сильная женщина, вырастившая семерых детей и рано овдовевшая, всегда плакала по старшему сыну Павлу, пропавшему без вести в самом начале войны. Он был артиллеристом и, скорее всего, был убит в результате прямого попадания снаряда или авиабомбы.

Моя мама была разносторонне одаренным человеком. Во время оккупации благодаря своим умелым рукам она обшивала людей в обмен на продукты. Несмотря на ее склонность к точным наукам, она была хорошим биологом, и ее огороду многие удивлялись. Она первой освоила выращивание кабачков и патиссонов. Дом всегда был окружен цветами: множество сортов георгинов, флоксы. Во время прогулок она рассказывала мне о мире растений, казалось, она знала название каждой травинки. После войны, когда пришлось гасить денежную ссуду, взятую на строительство дома, несмотря на занятость

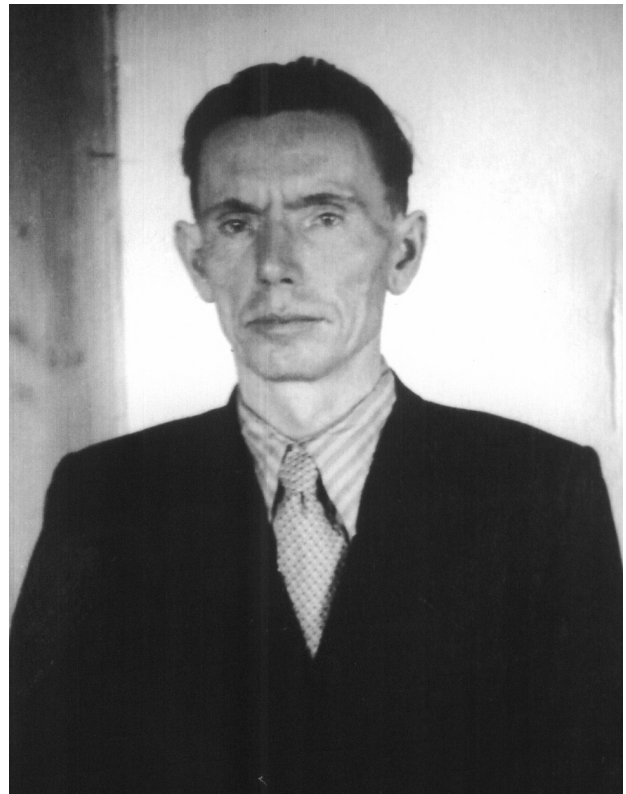
в школе и дома, бесконечные школьные тетради, она умудрялась из старой взрослой одежды шить одежду нам, детям. Первое новое форменное платье мне купили только в 9-м классе. Мама хорошо знала творчество многих писателей, художников и знакомила меня с их произведениями – книгами, картинами, большим подспорьем были выписываемые в семье журналы. Она очень любила смотреть балет. После выхода на пенсию много читала, приносила из библиотеки целые кипы книг. Помогала по математике соседским детям, сшила пальто девочке из бедной многодетной семьи. И все это совершенно безвозмездно. Мою дочь, свою внучку, она благословила на непопулярную тогда профессию психолога, прислав ей по почте вырезку из газеты с перечнем факультетов в университетах.

Тетя Тоня прожила долгую и трудную жизнь. Как вдове председателя, колхоз помог ей построить дом. Она трудилась на колхозных полях, вырастила троих детей, дала им высшее образование. Печально то, что они как дети колхозницы не имели права переехать из деревни. Моя мама долго обивала пороги сельсоветов, военкоматов, чтобы добиться племянникам разрешения на отъезд в город для получения высшего образования.

Запомнилось мне, как во время копки картошки на ее большом участке тетя Тоня очень подробно рассказывала эпизоды военных боев, с большой точностью показывала, где стояли немецкие орудия, откуда шли наши войска, куда отступали немцы. Я до сих пор все это помню! Тогда я в шутку называла ее военным стратегом. А закончилась ее жизнь очень печально. Умерла она в одиночестве в нетопленной избе. Младший сын, живущий с нею, «нашелся» только через неделю после материнских похорон.

Отец работал в школе до семидесяти лет, активно участвовал в партийной жизни школы. Последняя запись в его партбилете датирована мартом 1991 года. Чтобы заработать приличную пенсию, кроме преподавания химии вел уроки обществоведения, что-то вел в интернате и получил «максимальную» пенсию 120 рублей. В то время это были приличные деньги. В 90-е годы отец получил первую группу инвалидности. Как участника войны его с пенсии по старости перевели на ветеранскую пенсию.

В 1965 году после окончания московского

Александр Павлович Пармон – мой отец.

финансового института я приехала в Ижевск по месту жительства мужа. Навещала своих стариков ежегодно, а иногда и несколько раз в год, если приходилось выезжать в командировки в Москву. Старились они у меня на глазах.

В тридцати километрах от поселка Стодолище в городе Рославле жил и трудился мой брат Дмитрий. Вот он часто приезжал к родителям и помогал им по хозяйству, не забывая и тетю Тоню. И она его любила как родного сына. А ее дети жили далеко, в городе Кривой Рог на Украине и приезжали не очень часто. Дмитрий умер рано, не дожив до 53 лет. Старший брат Валерий умер в 50 лет: инфаркт. С тех пор я стала уговаривать родителей переехать в Ижевск. Но они решили, что если кто-то из них умрет, то оставшийся переедет ко мне. Немного успокаивало, что с ними жил их внук.

Мама не дожила до 85 лет две недели. Отец согласился на переезд ко мне только спустя два года. Его военный архив и воспоминания остались в родном доме. Позже я пыталась их разыскать, но безуспешно.

В апреле 1999 года отец внезапно скончался, не дожив полгода до своего 95-летия и полмесяца до Дня Победы, который он намеревался отпраздновать в Стодолище.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Вениамин МОРОЗОВ-БАРИНОВ

прозаик, драматург,
член Союза журналистов России

ПУШКА В ГОРОДЕ

Огромный век военных споров –
Свидетель Славы россиян...
А. Пушкин, лицеист

Известный удмуртский краевед и культуролог Игорь Кобзев в своих работах, посвященных истории края, и будущей книге об Ижевске утверждает, что завод-поселок на Иже – завод железоделателей и оружейников – уникальное место. Но Ижевск, по мнению ученого, к сожалению, теряет свое индустриальное лицо, свой дух города-труженика. Кобзев склонен думать так. А я как обыватель утверждаю, что мы, ижевчане, – «элита», отхватившая лакомый кусок со стола Хлебосола. Мы – это труженики Ижевска, создававшие, создающие славу нашему городу, те, кому суждено работать на нее в будущем. Н.Г. Чернышевский писал: «Будущее светло и прекрасно! Работайте на него. Приближайте его!».

Меня очень заинтересовала судьба дома № 15 по улице Ленина, известного сегодня как Дом композитора. Совсем неподалеку от него, в сквере, красуется великолепный памятник «Пушка» времен Великой Отечественной войны. Есть ли связь между этими культурными объектами?

Дом стоит в городе особняком, выпятив свой запоминающийся фасад на трудовую магистраль бывшего Свято-Михайловского нижнего проспекта, ведущую прямоком к заводу. А не особняк ли это Ивана Логиновича Васильева, сосланного за кружковскую марксистскую работу в Ижевск из Санкт-Петербурга? И не тот ли это Иван Логинович, который был единственным мастером по пиротехническим работам на Ижевском оружейном? И не он ли принимал самое

непосредственное участие в создании и конструировании этой самой «Пушки», которая поставлена красоваться в городском сквере?

По мнению руководителя Российского народного музея школы № 73 Индустриального района Ижевска Р.М. Сохиной, «Пушка» – памятник трудовой доблести и славы жителей всей Удмуртии – поставлен в сквере городского кинотеатра «Дружба» совсем не случайно. Выбор этого места для установки памятника был связан с тем, что Первомайский район в это время был самым большим в городе и по территории, и по численности населения. Из этого района ушло на войну, трудилось на ижевских заводах самое большое число людей – наших братьев и сестер, отцов и матерей, бабушек и дедов. Почти половина ушедших на фронт бойцов, призванных из Первомайского района, полегло на фронтах Великой Отечественной.

Пушка, установленная в сквере, вела огонь по немецким танкам и являлась по тем временам самым результативным артиллерийским оружием, пробивающим мощную броню машин врага. Она была великой труженицей на полях сражений, а создавали ее герои трудового фронта нашей республики...

Гордо шел я нынче в мае с гвардейской георгиевской лентой в петлице на чествование Дня Победы. Есть в моей ненаглядной России такой праздник – праздник примирения и всеобщей радости народа.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Милитина ГАВРИЛОВА-РЕШИТЬКО

публицист, журналист,
Заслуженный работник культуры
Удмуртской Республики

*В этом году исполняется 45 лет
со дня написания
Михаилом Петровым
поэмы «Италмас»,
ставшей классикой
удмуртской литературы*

НЕЗАКАТНОЕ СОЛНЦЕ

Радость как пух невесома,
Тяжести на сердце нет.
Песня плывет через омут
Все дальше и дальше в рассвет.
М. Петров. «Свежие струи»

Знакомство с писателями часто происходит заочно через их книги. Именно так я впервые познакомилась с удмуртским писателем М.П. Петровым.

В послевоенные годы в деревне без радио и электричества не так просто было найти книгу для чтения. Дома у нас было несколько удмуртских книг без обложек. В одной из них были песни, как сказали мне старшие сестры. Я научилась читать еще до школы, и мы с младшей сестрой на свой лад распевали песни из этой книги. Будучи уже школьницей, я узнала, что этот сборник «Удмуртских народных песен» собрал и издал поэт М. Петров. Позже, учась в пединституте, я попросила библиотекаря найти этот сборник, а получив в руки, гладила страницы, читала тексты песен и напевала про себя. Для меня это было свиданием с домом и прошедшим детством. Та книжка маленького формата, песни, напечатанные в ней, и автор, собравший и издавший их, – всегда со мной.

Еще одну книгу, запомнившуюся мне, я получила в четвертом классе. Подарила мне ее старшая сестра – учительница младших классов, работавшая в сорока километрах от дома. Называлась книга «Сильтӧлэн вордэмъёс» («Рожденные бурей»). Может быть, тогда я не все поняла, но роман мне очень понравился. Я не обратила внимания на то, что с русского на удмуртский книгу перевел М. Петров. Именно М.П. Петров познакомил меня с русским писателем Н. Островским,

который в годы моей юности был любимым писателем, а Павка Корчагин – примером для подражания.

На заседании литературного кружка Дебёсского педучилища учительница удмуртского языка и литературы Манефа Михайловна Пономарёва, представительница 300-летней династии учителей, познакомила нас с книгой М.П. Петрова «Перед рассветом». Книга рассказывала о колхозной жизни, о восстановлении разрушенного войной хозяйства. Нам, выходцам из деревни, эта тема была очень близка. Наши родители и мы, дети, были участниками этих событий, а таких героев, как Ким и Марина, видели среди своих деревенских. С удовольствием прочитали книгу и на очередном занятии литературного кружка рассказывали о героях книги и достоинствах произведения. Мы не видели в ней никаких недостатков. Это потом я прочитала статьи критиков о том, что в произведении многовато собраний и заседаний, есть схематичность в показе образа председателя и т.д. Но мы радовались появлению новой удмуртской книги, знакомству с ее автором.

С тех пор прошло много времени. Имя Михаила Петровича Петрова стало широко известно не только в Удмуртии, но и за ее пределами, а его книги занимают почетное место не только в общественных, но и в личных библиотеках. Радуется, что наряду со знаковыми книгами появились новые произведе-

дения писателя, а также книги на удмуртском языке и в переводах, посвященные его жизни и творчеству.

На моей книжной полке рядом с собранием сочинений М.П. Петрова в шести томах, изданным в 1961 году, стоит роман «Старый Мултан», вышедший в 1995 году в переводе с удмуртского автора и А. Дмитриевской с содержательным предисловием Ф. Ермакова. Роман повествует о трагическом периоде жизни удмуртов конца XIX века, о Мултанском деле, названном А.М. Горьким «идиотским мракобесием самодержавной власти». В центре повествования, кроме мултанцев, – видные просветители, юристы, ученые В.Г. Короленко, М.И. Драгин, Н.П. Карачевский, А.Ф. Кони и другие. Эта книга хорошо проиллюстрирована. Она дорога мне еще и тем, что подарена детьми и внуками писателя с автографом: «Гостю собрания «Литературной гостиной», посвященного творчеству классика удмуртской литературы Михаила Петровича Петрова, с наилучшими пожеланиями от детей и внуков Петрова. 24 марта 1999 года».

Любимая читателями и не раз красочно издававшаяся раньше поэма «Италмас» вновь увидела свет на двух языках в 2007 году. Издатель – Благотворительный фонд имени писателя Михаила Петровича Петрова, президентом которого является внук писателя академик Валерий Александрович Никулин. Фонд был учрежден Удмуртским региональным отделением Российской инженерной академии, Камским институтом гуманитарных и инженерных технологий и родственниками М.П. Петрова в ноябре 2005 года в канун столетнего юбилея писателя.

Благодаря фонду проведено немало мероприятий, выпущены книги. В том числе – поэма «Италмас» в прекрасном художественном оформлении правнучки писателя Е.В. Никулиной. В ее рисунках – в облике героев и героинь, в окружающем их пейзаже – чувствуется смелый взгляд на жизнь художницы. Радует, что текст напечатан на удмуртском и русском языках – это важно

Обложка поэмы М. Петрова «Италмас». Художник – Елена Никулина.

для тех, кто забыл язык или начинает изучать его.

В качестве эпиграфов приведено два высказывания. Одно принадлежит венгерскому ученому Петеру Домокошу: «Точный язык, изысканный стиль, умелое использование фольклорных традиций, безусловно, делают «Италмас» одной из лучших удмуртских поэм». Второе – удмуртскому ученому Фоме Ермакову: «Италмас» – самая талантливая поэма М.П. Петрова. Это гимн любви, гимн вечно молодому и красивому чувству, она глубоко эмоциональна».

К этим словам трудно что-то добавить. Скажу только: читаешь поэму, и она запоминается как бы сама собой:

Незапамятный век, незапамятный год,
Средь черемух, что пышно цветут над Валой,
Или там, где смородиной пахнет Вожой,
Близ Чепцы иль Туймы, – неизвестно для нас
В незапамятный день, в незапамятный час
Родилась Италмас.

Поэма как бы вновь родилась благодаря внуку и правнучке М. Петрова, как и другая его поэма, «Наташа», изданная спустя год.

Заслугой Благотворительного фонда является учреждение литературно-художественного и публицистического журнала «Италмас», один из номеров которого посвящен Михаилу Петрову.

Среди читателей популярна книга памяти «Река судьбы» о писателе-фронтовике, участнике Великой Отечественной войны Михаиле Петровиче Петрове, изданная по инициативе семьи писателя при финансовой поддержке Правительства, министерств культуры и национальной политики Удмуртской Республики и акционерного общества «Удмуртнефть». Составитель – член Союза писателей России З.А. Богомолова. В книге наряду с воспоминаниями, статьями о творчестве М.П. Петрова опубликованы его статьи, речи, некоторые архивные материалы.

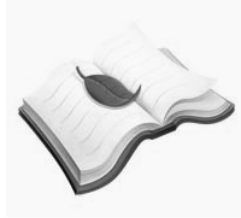
Полка с произведениями М. Петрова и книгами о творчестве писателя постепенно пополняется. И это радует. Перелистываю первый том собрания сочинений:

О, сердце, сердце! Будь бойцом!
Живи, как жило в пекле боя!
Не все, что нужно для людей,
Еще мы сделали с тобою...

Не послушалось сердце. Писатель ушел из жизни рано, на взлете творчества и народного признания. Но живут его поэзия и проза. Они призывают к жизни, они поют о Родине.

...Еду по Сибирскому тракту на празднование юбилея Дебёсского педучилища, проезжаю мимо знаменитого Байгурезя, и вспоминаются строки из стихотворения Михаила Петрова:

Ничего для меня нет на свете родней,
Красоты мне не надо иной.
Байгурезь, как взгляну я с вершины твоей, –
Словно Родина вся предо мной...

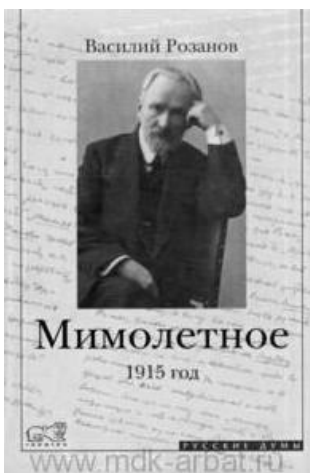

НОВЫЕ КНИГИ

Дональд Бартон Джонсон. Миры и антимирy Владимира Набокова. С.-Петербург: Simposium, 2011.

«В высоком искусстве и чистой науке деталь – это все», – писал Владимир Набоков. Его писательский дар и состоит в умении с математической точностью складывать из деталей сложные узоры, лабиринты и целые миры. Понять геометрию и оценить всю красоту «Приглашения на казнь», «Бледного пламени», «Адъ» и других романов Набокова можно, лишь прибегнув к помощи пронизательного и эрудированного проводника. Таким проводником служит книга Дональда Бартона Джонсона. Д.Бартон Джонсон – почетный профессор Калифорнийского университета, дважды президент Всемирного Набоковского общества, создатель международного интернет-форума набоковедов, ученый, чье имя стоит в ряду крупнейших специалистов по творчеству Владимира Набокова. Его главный труд, содержащий ключи ко многим головоломкам набоковских книг, на русском языке публикуется впервые.

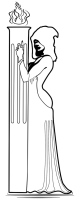
Василий Розанов. Мимолетное. 1915 год. Москва: Скимень. 2011.

В серии «Русские думы» впервые вниманию читателей представлен полный текст книги замечательного русского писателя и мыслителя В.В. Розанова «Мимолетное. 1915 год», выверенный по авторской рукописи и содержащий более 1500 разночтений с ее первым изданием в 1994 году. «Мимолетное. 1915 год» – книга, составленная из уникальных записей в знаменитом розановском жанре «опавших листьев». Перед нами проносятся подлинный «вихрь чувств» великого мистика слова, вбирающий в себя все его излюбленные темы: Христос и христианство, пол, еврейство, русская литература, философия и политика. Одной из важнейших линий книги является страстное обличение поджигателей революции, лидеров экстремистских и псевдорусских изданий. С высоты XXI века очевидна тревога писателя за грядущее России, его боль о судьбах русского народа.

Нина ЕРМОЛАЕВА

публицист, заслуженный журналист
Удмуртской Республики,
член Союза писателей Удмуртии

*Исполнилось 75 лет со дня рождения
удмуртского публициста и прозаика
Петра Чернова*

ЦВЕТОК ДРУЖБЫ ИММОРТЕЛЬ

Чтимый мною день Вознесения Христова в 2009 году пришелся на 28 мая. Пришла из церкви, открыла книгу, мною составленную: «Алексей Ермолаев известный и неизвестный». Хотелось посмотреть, когда она была подписана в печать: для книги это всегда включение зеленого света. Оказалось, 19 января, в день Крещения Христова. В тот день Валентина Николаевна Чернова уговорила меня придти к ней, чтобы вместе почтить этот великий праздник и помянуть ее Петра и моего Алексея.

Зашла в церковь семи царственных мучеников (в их числе Алексей) – ближнюю к дому Черновых, впервые увидела разноцветные, витые, ароматизированные свечи...

Зажгли с Валею свечу посреди трапезного стола. В нише шкафа – последний прижизненный портрет Петра, прямо напротив меня, глаза в глаза. Захотелось погладить его такое бледное на фотографии лицо. Погладила, и мне показалось, что лицо Петра приобрело естественный телесный окрас, а глаза, обращенные внутрь себя, ожили...

Петра Чернова я знаю давно: с осени 1955-го или с весны 1956 года. С московских студенческих лет, с дней дружбы с Алексеем Ермолаевым. Так совпало в нашей жизни. Потом мы работали на одном этаже старого Дома печати на Пастухова, 13. Праздновали свадьбу Петра и Валентины. Были какие-то совместные мероприятия, ощущение духовной общности, одинакового журналистского профессионализма, критической направленности умов. Но все возможное пространство для дружбы в то время занимал Флор Васильев. Когда не стало Флора, Пётр снова приблизился к нам. Хотя заменить Флора уже не мог никто, он остался единственным, неповторимым.

Встречи с Петром Черновым в нашей

квартире были частыми в течение двадцати двух лет, с 1978 по 2000 годы. В книге «Егыт дыр кырзанъёс» – «Песни моей молодости» – он пишет о встречах в нашей квартире хотя бы раз в месяц. Мне кажется, они бывали чаще. Может быть, потому, что визиты Петра Чернова приносили в нашу жизнь свежую струю.

Приходил Пётр Чернов, естественно, ради нужного обоим общения с Алексеем Ермолаевым. А я просто была рядом. После его телефонного звонка и сообщения о приходе, я, если собиралась ехать на огород, снимала с себя рабочее облачение, разгружала рюкзак, – словом, откладывала в долгий ящик любые дела ради того, чтобы поприсутствовать при жаркой, эмоциональной, насыщенной мыслями интереснейшей беседе. Упустить приобщение к ней казалось невозможным и непоправимым.

Они раскрывали друг перед другом свои души, не боясь предательства, зная, что встретят взаимопонимание. Думается, поэтому Пётр Чернов в книге «Отчее гнездовье» (Ижевск, «Удмуртия», 1987) написал такой автограф: «Дорогим Алексею Афанасьевичу, Нине Георгиевне – с огромным уважением к вам и благодарностью вам самим и Богу, что вы есть на земле...». Цитирую из этой книги: «Хотелось досыта наговориться по-удмуртски, унять тоску...»; «Дорогим праздником был вечер, где можно было говорить и мыслить по-удмуртски, жадно и замороженно слушать музыку родного, кровного слова». (Стр. 7); «Сочувствия, сопереживания мучительно хотелось». (Стр. 38). Очевидно, у нас Пётр Чернов находил и то, и другое, мог позволить себе душевно расслабиться, снять оковы партийной дисциплины.

Открываю заново «Отчее гнездовье», зачитываюсь повествованием весь вечер и всю

ночь, пока не прочитана последняя фраза. Буду возвращаться к этой книге еще и еще. Талант ушедшего друга светится в его бессмертных для удмуртских читателей творениях. После Флора Васильева еще один духовный поводырь, которым может гордиться удмуртский народ. Я рада своей пусть очень небольшой сопричастности к его жизни.

В повести «Запоздалая гостья» Пётр Константинович описал наш домик на огороде как дом хи-

рурга Фёдора Юберова. Наверное, критик в литературе в каком-то плане адекватен хирургу в больнице. Для нашего садового домика я привезла купленную в Уве во время командировки старую баню. Собрали ее и гнездовали иногда здесь в летние дни: дачный массив неподалеку от города, как и описывает Пётр Чернов.

Его семья была в реальном с нами соседстве. Помню, писатель пришел в нашу избенку летним днем 1996 года. Разговорились «жадно», как всегда, с Алексеем Ермолаевым. Чтобы московский внук Сеня не мешал мне слушать интересный разговор с необычными суждениями, предложила ему погулять по огороду. Он и «погулял». Вышла, смотрю – глазам не верю. Только что высаженную мной рассаду свеклы, репы, редьки Сеня пересадил по-своему: зеленью в землю, корешками вверх. На мой «странный» смех вышли мужчины и захохотали. Таким веселым аккордом закончился их диалог.

Держится в памяти нерядовым событием 1967 год – год десятилетнего юбилея факультета журналистики МГУ. Наш с Алексеем выпуск 1958 года был вторым, Петра Чернова – третьим. Поначалу было отделение журналистики при филологическом факультете, поэтому мы были востребованы в московских газетах, журналах, издательствах – нас уговаривали остаться в Москве.

На юбилей родного факультета мы поехали втроем: Пётр Чернов, Александр Суксин, ответственный секретарь «Удмуртской правды», и я. После праздничных событий в день

Пётр Константинович Чернов.

отъезда из Москвы я с утра поехала по неудержимо манящему меня адресу – к художнику-удмурту родом из Глазова Константину Михайловичу Лекомцеву. И он, и его жена, художница Наталья Александровна, были удивлены, что кто-то их разыскал из Удмуртии, связь с которой давно потеряна, не хотели отпускать меня. Повторяла и повторяла, что меня в гостинице ждут коллеги, что мы сегодня уезжаем в Ижевск, что надо успеть на поезд.

Обещала приехать к ним с мужем-удмуртом, который им, конечно же, понравится (я выполнила это обещание).

Кое-как вырвавшись из объятий, устремилась из квартиры на набережной Морриса Тореза, они – за мной. Бежала длинным Большим мостом на автобусную остановку, а Константин Михайлович и Наталья Александровна бежали за мной. Снова и снова останавливалась, возвращалась к ним еще раз обняться. Подбежали втроем к остановке, и подошел нужный автобус. Слава богу, еду в Черёмушки!..

Петя Чернов и Саша Суксин стояли на ступенях в общежитие уже с вещами, своими и моими. Петя: «Побегу ловить такси». Я: «Нет, я побегу, перед вами виноватая». И сразу, как по заказу, – свободное такси. Успели вскочить в поезд в последнюю минуту. Милостивая проводница открыла нам комнату, где можно умыться.

Мы с Сашей переобулись в тапочки. А Пете, оказывается, и переобуваться не надо: он из общежития от волнения вышел в тапочках, оставив в комнате ботинки. «Как я пойду по своему городу в тапках?» – сокрушался будущий народный писатель Удмуртии, тогда уже известный журналист и критик. «Так и пойдешь, – смеялись мы. – Встречные знакомые в твое лицо будут смотреть, а не на ноги. А если и увидят нечаянно, что ты в тапках, скажут: «Оригинал этот Пётр Чернов во всем». Петя тоже начал смеяться. Мужчины принесли из вагона-ресторана холодное пиво. Право же, его вкуса

Алексей Афанасьевич Ермолаев.

и удивительного вкуса жизни не почувствовали бы без неожиданного приключения.

Через тридцать три года после того случая позвонила Петру Константиновичу Чернову: «Может, ты решишься опубликовать мою статью в газете «Герд»? Все другие газеты и журналы мне отказали, боятся, что их «расстреляют» сподвижники банкира А.М. Дейкина, одного из «героев» моей статьи». В ответ: «Я сейчас готовлю очередной выпуск газеты. Приходи к нам прямо сейчас. Мы с Валею ждем тебя». Моя статья вышла в газете «Герд» в майском, пятом номере за 2000 год.

Через три месяца Петра Чернова не стало. Поверить в его небытие было невозможно. В апреле он выглядел полным физических и творческих сил, струился оживленный разговор, и смех, и шутки. Удивил нас с Алексеем тем, что поседевшие его волосы стали черными и густыми. «Петя, – восхитилась я, – теперь тебе, такому молодому, жить да жить!». Господи! Сколько можно ошибаться?!

«Никто не может привыкнуть к быстротечности времени. И я не могу», – написал Пётр Чернов в книге «Египт дыр кырзанъёс». Быстротечными оказались двадцать с лишним лет после отвратительной судебной тяжбы против П.К. Чернова, А.А. Ермолаева, С.Н. Виноградова и еще пятерых соавторов статьи «Пора назвать вещи своими именами» в «Удмуртской правде» 30 августа 1990 года,

затеянной неким очень известным деятелем краеведения, архитектуры, церкви и чего-то еще. Суд длился больше шести месяцев. Шесть изматывающих месяцев основательно подорвали здоровье легко ранимых, остро чувствующих неправедность литераторов. Сколько еще лет прожил бы Пётр Чернов, не случись этих шести ужасных месяцев? За эти годы он создал бы, возможно, лучшие свои произведения, которые пополнили бы золотой фонд удмуртской литературы...

Однако и то, что успел написать Пётр Чернов, ставит его в ряд с Кедром Митреем, Григорием Медведевым, Михаилом Коноваловым, Геннадием Красильниковым. Не забудутся и его «яркая публицистика об острых проблемах его современности, очерки активной социальной направленности о передовиках производства, то есть людях и событиях деревенской жизни, газетные и журнальные выступления о культурных и исторических традициях своего народа, о проблемах их развития, о социальных изменениях удмуртской семьи... литературно-критические выступления, всегда страстные и аргументированные, обнаруживающие знание жизни и владение литературным мастерством». Это цитата из рекомендации Алексея Ермолаева Петру Чернову в Союз писателей СССР от 9 января 1978 года. Полностью разделяю это мнение.

Не хочется оставлять за пределами воспоминаний и общественную деятельность Петра Чернова. Он восстановил, поставил «на ноги» газету «Дась лу», став ее главным редактором (ныне «Зечбур»), создал притягательный имидж газете «Комсомолец Удмуртии» и журналу «Молот – Кенеш», в которых работал и публиковался, благословил своим именем газеты «Ватка» и «Герд», немалую роль сыгравшие в решении общественных и социальных проблем, в национальном развитии республики. Активным деятелем был Пётр Чернов в обществе «Удмурт кенеш».

Теперь мы чаще, чем раньше, общаемся с Валентиной Николаевной Черновой и лично, и по телефону, обмениваемся мнениями о разном в жизни общественной и своей. И обязательным рефреном наших разговоров идут воспоминания об ушедших любимых и друзьях, необходимых в нашей жизни, в которой главным ее смыслом стала память о них.

Иммортель – цветочное растение, обладающее удивительной способностью не увядать даже после того, как его сорвали. Или иначе – бессмертник. Иммортель! Это слово звучит как далекая, зовущая музыка. Иммортель! Неувядающий цветок дружбы...

ТЕАТР

Александр БЛИНОВ

режиссер, почетный профессор
Международной Славянской Академии,
лауреат Акции по поддержке
российских театральных инициатив
Совета при президенте РФ
по культуре и искусству

БОРИС ИВАНОВИЧ РАВЕНСКИХ, КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ И ПОМНЮ

Говорят, большое видится на расстоянии. Согласен. Я не повторял бы эти слова, если бы сам не убедился в сказанном. А сказанное впрямую относится к Борису Ивановичу Равенских.

Будучи студентом Ленинградского театрального института им. Островского, я часто слышал: «Англичане приезжают со спектаклем «Гамлет», Майкл Редгрейв – Гамлет». И мы, студенты, летим в ДК Промкооперации (сейчас это ДК им. Ленсовета), ищем любую возможность, чтобы проникнуть на спектакль. И ведь проникаем. И смотрим. Или: «Приезжает китайский театр». Невесту в спектакле играет семидесятилетний артист Мей Лань Фань. На сцену выходит юная актриса-красавица, влюбляет в себя зал из 2500 человек и исчезает. А мы с открытыми ртами возвращаемся в институт и долго спорим, девушка это была или старик. Питер Брук оглушил нас «Королем Лиром». Ахи и охи не смолкали вплоть до приезда со спектаклем «Май фер леди» американского театра.

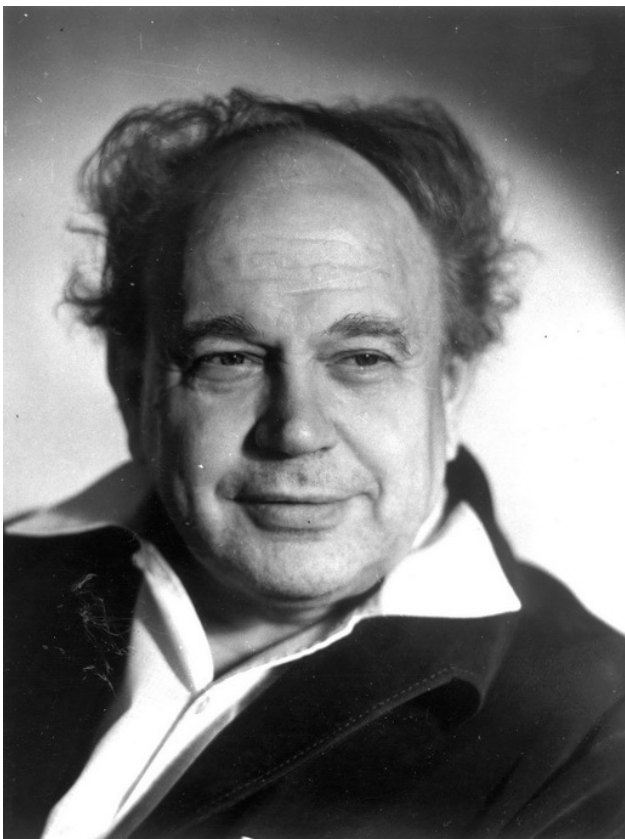
И так волна за волной: Греческий театр, Шекспировский мемориальный, театр Планшона, «Вье Коломбье», поздний спектакль «Ромео и Джульетта» Франко Дзефирелли...

Чем можно было удивить, будем говорить, искушенного студента? Да ничем. Педагог по мастерству актера К.Ф. Степанов-Колосов, пользовавшийся на курсе не-

пререкаемым авторитетом, вдруг заговорил о спектакле «Власть тьмы» в постановке московского режиссера Равенских. Что нам Толстой? Включен в учебную программу. Ну разве только читать не надо будет перед экзаменами. «Пойдем?». – «Не знаю». И все-таки пошли. А мест свободных не оказалось: все 2500 мест заняты. Решили: «Немного посидим и уйдем, не стоять же весь спектакль на ногах».

Начался спектакль. Со сцены повеяло моим родным деревенским домом. Герои одеты так же и обуты в то же. Изба – наша: печь, половики, иконы в углу, ветхие зипуны, лапти, домотканая одежда. Даже ворота такие же – без крыши, чтобы во двор удобно было завозить воз с сеном или снопами. Да как же так? Откуда они, эти москвичи, знают про мой дом, про нашу жизнь? Чего доброго, мой отец выйдет из-под лабаза с бастриком в руках, а увидев меня, еще и окликнет! Я замер. Не заметил, как пролетели четыре с половиной часа, как простоял я весь спектакль на ногах. Опомнился, когда дали свет в зрительный зал. Не заметил, как с Кировского проспекта оказался на Васильевском острове, на Гаванской, на Опочинина в общежитии театрального института, то есть дома.

Прошли годы, а я вижу все так же четко перед глазами от начала и до конца, как и тогда: Никиту, Акулину, Акима, Митрича – и думаю о спектакле. И снова, как в первый раз, начинаю сопереживать, волноваться и

Борис Иванович Равенских.

восхищаться. И даже теперь, когда уже повторно отучился в Ленинграде на режиссерском и много лет сам проработал режиссером-постановщиком, главным режиссером, художественным руководителем, педагогом, артистом в театре и в кино, понимаю, как потряс меня тогда Борис Иванович Равенских.

Роль режиссера мало кто понимает, к сожалению. Не могу не вспомнить давнишний диалог с местным партийным руководителем, кстати, очень неглупым человеком:

– Александр Андреевич, я вижу и понимаю работу артиста. Он произносит текст, выполняет мизансцены в меру таланта. Врезается он в мою память или нет, зависит от артиста, от его дарования. Так?

– Согласен.

– Я понимаю работу художника. По его эскизам делаются декорации. Так?

– Костюмы тоже.

– Понимаю работу композитора, балетмейстера, поэта, в конце концов. Все они заняты делом. Все они создают спектакль, и не важно где: в драме, опере или балете.

– Да. Ну а что вам непонятно?

– А что делает режиссер? И чем он занят? Что он там мешается?

Я не вспомнил бы этот проходной диалог с обкомовским чиновником, если бы не первая моя личная встреча с Борисом Ивановичем Равенских. Каждый год министерство Культуры РФ созывало главных режиссеров и директоров театров России на очередное

репертуарное совещание в Москву. Заодно устраивались встречи с ведущими мэтрами режиссуры: Ю.А. Завадским, Г.А. Товстоноговым, солистом балета Владимиром Васильевым, Сергеем Михалковым и другими. А тут назначили двухчасовую встречу с Б.И. Равенских. Я слышал о нем, а видеть не приходилось, поэтому я отменил свои личные дела и пошел на эту встречу.

В класс вошел мужичок невысокого роста с огромной русопятой головой, совсем не похожий на режиссера в силу сложившегося стереотипа: «высеченный из глыбы» Г.А. Товстоногов, аристократ-красавец Ю.А. Завадский или А.А. Гончаров. Равенских вошел тихо, повернулся лицом к аудитории, опустил глаза вниз, помолчал и тихо, еле слышно заговорил. Вместо двух, он говорил с нами шесть часов. Мы все не попали на запланированные вечерние спектакли и ничуть об этом не пожалели – так блистательно, на едином дыхании пообщался с нами этот чудо-человек.

Оказывается, многих испытаний, нервов и здоровья стоила ему постановка спектакля «Власть тьмы». А мы-то думали: живут люди в столице, катаются, «как сыр в масле»: твори себе да твори, только не ленись.

Веру Николаевну Пашенную Борис Иванович называл «Пашеня». Со слов Бориса Ивановича, «Пашеня» решила избавиться от режиссера Равенских, который порядком надоел ей и вышеупомянутому партийному руководителю. Вере Николаевне показалось, что Равенских мешает ей нормально творить, что он диктатор, что он не считает с ее мнением, сам из себя ничего не представляя. Все это знаменитая актриса подробно изложила на бумаге и отправила в ЦК. В ЦК сидят такие же партийные кормчие, как мой вышеупомянутый собеседник из обкома. Пашенная для них – великая актриса, а Равенских кто? И велено было руководству Малого театра разобраться в такой, мягко говоря, «недружелюбной» ситуации. Борис Иванович предложил худсовету театра постановку «Власти тьмы» по пьесе Л.Н. Толстого. Что можно было ожидать от худсовета? Естественно, последовал отказ.

С трудом Борису Ивановичу удалось убедить руководство в пробах. Театр должен был дать ему неделю, чтобы режиссер поставил фрагмент пьесы и показал его худсовету: «Кощеевы условия». Равенских их принял. Кто не ставил спектакли, поясняя: у театра найдется сто причин, чтобы «объективно завалить» работу режиссера. Борис Иванович раздал роли. В первый же день отпущенной недели актеры, явившись на репетицию, начали интеллигентно «манкировать» процесс. Борис Иванович день промучился, а

репетиция – ни с места. Во вторник за пять минут до репетиции сын Ильинского принес роль и сказал: «Дядя Боря, папа заболел, придти не может, просит вернуть вам роль». В среду отказались еще два актера. И Борису Ивановичу пришлось заменить этих актеров другими. В четверг репетиция с новыми актерами началась с нуля. В пятницу внешний рисунок кое-как удалось выстроить, но актеры – «пустые», сцена неживая, а режиссерское управление уже требует показа не позднее следующего понедельника, естественно, по требованию руководства театра, которое в курсе всех дел и потирает руки. В пятницу Борис Иванович разогнал всех актеров намеченной сцены, взял массовую сцену и весь день, в субботу, строил ее. Неожиданно появилось расписание: просмотр сцен из «Власти тьмы» в понедельник, как и договаривались, в 15 часов, после утренней репетиции.

В понедельник в репетиционном помещении встать было негде – надо же было своими глазами увидеть провал и возрадоваться. Но не тут-то было! Гений за два дня, субботу и воскресенье, так разработал массовую сцену, что хоть сейчас показывай ее на Кремлевской сцене руководству страны. Завершился показ, повисла пауза и... руки друзей и недругов захлопали враз со словами: «Браво! Молодцы!». Судьба постановки решилась как бы сама собой: «Ну, что ты, это же Толстой, тут режиссеру делать нечего, дай актерам роли, и успех обеспечен». Худсовет решил запустить пьесу в работу.

Прошло много лет с тех пор, как я, стоя на ногах четыре с половиной часа, упивался действием и филигранностью актерских работ, и скажу свое мнение: ни до, ни после у народного артиста И. Ильинского я не видел подобной работы как по форме, так и по содержанию. То же самое скажу и о работах М. Жарова, В. Доронина и других актеров, будь то большая роль или эпизодическая. Не зря в Париже, где, видимо, знают толк в работе режиссера, после спектакля зрители на руках перенесли Бориса Ивановича Равенских, И. Ильинского и В. Доронина в кафе и до утра угощали их лучшими французскими напитками. Не зря «Власть тьмы» стал первым валютным спектаклем и имел долгую творческую жизнь.

Прошло время. Нас, режиссеров, снова пригласили на репертуарное совещание в Москву. Желающих посадили в автобус и повезли на мастер-класс в Малый театр «совершенствоваться в репетиционном процессе». Ехали мы в Малый театр в «битком набитом» автобусе, а в раздевалке театра оказались втроем: режиссер Чебоксарского русского театра, режиссер из Элисты и я.

остальные «растворились».

У открытых дверей партера мы остановились – навстречу, с трудом сдерживая смех, «вывалились» несколько актеров, и мы подумали: «Наверное, перерыв». На всякий случай, шагнув в партер, осмотрелись: нет, идет репетиция. За режиссерским столом человек, на сцене несколько актеров. Пришли и слушают режиссера: одни – ближе к правому portalу, другие – за атрибутом декорации «озеро». У самого задника бурно живут своей жизнью актеры, делая вид глубокой заинтересованности в репетиции. Мы поняли, что в театре репетируется тургеневская пьеса, и репетирует ее народный артист СССР Евгений Рубенович Симонов, сын Рубена Николаевича.

Мы сели недалеко от открытой двери партера, где в проходе наблюдал за репетицией десяток актеров разного возраста. Они, развалившись в креслах, шепотом комментировали процесс. Вдруг один из «шептунов», вальяжно сидя в кресле, громко возразил: «Евгений Рубенович, простите меня, если я не прав, но тургеневские мужчины так не подавали дамам руки». Группы возле задника и правого portalа перестали шептаться и повернулись в сторону режиссера. Симонов принял вопрос как должное и минут пятнадцать рассказывал об этике того времени с хорошим знанием эпохи и особенностей личности Тургенева. В это время из группы сидящих в проходе трое встали и направились к выходу из зала, горячо обсуждая прошедшую накануне в Доме кино премьеру фильма Тарковского «Зеркало». Режиссер продолжал свою мысль, два актера, сидящие в центре сцены, слушали. Группы у задника и кулис снова зажили своей жизнью, крайне заинтересованные какой-то своей темой, но не репетицией. Наконец, даже нам надоел этот бедлам, мы встали с мест и вышли в вестибюль. «Кошмар», – произнес режиссер из Элисты...

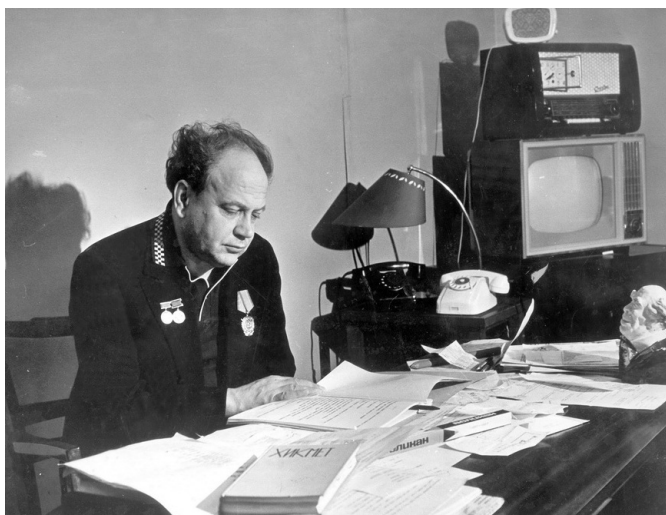
В следующий раз наш автобус остановился у здания Пушкинского театра. Ватага громко хохочущих режиссеров, пересказывающих анекдоты от Юрия Никулина, оказалась возле раздевалки актеров. К нам подошла интеллигентного вида женщина и, приложив палец к губам, попросила: «Пожалуйста, товарищи, тише, идет репетиция». И я, и, мне кажется, остальные подумали: «Ну и что? Мы же в раздевалке и никому не мешаем». Однако для приличия успокоились. Когда все разделись, женщина снова обратилась к нам: «Следуйте за мной». И, ступая на цыпочках, пошла впереди по коридорам, остановилась перед огромным вестибюлем, еще раз приложила палец к губам, и как по минному полю, повела нас че-

рез вестибюль. Остановившись у двери в зрительный зал, сказала: «Я узнаю, можно ли входить». Спустя некоторое время дверь приоткрылась, и женщина, выглянув, чуть слышно прошептала: «Заходим очень тихо, по одному, ищем свободное место и рассаживаемся. Ясно?».

В партере было темно. Зайдя в зал, я долго не мог адаптироваться, наконец, увидев свободное место, бесшумно юркнул туда. Огляделся. В зале сидело более трехсот человек, все смотрели на сцену, где шла репетиция. А где режиссер? Его не было на обычном месте. Репетиция же шла полным ходом. Актеры осваивали станок, бегали по лестнице вверх и вниз, что-то между собой выверяли, уточняли: сцена была похожа на муравейник. Внезапно весь зал, как по команде, встал на ноги, поднял взгляд вверх, к прожекторам – там мелькнула большая светлая голова и исчезла. Я узнал Бориса Ивановича Равенских и обрадовался. Зал аккуратно и бесшумно сел. Я решил пересесть поближе к режиссерскому столу. Едва я успел пересесть, как зал снова встал, и я вместе с ним. В зал к своему столу энергично двигался Равенских, а я уже сидел рядом с его рабочим местом, чем был крайне доволен.

Борис Иванович подошел к своему столу и сел. К нему подошла женщина, попросила план работы и ушла к актерам, а Борис Иванович все свое внимание переключил на сцену – так продолжилась или, точнее, началась уже плановая репетиция. И началось волшебство. Зал замер, замер и я.

Чтобы хоть как-то передать атмосферу репетиции, напомним, как в рассказе Фридриха Дюрренматта пассажирский поезд въезжает в тоннель, начиная набирать скорость. Сначала колеса бьют по рельсам «та-та-та, та-та-та», затем поезд все ускоряет свое движение, мелькающие огни начинают вытягиваться в одну линию, звук колес также вытягивается в одну звуковую линию. И человек, идущий к голове поезда, ощущает такой порыв ветра

Б.И. Равенских в своем рабочем кабинете.

между вагонами, что еле удерживается, схватившись за поручни поезда. А поезд все увеличивает скорость и летит в глубину тоннеля...

Вот так и репетиция у Бориса Ивановича, подобно тому поезду, развивала скорость и летела, а мы в полном удивлении и восхищении наблюдали за ним и его репетицией спектакля «Воскресение в Риме».

Нигде, никогда – ни до, ни после – я не видел подобных репетиций, ни у одного корифея российской сцены как обласканных государством театров, так и забытых этим же государством провинциальных театров-трудяг.

Позже я часто посещал репетиции Бориса Ивановича Равенских, где он каждый раз поражал меня. И своим лексиконом, в том числе, одному ему присущим. Как-то репетировала с ним народная артистка РСФСР Лилия Олимпиевна Гриценко. Из глубины сцены с правой стороны прошла она по диагонали к правому portalу – органично, точно по действию. Вдруг Равенских остановил актрису и воскликнул: «Что ты ползешь по сцене, как беременная вошь?». Актриса не сделала оскорбленного лица, она приняла замечание должным образом: вернулась на прежнюю позицию, скорректировалась и продолжила репетицию.

Я поставил себя на ее место: я бы потерял дар речи. Но это я. А если вдуматься? Как образно, немногословно, а главное, точно сделано замечание! Так Борис Иванович репетировал с каждым своим любимым актером: Носиком, Локтевым, Ильинским, Смоктуновским, Кочетковым и другими. У них возникал только им понятный рабочий сленг, и они творили чудеса.

Недрузи режиссера мучили его, хлестали, мешали работать. Сердце гения не выдержало перепадов, отказало. Оно остановилось в день, когда Борису Ивановичу Равенских разрешили открыть свой новый театр.

Царство ему небесное, и пусть земля будет пухом ему, славному избраннику Господа.

Анна ЕВСЕЕВА

театровед, Заслуженный работник культуры Удмуртской Республики, автор нескольких книг по истории театра, член Федерации женщин творческих профессий

СОЛНЕЧНЫЙ АРТИСТ СЛОВО ОБ АППОЛОСЕ ПЕРЕВОЩИКОВЕ

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны в Удмуртский театр пришла молодая семья – Апполос Иосифович Перевощиков и Вера Марковна Дзюина. Всем на удивление они были похожи друг на друга: голубоглазые, со светло-рыжими вьющимися волосами. Это была красивая пара.

В театре с середины 30-х годов работал старший брат Апполоса Иосифовича – Лазарь Иосифович, хорошо знакомый зрителям по ряду ролей. Когда началась война, он вместе с другими молодыми актерами был призван на фронт. Вернулся после ранения и снова продолжил работать на сцене.

Для Апполоса Иосифовича Лазарь Иосифович был эталоном. Демобилизовавшись, младший брат тоже пришел в театр. 25-летний молодой человек уже имел некоторый жизненный опыт. Начинать учиться в музыкальном училище, но в связи с материальными трудностями вынужден был оставить учебу, работал в родном колхозе трактористом. В 1942 году был призван в ряды Советской Армии и направлен в Уфимское военное училище. Немало пришлось лейтенанту пройти по военным дорогам, не раз смотрел он смерти в лицо. Участник боев на Северо-Западном фронте, Курской дуги, боев за освобождение Украины, Румынии, Венгрии, Болгарии, Чехословакии. Война для Апполоса Иосифовича закончилась осенью 1945 года на Дальнем Востоке. Родина высоко оценила подвиги бесстрашного воина: он награжден орденом Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды, девятью медалями. Поистине:

Пять полных лет! Пять длинных лет!

Так – год за годом...

Такой уж выпал нам билет –
Своим все ходом!

Вернулся герой с фронта, и надо было выбирать дело. Хотелось петь, играть на гитаре. По совету брата пришел в театр. Сразу направили в Ленинград вслед за ребятами, учившимися в театральном институте. Познакомился с ними, поприсутствовал на нескольких занятиях и решил вернуться в Ижевск: не поверил в себя. Но после недолгих раздумий снова вернулся в театр.

Началась новая жизнь: постепенно адаптировался, сидел на репетициях, иногда выходил на подмостки как участник массовых сцен. Именно тогда встретил начинающую актрису Веру Дзюину. С театром она познакомилась несколько раньше. Живя в семье артиста Вячеслава Георгиевича Волкова, частенько ходила на спектакли, вынашивала мечту об артистической карьере. Но не так все было просто: не хватало образования, случались материальные трудности – время-то было послевоенное, не было жилья. Однажды ее заметил директор театра И.Г. Гаврилов. Хороший музыкальный слух, голос, внешние данные позволили взять ее после прослушивания в небольшую тогда труппу театра.

Так Вера Марковна оказалась в числе артистов Удмуртского театра. Чтобы не отстать от своих коллег, много работала над собой, занималась самообразованием. Режиссеры всегда обращали на нее внимание, видя ее незаурядные способности, помогали ей. Постепенно молодой актрисе стали доверять большие роли, с которыми она успешно справлялась.

Апполос Иосифович увидел в Вере Марковне нежную, чистую героиню своей судьбы. Так появилась пара, отдавшая служению театру несколько десятков лет. К сожалению, Вера Марковна рано ушла из

жизни, оставив Апполосу Иосифовичу двух взрослых детей.

Работники театра, коллеги хорошо помнят, как много сделал для театра заслуженный артист УАССР Апполос Перевощиков. Мастерство пришло не сразу. Вслед за небольшими, эпизодическими ролями ему стали доверять более крупные. Работая над тем или иным образом, молодой артист оттачивал каждую фразу, отшлифовывал все мизансцены, чутко прислушиваясь к замечаниям и наставлениям режиссера.

Апполосу Иосифовичу повезло с режиссерами, оказавшимися отличными педагогами. Кузьма Алексеевич Ложкин, Соломон Абрамович Гляттер, Семён Тихонович Смирнов, Геннадий Васильевич Веретенников – каждый по-своему стремился передать ему свое мастерство. Когда зерна высевают в плодородную почву, всходы дают хороший урожай.

Актеру постепенно стали доверять большие роли, требующие большого внутреннего перевоплощения, с которыми он успешно справлялся. Спектакль по роману П. Блиннова в инсценировке Лазаря Перевощикова «Жить хочется» явился для артиста первым творческим крещением. Он сыграл председателя колхоза без нажима, естественно войдя в образ, сумев показать порядочного, справедливого, отзывчивого руководителя.

Затем было много разных ролей. За сорок с лишним лет творческой деятельности их было около ста. Среди них – любимые и не очень, но в каждую вложен не только напряженный труд, но и частичка сердца.

Трудно перечислить все, что сыграно артистом, но нельзя пройти мимо его главных ролей на сцене удмуртского театра: самодовольный Туманский в «Машеньке» А. Афиногенова, Дерюгин в пьесе А. Островского «Светит, да не греет». Особенно удавались ему роли бытовые, комедийные.

В спектакле «Чукдор» («У волка своя тро-

па») по пьесе С. Широбокова Апполос Иосифович сыграл старого охотника Варфоломея. Он очень любит лес, его обитателей. Но коварный браконьер Пичугин сумел сломить волю опытного охотника и спровоцировал его на преступление. Варфоломей убивает лося Чукдора. С подкупающей достоверностью раскрывает артист внутреннее состояние своего героя. Потрясающее впечатление производила на зрителей сцена, когда герой Перевощикова плакал над убитым животным, прося у него прощения.

В комедии Е. Загребина «Насъток но Исьток» («Настя и Степан») удивительно органичным получился Иван Иваныч, приехавший в колхозный дом отдыха не только отдохнуть, но и поволочиться за хорошенькими женщинами. Когда удача, кажется, улыбнулась ему, на горизонте появляется соперник. Герой Перевощикова успешно справляется с неожиданными смешными ситуациями, требующими изворотливости и ловкости.

Много работал артист над радио- и телеспектаклями. Апполос Иосифович известен также как автор нескольких пьес, поставленных на сцене удмуртского театра: «Не забываете этого», «Бьется сердце», «Гром». Тема войны, прошедшая через сердце автора, и тема нравственности актуальны и сегодня. К военным наградам артиста добавились и другие. Он награжден Почетной грамотой Президиума Верховного совета УАССР, ему присвоено звание Заслуженного артиста УАССР.

Выйдя на пенсию, Апполос Иосифович был частым гостем в театре, пока позволяло здоровье. Радушно встречали его коллеги и молодые артисты. От него исходило тепло, особый свет, необыкновенная мягкость.

Театр гордится бесстрашным воином, замечательным артистом, имя которого вписало еще одну незабываемую страницу в историю Удмуртского театра.

НОВАЯ КНИГА

История русского театра. Москва: Эксмо, 2011.

Эта книга – особый взгляд на некоторые этапы становления и развития русского театра, оригинальная трактовка самых ярких страниц в его истории. Она обращена к тем временам, когда театр являлся значительной частью жизни нашего общества и даже становился образом жизни; когда русская литературная классика была неразрывно связана с отечественной драмой. Театр не терпит равнодушного зрителя, беспристрастного исследователя. Поэтому удачная книга о театре всегда пристрастна: в ней трезвое наблюдение историка соседствует с прочувствованным откровением мемуариста. Автор дает краткие, но выразительные, во многом субъективные характеристики режиссерам и актерам, о жизни и творчестве которых имеет право судить не понаслышке. Книга об истории русской драмы дополнена статьями о русской опере и русском балете.

Оксана ЗЕЛЕНИНА

старший преподаватель
Удмуртского государственного
университета, член Союза
журналистов Удмуртии

СЕРГЕЙ КУДРЯВЦЕВ – НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ МАСТЕР СЦЕНЫ

Народный артист России Сергей Павлович Кудрявцев (1947–1996) начал свой творческий путь в 1968 году на сцене Удмуртского музыкального театра (ныне Театр оперы и балета Удмуртской Республики) после окончания Музыкального училища при Ленинградской консерватории им. Римского-Корсакова. За три неполные десятка лет служения музее оперетты артист сыграл более семидесяти разноплановых ролей, открыв для зрителей 80–90-х годов эпоху торжества оперетты. Эпоху яркую, прекрасную, оставшуюся в памяти многих ее современников как время расцвета театрального искусства, как время Сергея Кудрявцева, когда на сцене любили, творили, мечтали о возвышенном и земном, с надеждой смотрели в день завтрашний.

По отзывам современников, коим посчастливилось видеть Сергея Павловича на сцене, это был не просто человек редкого театрального дарования, это был уникальный актер театра оперетты в котором сочетались и данные артиста героического плана, и редкие комедийные способности, и стать героя-любовника, и необычайно богатый по своей тембровой окраске, бархатный, наполненный обертоновыми интонациями, нежный и глубокий баритон.

Голос так откликался в зрительских сердцах, что от его звучания у иных на глаза наворачивались слезы, если ария была проникнута любовными или лирическими переживаниями. В знак любви и признательности публика одаривала актера цветами практически после каждого, даже рядового спектакля, не говоря уже о премьерах...

На премьеры попасть было сложно. Билеты раскупались заранее. Как правило, первые семь спектаклей, считавшиеся премьерными, шли с аншлагами. Поклонницы дарили артисту и мягкие игрушки: возможно, потому, что характер у Сергея Павловича был мягкий.

Закулисная театральная жизнь складывалась не всегда так, как хотелось артисту: коллеги по актерскому цеху порою были несправедливы, считая, что репертуарная политика театра во многом определяется его лидером.

Сергею Кудрявцеву довелось быть не только солистом театра, но и его директором. Он успешно сочетал творческую деятельность с административной. По своим творческим данным Сергей Павлович был человеком необычайно одаренным. Для всех, кто его любил,

«Севастопольский вальс». 1985 год. С. Кудрявцев, Т. Анисенкова, Е. Титенко.

он был и останется в памяти непревзойденным королем оперетты.

Разумеется, королевских титулов в эпоху социализма не давали, но давали массу ролей, за которые присуждали высокие звания. В 1970 году молодой артист награждается медалью «За доблестный труд».

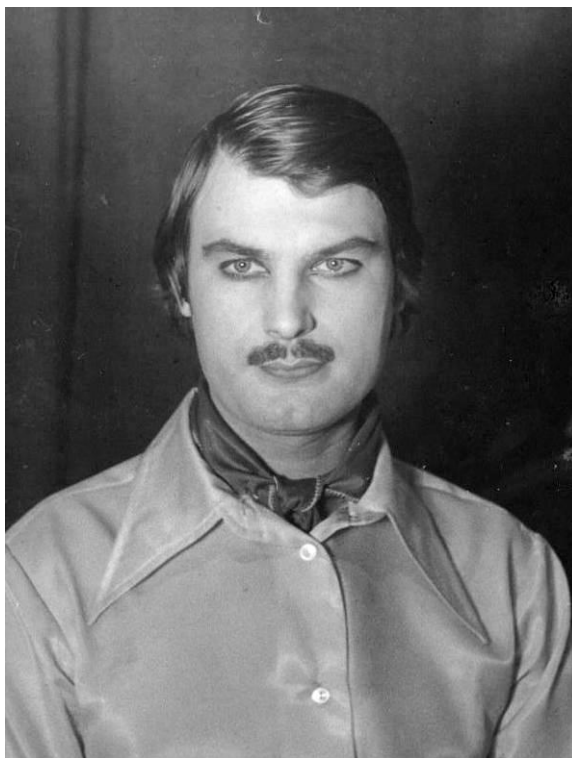
Значимым событием в творческой биографии Сергея Кудрявцева стала роль Азина в одноименной героико-музыкальной драме Г. Корепанова-Камского. Он назван лауреатом конкурса «Лучшая роль года», а позже, в 1975 году, получает звание Заслуженного артиста Удмуртской АССР.

Затем в его репертуаре появилась еще одна из его любимых и сложных ролей – роль Г. Бессмертного в «Севастопольском вальсе» К. Листова, за которую ему в 1979 году было присвоено звание лауреата Государственной премии. В зрелые годы в этом же спектакле он исполнит знаменитую финальную арию капитана Аверина «Я вернулся домой, в Севастополь родной...».

Одно из последних званий – «Заслуженный артист РСФСР» – Сергей Павлович Кудрявцев получил за роль Ахмета вскоре после премьеры мюзикла В. Щербачева «Табачный капитан» в 1985 году.

В Театре оперы и балета Удмуртской Республики на одной из гримировочных комнат в память об артисте сделана надпись, свидетельствующая о том, что здесь гримировался народный артист России Сергей Кудрявцев.

Были у актера любимые роли, за которые званий не давали, но от этого они не становились менее любимыми или менее сложными в исполнении. Одна из них – роль Бабса Баберлея в музыкальном спектакле О. Фельцмана «Донна Люция, или Тетка Чарлея», поставленном в 1975 году. Артист появлялся на сцене в роли Бабса озорной, веселый, острохарактерный. Было много шу-

Сергей Павлович Кудрявцев.

ток, импровизаций. Затем, переодевшись в костюм донны Люции, он становился кокетливым и неотразимым. Для женской роли Сергею Кудрявцеву изготовили роскошный каштановый парик с длинными, вьющимися волосами. «Удмуртская» донна Люция получалась и моложе, и привлекательней, и смешней, чем героиня известного телефильма в исполнении народного артиста России А. Калягина.

Высоко оценивает творчество народного артиста министр культуры, печати и информации Дмитрий Иванов: «Сергей Павлович Кудрявцев человек был изумительный, фанта-

стический. Как сельский житель (а родился артист в селе Бемыж Кизнерского района) он сконцентрировал в себе такие черты, как немногословность, умение давать объективные оценки всему происходящему, прекрасно знал, чего ждет от жизни. За небольшой артистический срок переиграл множество разноплановых ролей. Играл на сцене искренне, искал и находил новые грани своего артистического амплуа. Удачными были его дуэты с народной артисткой УР Людмилой Мининой, заслуженным артистом УР Геннадием Городиловым и другими. Это был действительно талантливый, трудолюбивый артист, всем сердцем служивший искусству».

Последний спектакль Сергей Павлович сыграл 21 декабря 1996 года. Это была небольшая роль в музыкальной комедии «Марица». На следующий день Сергея Кудрявцева не стало. Он ушел из жизни в возрасте 49 лет, многое не доиграв, многое не досказав, не увидев свою внучку Анечку, которая родилась почти через десять лет после его смерти. По словам дочери Беллы, Анечка напоминает чертами характера Сергея Павловича.

Он, без сомнения, был бы ей и хорошим дедушкой, и веселым, добрым другом.

Ариадна ГОЛУБКОВА

музыковед-историк,
кандидат искусствоведения,
член Союза композиторов России,
Заслуженный деятель науки
Удмуртской Республики

«ЖАВОРОНКА СОЛНЕЧНЫЕ ПЕСНИ...»
КНИГА О ПЕДАГОГЕ-КОМПОЗИТОРЕ Г.Н. МАТВЕЕВЕ

Мы имеем очень мало литературы о современной музыкальной культуре Удмуртии, не рассказываем на страницах книг нашим читателям о художественных коллективах, о композиторах, о певцах, о театральных актерах, не беседуем с любителями музыкального искусства по радио и телевидению. Между тем, интерес к нашей культуре значительный: посещаются концерты, организуются фестивали, творческие встречи. На уроках краеведения школьники выступают с интересными исследованиями, докладами, но нередко высказывают мысли о недостатке популярной литературы о музыкальных деятелях Удмуртии.

Следует рассказать об очень интересной, нужной книге издательства Глазовского государственного педагогического института, посвященной педагогу, исполнителю, хормейстеру, методисту, автору песен и просто очень скромному, трудолюбивому человеку Геннадию Николаевичу Матвееву, ушедшему из жизни пятнадцать лет тому назад. Книга «Жаворонка солнечные песни...» – пятая из уникальной серии «Творческие биографии выпускников Глазовского педагогического института». Ее составитель – доцент кафедры социальной педагогики Л.Б. Шмыгина. Книга адресована студентам, преподавателям и всем, кто интересуется историей института и судьбой его выпускников. В этом проявляется главная направленность

повествования: рассказать о Г.Н. Матвееве как о серьезном, талантливом педагоге вуза, реализующем себя в разных направлениях педагогической деятельности.

Книга открывается биографическим очерком о Геннадии Николаевиче, написанным Людмилой Борисовной Шмыгиной с большим художественным вкусом, теплотой, с опорой на семейный архив, на воспоминания жены и дочерей Г.Н. Матвеева.

С малых лет в Г.Н. Матвееве проявилось чувство ответственности и внутреннее стремление к образованию, знаниям. Детство Геннадия Николаевича протекало в селе Ильинском Малопургинского района. Отец погиб на фронте в первые же дни войны, мать Фёкла Григорьевна – женщина умная, сильная – сумела дать трем своим сыновьям высшее педагогическое образование, воспитала в них интерес к удмуртской культуре, уважение к односельчанам, привязанность к родным местам.

В становлении профессиональных качеств большую роль сыграла учеба в Ижевском музыкальном училище на отделении народных инструментов в классе баяна, где особо проявились музыкальные способности, увлеченность, самоорганизованность Геннадия Николаевича. Затем учеба на филологическом и музыкально-педагогическом факультетах Глазовского педагогического института, после окончания которого

Геннадий Николаевич Матвеев и народный хор.

Г.Н. Матвеев становится преподавателем по классу баяна, а затем и заведующим кафедрой музыки.

Педагогические секреты «Матвеюшки», как любовно называли его студенты, раскрыты в очерке профессора А.В. Тутолмина. «Мы часто с юношеской завистью вслушивались в «разминку» на инструменте Геннадия Николаевича, жадно всматривались в своеобразную манеру аккордовой, гаммообразной, терцовой техники исполнения».

Геннадий Николаевич использовал разные методы в обучении студентов. Особенно много занимался с «самородками» из удмуртских сел и деревень. Зная психологию этих ребят, Геннадий Николаевич использовал национальный музыкальный фольклор, приучал к исполнительскому искусству, и студенты занимались фанатично.

Истинное педагогическое мастерство Г.Н. Матвеева раскрывается особенно многогранно не столько в использовании узкого педагогического опыта и возвышении себя в педагогическом процессе, сколько в постоянном стремлении передавать, пропагандировать эти знания, возвышать удмуртскую культуру. Так было положено начало концертно-просветительской деятельности института.

Г.Н. Матвеев создает квартет баянистов, проводит ежевечерние репетиции, выступает с концертами перед студентами, преподавателями, сотрудниками и гостями института и выезжает с лекциями-концертами в сопровождении квартета в школы Глазовского района. Как увлекательно Г.Н. Матвеев проводил эти лекции-беседы! Иногда он сам брал в руки баян и играл удмуртские мелодии, а школьники дружно подпевали ему.

Геннадий Николаевич остался в памяти

как увлеченный хоровой деятель. С большим энтузиазмом он занимался с хоровыми коллективами колхоза Юж-Пурга и Качкашурским народным хором. Он сам создал эти коллективы и с первых шагов выработал профессиональный подход к хору: работал над чистотой звучания, над ансамблем, строем произведения. Участник Качкашурского хора Заслуженный деятель искусств России М. Ворончихин в очерке «Мой первый учитель музыки» пишет: «На репетициях я удивлялся его манере общения с

нами. Он всегда был собран, уравновешен, спокоен. Это передавалось всему хору. Ведь было много репетиций. Однако он радовался каждому человеку, умеющему откликнуться на песенный зов». Качкашурский хор был дипломантом Всероссийского смотра, лауреатом комсомола Удмуртии, а после блестящего выступления на заключительном туре смотра художественной самодеятельности в Москве был удостоен почетного звания «народный».

Для своих хоровых коллективов Геннадий Николаевич создал песенный репертуар, что явилось еще одним направлением его многогранной деятельности. Песни быстро становились популярными, например, «Эсь-маса» («Ох, если бы»), «Тодйськод-а?» («Знаешь ли?») и другие. Их исполняли профессиональные коллективы: хор Удмуртского радио и телевидения, ансамбль «Италмас». Песни Г.Н. Матвеева «Ой быгаты вунэтынъ», «Кырза, арган» на слова С. Ширококова были записаны фирмой грампластинок «Мелодия», некоторые его песни уже много лет исполняются как народные.

О своем первом песенном опусе Геннадий Николаевич вспоминал: «Был праздник, и нужна была песня. Я нашел слова Г. Архипова «Егит бырйись» («Молодой избиратель»). Посидел вечер и написал музыку на эти слова. Выступил перед народом, песня понравилась». Позже для этой песни Г.Н. Матвеев взял текст Степаниды Ивановой и песня получила название «Эсь-маса».

В 1954 году Геннадий Николаевич окончил курсы самодеятельных композиторов в Москве. Они дали Геннадию Николаевичу определенное творческое направление. «С самой первой песни, – пишет в книге музыковед М. Ходырева (дочь поэта Г. Ходырева, на стихи которого Г.Н. Матвеев написал не-

сколько песен), – в творчестве Г.Н. Матвеева наметились главные черты: во-первых, это глубоко национальная, яркая и выразительная интонация, которая делает песенную мелодику живой, говорящей; во-вторых, жанрово-тематическое многообразие: лирика, сатира, эпико-патриотическая тематика, шуточно-плясовые и колыбельные песни. И, в-третьих, виртуозное инструментальное сопровождение (баян, фортепиано), ведущее своеобразный диалог с вокальной мелодией и развивающее ее основные интонации».

Рассказ о творческой деятельности Геннадия Николаевича был бы неполным, если бы мы не упомянули методические издания и, прежде всего, подготовку регионального музыкального материала и издание хрестоматий к программе по музыке для общеобразовательных школ. О совместной работе над хрестоматиями рассказывает в очерке

«Его задумкам суждено жить» доцент Глазовского педагогического института М.И. Тукмачёва.

Удивляет творческая память Геннадия Николаевича при подборе удмуртского музыкального фольклорного и профессионального материала, привлекают многочисленные страницы его интересных обработок народных песен с учетом возможностей их исполнения педагогами.

Прошло пятнадцать лет, как ушел из жизни Геннадий Николаевич, но образ и имя его не забываются. Невысокий, коренастый, твердо стоящий на земле человек с чуть сдержанной улыбкой. В нем чувствовалась расположенность к людям. Он не мог быть другим, потому что жил в гармонии с природой и музыкой. О таких, как Г.Н. Матвеев, наверное, сказал Флор Васильев: «Песню в ладонях несет».

Эльза БОРИСОВА

журналист, автор книги «Напряду из сердца строки», заслуженный работник культуры Удмуртии

ПРЕОДОЛЕНИЕ

О СОЗДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ГИМНА УДМУРТИИ

У каждого человека своя дорога в жизни. Обретишь ли ее? Не свернешь ли на тропу? Это зависит от многих обстоятельств, но, прежде всего, от себя. Найдешь свой путь, утвердишься на нем – судьба состоялась.

Было это в 1994 году, в ноябре. Композитору Александру Корепанову присвоили звание Заслуженного деятеля искусств Удмуртской Республики. В тот же день он стал и лауреатом Государственной премии Удмуртии за 1994 год: за большой вклад в развитие музыкальной культуры, за созда-

ние Государственного гимна Удмуртской Республики. Высокая оценка очень серьезной работы!

А путь к такому признанию был далеко не так прост, хотя, казалось бы, для безошибочного выбора профессии имелись все условия.

Саша родился в семье композитора. В семье, где вся жизнь была подчинена интересам отца – Германа Афанасьевича Корепанова. Нет, он вовсе не был диктатором: мягкий, обаятельный, очень любивший

Композитор Александр Корепанов.

своих детей. Герман Афанасьевич не навязывал свои творческие интересы семье, она сама втягивалась в орбиту его работы, его знакомств, потому что небольшая квартира была и рабочим кабинетом, и местом домашних концертов и диспутов, даже репетиционным залом для исполнителей. Художники, поэты, певцы, дирижеры, музыканты... Имя каждого – страница в истории Удмуртии, России.

Может быть, потому дочери Германа Афанасьевича Таня и Наташа, не мудрствуя лукаво, начали с музыкальной школы, потом – училище. Таня заочно окончила филфак университета.

А Саша... Он рос на наших глазах. Худенький, со светлым хохолком волос, как у Суворова. Мой отец иначе его и не называл. Очень подвижный, живой. На велосипеде по нашей улице мчался с индейским боевым кличем. Но когда встал вопрос о поступлении в музыкальную школу, врачи справку не дали: слаб, не выдержит нагрузки в двух школах.

Нет – и не надо. В эти годы какие еще переживания? А дома отец заканчивает первую удмуртскую оперу «Наталь». Премьера, на которую приехали знаменитые Т. Хренников и А. Хачатурян. Восторженная пресса. Саше девять лет:

– Особенно тогда ничего и не отложилось в памяти. Только много народу в доме. Уходят, приходят, шумят.

Так было всегда. Потом первая удмуртская симфония Г. Корепанова. Мама Людмила Николаевна, сестра Таня, не считаясь со временем суток, переписывают ноты.

– Мне двенадцать лет. Тоже усадили переписывать, хотя нотной грамоты я тогда еще не знал. Это потом я стал раз в неделю брать уроки у З.И. Петровой.

Понятно, что отец в сыне хотел видеть продолжение себя. И мать хотела. Может быть, поэтому и был сделан этот робкий пробный первый шаг. И совсем серьезный – поступление после 8-го класса в училище на дирижерско-хоровое отделение. Возраст еще невелик. «О сольфеджио понятие – чуть, ноты – примерно», – вспоминает Александр.

Наверное, сгущал краски Саша, но к истине близко. Учиться с такой подготовкой, вернее, отсутствием ее

было ой как трудно.

– Очень тяжелым был первый год. Пошли тройки, к которым я в школе не привык. Еще один год показал, что дирижер из меня не получится. Решил перейти на теоретическое отделение. Но и тут чувствовал отсутствие начальной подготовки – музыкальной школы. Приходилось много заниматься. Государственные экзамены сдал на «5», уже в училище увлекся композицией.

Впервые мы так подробно говорим с Александром о его учебе. И за внешней его сдержанностью, даже какой-то отстраненностью, словно речь не о нем, я вижу, как постепенно, трудно для него, сложно кристаллизуется его предназначение в этой жизни.

Захотелось создать дома свою фонотеку с любимыми Бетховеном, Римским-Корсаковым, Шопеном. В ход пошла заветная коллекция марок, чтобы купить эти пластинки. По совету отца стал писать рецензии в газеты на концерты, которые не пропускал. Ночи не спал, корпел, но это тоже была школа. В училище создали «кружок непосвященных», слушали новую музыку. Делали доклады, сообщения. Увлёкся шахматами, заняли I командное место среди юношей республики. В последние год-полтора учебы в училище появились свои первые музыкальные сочинения.

– Это уже папа, его заслуга. Умел ненавязчиво увлечь. За меня не писал, но помощь советами была неоценимой. Хотя тогда я этого в полной мере и не понимал. В Казанскую консерваторию поступил, сдав специальность – фортепиано – на «5» на композиторское отделение. Выбор был

сделан окончательно. И снова учеба – преодоление себя.

– В консерватории за пять лет получал всякие оценки: от и до. Первый год снова был очень тяжелым, а второй еще тяжелее. Ничего не шло. Только на третий стал появляться свой стиль. Написал восемь пьес для фортепиано. Оценили их на «5» на экзамене по специальности. Они и сейчас исполняются.

Первым исполнителем была Тамара, к тому времени уже жена Саши. Она тоже училась в консерватории по классу фортепиано. Нельзя не сказать хотя бы немного о роли теперь уже Заслуженного учителя Удмуртии Тамары Корепановой, преподавателя музыкального училища, в творческой судьбе Саши. Как мать была для отца, так и Тамара для Саши – добрая, но и требовательная. Она – первый исполнитель его фортепианных сочинений, она и заказчик их для своих учеников. Теперь – и для своих дочек: Люся – студентка той же Казанской консерватории, Маша пока учится в музучилище. Очень хорошо учится. Уже как пианистка солирует в концертах с симфоническим оркестром. Да и Саша через тернии и испытания закончил консерваторию с пятеркой по композиции.

Я пишу об этом так подробно, чтобы и самой понять характер композитора – упорный, настойчивый, ищущий и добивающийся. Потому что без этого он не стал бы автором Государственного гимна Удмуртской Республики. Может быть, и сошел бы с конкурсной дистанции, но до гимна было еще немало лет.

После консерватории стал работать в родном музыкальном училище и писал музыку. Сюиту для фортепиано. Пьесы для фортепиано и скрипки. Симфоническое скерцо. Эти произведения стали исполнять серьезные коллективы: Государственный симфонический оркестр Татарии, Воронежский, Ярославский симфонические оркестры. Произведения Александра Корепанова звучали в Москве, Казани, Горьком, Свердловске, Уфе, записывали их радио Москвы, Ижевска. А сам автор становится членом Союза композиторов СССР.

Примерно в те же годы начинается работа для театра. Вместе с Германом Афанасьевичем для Удмуртского театра написали музыку к спектаклю «Гудыри», для театра кукол – к «Трем доблестям». Писали каждый свой фрагмент: системы разные, но очень органично входили в ткань спектакля. А потом началась работа над оперой «Мятеж». Тоже совместная с отцом, продолжающая разделение труда для получения слитного целого. Это было, кстати, семейное произ-

ведение, где либреттистом выступала мама Людмила Николаевна.

Росла уверенность в собственных силах. Каждый этап был подготовкой к большому произведению. Тогда и зародилась мысль написать собственный балет. Выбор пал на замечательное произведение О. Уайльда «Соловей и роза». Нежное, поэтическое. Экспромтом одолеть не удалось. Некоторые фрагменты уже звучат в концертном исполнении, например, «Вальс цветов». Очень мелодичное произведение. Вместе с композитором хочется надеяться на завершение балета в этом году. А наш Театр оперы и балета уже проявил большой интерес к новому произведению и надеется увидеть его в афише следующего сезона. Наверняка это произошло бы раньше годом-трем, но тут как раз объявили конкурс на создание Государственного гимна республики.

– Было это в 1992 году. Срок сжатый: представить к весне. Прочитал и подумал, что ко мне это никак не относится. А осенью меня пригласили принять участие в работе конкурсной комиссии по государственной символике. Спросили, не участвую ли я в конкурсе. Сказали, что не поздно, сроки продлены, есть еще неделя. Так вот, буду я членом комиссии или участником конкурса? Много в жизни непонятно как случается. Шел домой и думал, что у меня не то состояние души, ничего нового не могу изобрести. Нет, не буду участвовать...

Вот так буднично, незаметно пришел тот его час, который вобрал в себя более двух лет огромных усилий. Творческих, организационных, когда приходилось снова учиться, овладевать новым для себя в музыке.

– А мысль все-таки в подсознании где-то работала. Дома вспомнил песню отца «Родной Кам шурмь». Почему-то запомнилась она мне с детства. Часто отец ее напевал, наигрывал. Все что-то из нее хотел сделать. Может, фортепианный концерт или что-то другое. Таинственная вещь, которая еще ждала своей очереди. По настоянию Н. Зубкова уже после смерти отца я попытался что-то сделать из нее. Не выходило, не поддавалась обработке. Казалось, она хотела жить сама по себе. А Николай Семенович, как всегда, темпераментно уверяет меня, что песня может быть поэмой, гимном родной природе. Я все обещаю, а текучка меня все захлестывает. А тут решился. Написал клавиру, внося небольшие изменения, сделал партитуру для хора с симфоническим оркестром. Слова оставил прежние. И в последний день приема сдал под девизом «Все остается людям». Девиз – память о папе. Сдал без особой надежды. С ощущением: не сделаю – жалеть буду, что не попытался ре-

ализовать папину задумку.

Потом неоднократно заседала конкурсная комиссия. Отобрали, наконец, три гимна, в том числе и тот, что представил Александр. Решили, что на следующем туре все они прозвучат в сопровождении духового оркестра, так как свой симфонический еще только-только создан.

– Я же понятия не имел, как оркестровать для духового. Это совсем другой организм, отличный от симфонического, с которым я знаком. Взялся педагог училища И. Главатских, но после первых репетиций заявил, что «ничего не звучит». В песне у отца так хорошо расписаны партии хора, аккомпанемент, а тут у нас какая-то какофония. И я согласился оркестровать сам. Потом удивился этому решению. Опять взялся за книги, сидел-сидел и сделал все-таки свой вариант. На репетиции даже кое-что самому понравилось.

Но это еще была учеба. А работа над гимном для меня только начиналась с этого момента. И снова варианты. То убирал длинное вступление, то мешало длинное заключение. Добавить к этому огромную ответственность перед памятью отца, желание сохранить мелодию песни, но превратить ее в гимн, у которого свои музыкальные закономерности. Сделан был еще один вариант с некоторыми изменениями в гармонии, с эстрадным элементом совместно с опытным аранжировщиком В. Шкурихиным.

На весенней сессии Верховного Совета УР в 1993 году исполняются три гимна трех авторов. Лучшим был признан гимн А. Корепанова, – тот, что звучал под девизом «Все остается людям». Его и приняли за основу, отложив окончательное решение до осени.

– А я сижу в зале и чувствую, что вот тут проваливается запев, здесь должно звучать ярче. И состояние зала чувствую. Нет, не то,

которое должен вызывать гимн. Тогда окончательно понял, что гимн – это моя судьба. Никто не сделает, кроме меня. «Взялся за гуж...» – это прямо ко мне относится.

Снова поиски. Убирал солистов, хорошую партию переделывал в четырехголосье. Оставил свой новый оркестровый вариант, кардинально отличавшийся от предыдущих: – Чувствовал, что что-то уже созрело, что-то получилось, как хотелось, чего добивался. На сессии в ноябре прозвучали оба варианта – и для симфонического, и для духового оркестров под управлением В. Иваровского. Я опять стоял в конце зала у дверей и по залу понял, что дело сделано. Гимн приняли, признали его Государственным гимном Удмуртской Республики. Все встали, когда еще раз исполняли его уже в этом ранге. Вот когда я почувствовал, что мне не стыдно ни перед памятью отца, ни за себя.

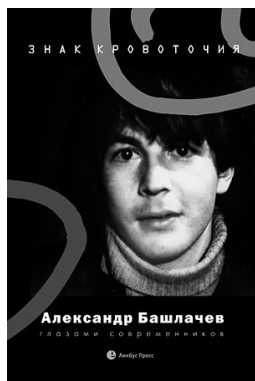
Специалисты гимн очень высоко оценили, а одна оценка навсегда останется в сердце: «Гимн по масштабности звучания мог бы стать символом и большого государства». Это было сказано при записи гимна в Большом зале Московской консерватории в исполнении Российского национального оркестра под управлением М. Плетнёва. Теперь утро республики начинается с ежедневного звучания по радио Государственного гимна Удмуртии в исполнении этого коллектива, необычно и искренне присудившего автору еще одну награду.

Так родился один из символов Удмуртской государственности – Государственный гимн Удмуртской Республики, авторами которого стали Герман и Александр Корепановы. Знаменитый отец и достойно продолжающий его дело сын, у которого своя творческая судьба, свой профессиональный почерк личности, состоявшейся через преодоление.

НОВАЯ КНИГА

Знак кровотечения. Александр Башлачёв глазами современников. Издательства: Издательство К. Тублина, Лимбус Пресс, 2011.

Вниманию читателя предлагается сборник, посвященный памяти поэта и музыканта Александра Башлачёва. В книгу включены воспоминания людей, знавших его, – одноклассников, курсников, родственников и соратников, среди которых К. Кинчев, Б. Гребенщиков, Д. Ревякин, А. Троицкий и другие. Кроме того, о творчестве Башлачёва размышляют те, для кого оно стало каталлизатором собственного. Книга рассказывает о поэте и человеке Александре Башлачёве, но не только о нем. Сквозь хор голосов современников проступает живой образ эпохи 1980-х.

Анна БУБНОВА

учится в школе, пишет прозу,
лауреат премии
Благотворительного фонда
имени писателя
Михаила Петровича Петрова,
живет в Ижевске

КАЛЕЙДОСКОП

Рассказ

В комнате на третьем этаже зажигают свет, и в теплом свете электрических лампочек прорисовываются неясные силуэты – будто в желтую краску капнули черной. Они собирались в этой комнате с пяти лет, продолжая какие-то неясные традиции, о которых не имели ни малейшего представления. В эту комнату, пахнущую корицей, яблочным пирогом и временем, их привели бабушки, самые любящие бабушки на свете, которые так дорожили собственной дружбой, что не оставили своим внукам выбора и подружили их тоже.

Когда они собрались здесь в первый раз, был вечер (вечер – все, что осталось неизменным в их посиделках). Квартира была небольшая – всего лишь три захламленных комнаты, в которых острые углы волей-неволей сглаживались, а все случайности и нелепости были погребены под горами никому не нужной памяти, нашедшей материальное воплощение в старых книгах – «Дети Арбата» Рыбакова, «Доктор Живаго» Пастернака и пушкинские сказки в изданиях разных лет; фотографиях – семейный портрет (дети в пионерских галстуках стоят за родителями, чьи острые, молодежково-дерзкие черты время начинает уже сглаживать), дедушка с рабочим коллективом, он же – за письменным столом. А еще выцветшие карточки, оставшиеся после поездки на Черное море, и вещи-анахронизмы – немецкий мебельный гарнитур, уже безнадежно устаревший, но все равно являвшийся предметом бабушкиной гордости.

В тот первый раз они рисовали акварелью

на альбомных листах – нескладные домики, которые постоянно оказывались намного меньше живших в них зеленых, фиолетовых и ярко-желтых акварельных людей, черно-белые кошки, выгнувшие спины, и в самом углу листа – кролик, прорисованный с тщательностью пятилетнего ребенка.

Кролик был единственным животным, которое Марик умел рисовать. Позже они будут говорить, что лишив Марика способностей к рисованию, природа подарила ему немало других талантов, составивших, в конечном счете, его гений. Марикова бабушка, Серафима Николаевна, беспрестанно таскала единственного внука по художественным школам, кружкам и секциям, безапелляционно утверждая в разговорах с подругами, что она «показывает ему мир безграничных человеческих возможностей». Сам Марик, между тем, мечтал сначала о велосипеде и собаке, потом о лете, проведенном во дворе с друзьями, потом несколько лет вообще ни о чем не мечтал, а когда о лете во дворе и велосипеде мечтать стало слишком поздно, Марик начал мечтать просто жить. В мире безграничных человеческих возможностей, открытом ему Серафимой Николаевной, эта мечта оказалась практически неосуществимой.

Зеленых акварельных человечков рисовал Сашка. Его отец был какой-то важный человек, и ощущение значимости Сашки в их компании сохранилось у них на долгие годы. Дома черноволосого мальчишку с исцарапанными котом руками звали Александром Сергеевичем, намекая на Пушкина и книги, которые он упорно отказывался читать.

Черно-белыми кошками в то время увле-

кался Андрей. Он за свою короткую жизнь успел о многом помечтать – о космонавтике, кругосветном путешествии, о том, чтобы спасти мир, о бабушкиных пирожках и семи кошках, которых он назовет по цветам радуги, а потом принесет домой еще одного кота и будет всем говорить, что это Афанасий Петрович. С легкой руки его бабушки, пухлой, румяной женщины, которая не упускала случая, приходя в гости к подруге, пожаловаться на свою невестку, все звали его Андрюшей.

А Костя рисовать не умел. Совсем не умел. Даже самого маленького кролика, даже самого кривого человечка. Он был худощавый мальчишка со взрослым, усталым лицом. Он сидел, поджав под себя ноги, и, затаив дыхание, смотрел, как ложится на бумагу акварель; когда листы заканчивались, он приносил новые, менял в маленькой баночке воду, когда она становилась грязной. Он делал миллион маленьких важных дел, в которых в свои пять лет видел символ будущей основательности и предопределенности.

Костина бабушка была хозяйкой этой квартиры. Костина мама красовалась на семейных фотографиях – пухлощекая улыбающаяся малышка, которая неожиданно для всех превратилась в усталую женщину с лицом, которое Толстой бы назвал «испаланным».

С этими мальчишками Костя не дружил. Они не понравились ему в тот самый миг, когда ураганом влетели в квартиру, нарушив существовавший в ней миропорядок. Сашка мгновенно заинтересовался коллекцией игрушечных дешевых машинок, которую Костя собирал при деятельном участии деда; Андрей, сполна наделенный кем-то свыше подчас обескураживающей непосредственностью, с гиканьем рванул по коридору как первооткрыватель новой земли, полжизни проведший в дальних странствиях. Марик, единственный человек, который мог бы с первых секунд расположить к себе хозяина квартиры, замешкался в прихожей, пока Серафима Николаевна возилась с поломанной молнией на его курточке. Мариково неумение самостоятельно разобраться с таким пустяком (с Костиными молниями никогда никто не возился, хотя он частенько их ломал) вызвало у Кости недоумение, а следом и настоящую неприязнь.

Все, что осталось у Кости от того вечера, – щемящее ощущение нарушенных границ его маленького личного пространства. Ему не жаль было ни красок, ни бумаги, жаль было этот вечер, который он мог бы провести, разглядывая дедову коллекцию марок и значков. Он думал об этом, пока бабушка уносила со стола на кухню грязную посуду

и пересказывала деду услышанные новости про общих знакомых.

– Константин, – строго сказала она, остановившись, – не стой столбом. Возьми вон ту большую тарелку и принеси ее на кухню.

Бабушку отличало удивительное, как они позже осознали, почти уже утраченное и оттого особенно ценное свойство характера. Она никогда никого не осуждала и не требовала от окружающих того, чего не стала бы требовать от себя. Александр Сергеевич позже нашел этому качеству хорошее определение – перфекционизм в пределах разумного. Это было не совсем верным на самом деле. В этой женщине, широкой во всех смыслах, желание самосовершенствоваться отсутствовало, и это было приметой ее времени, которое, как и любое другое, на всем оставляет свой след.

Костя взял тарелку и потащил ее на кухню. Бабушка мыла посуду и тут же вытирала ее большим вафельным полотенцем, которое почти всегда, когда хлопотала по хозяйству, закидывала на плечо.

– Я не хочу, чтобы они приходили, – громко сказал Костя, перекрывая шум воды.

Но они приходили все равно. Каждую пятницу к пяти часам. Бабушки, суетливо кудахта, отводили их в гостиную, оставляли несколько яблок, книжки, бумагу и краски и уходили на кухню с чувством выполненного долга.

Серафима Николаевна с Мариком приходили и в середине недели. И тогда разрешали внукам сидеть с ними на кухне. Марик долго ждал, пока остынет его чай (до глубокой старости он не пил чай горячим), Костя бездумно ковырял ложкой кремovou розочку на торте. Компания друг друга им очевидно не нравилась. И оказавшись в пятницу в одной комнате вчетвером, они даже не пытались это скрывать. В семь лет Сашка отчетливо провел границу между ними, дав кулаком по носу Андрею. После они, хоть убей, не могли вспомнить, за что. И уж тем более в голове ни у кого из них не укладывалось, что тогда Андрей не стал отвечать обидчику, а просто встал и ушел. Семь лет – это как раз тот возраст, который оставляет свободу для таких маневров в пределах одного дома и двора.

Они осознали, что подружились только тогда, когда начали приходиться к Косте в гости просто так, без бабушек. Они торчали у него после уроков с первого класса. Марик всегда жалел, что частенько пропускал эти собрания, но после занятий в школе у него всегда было слишком много дел – музыка, спортивная секция, занятия дома. Костина бабушка иногда говорила Костиной матери удивленно, что «Сима всегда находит день-

ги для Марка, даже если ни у кого вокруг их нет». Они дружили так, как умеют дружить восьмилетние мальчишки. Их мальчишеский кодекс чести не позволял им говорить друг о друге гадости, брать вещи друг друга и друг другу завидовать. В отсутствии зависти всякого толка и выделась им впоследствии ценность их отношений.

В шестнадцать в их разговорах зазвучало слово «свобода». Собирались они давно уже в отсутствие своих бабушек и ощущали с гордостью, что беседы их приобретают философский оттенок и все большую значимость. К шестнадцати они выросли как-то рвано – прошли через все, через что только могло пройти их поколение, на долю которого выпало одно-единственное испытание – сладить с новым прогрессивным временем и подстроиться под его широкий шаг так, чтобы не быть выброшенным на обочину. К тому времени, как они заговорили о свободе как о понятии, обозначающем отсутствие всяких зависимостей, со стен давно были сняты постеры футбольных игроков и рок-групп; Андрей только пережил свое увлечение андеграундом, а Александр Сергеевич почти свыкся с незнакомой его друзьям определенностью своей судьбы – отец уже готовил ему широкую дорогу, по которой ему надлежит пойти; Марик бросил музыкальную школу и спортивную секцию, это был компромисс, – он обещал родителям и бабушке сосредоточиться на учебе. А Костя остался прежним. Он пришел к этому рубежу с врожденным запасом взрослости, с тем же усталым, осунувшимся лицом. Очень гордились тем, что вместо сока и чая теперь на стол можно ставить бутылку дешевого вина. Так разговоры о классифицированной молодой свободе приобретали иные оттенки.

– В горы хочу, – мечтательно говорил Андрюша. Он сидел за столом, закинув ноги на придвинутый пустой стул. – Или лучше – в кругосветное путешествие. Чтобы я, машина и континенты, континенты...

– И океаны, океаны, – в тон ему, взмахнув рукой, подхватил Александр Сергеевич, у которого в руках была булгаковская «Белая гвардия» девяносто третьего года, почти года их рождения. Он развалился на широком диване и делал вид, что читает.

– Океаны – это затопленные водой континенты, – отмахнувшись, сказал Андрей, – понимал бы ты еще что-нибудь в этом, Александр Сергеевич! Это свобода. Вот это и есть свобода. Я так считаю.

Александр Сергеевич пожал плечами и вновь углубился в чтение.

– Руссо говорил, что человек только рождается свободным, – нехотая вспомнил Костя.

– Значит, Руссо ничего не смыслил в сво-

боду, – легкомысленно отозвался Андрюша.

– Вы мелко мыслите, господа. Вы свободу меряете ослабевшим внешним воздействием – ваши старики, учителя, обстоятельства. А я мыслю шире. Вот когда ты взбираешься на вершину горы или стоишь на вершине скалы, а под тобой холодное северное море, и ты стоишь, раскинув руки, – вот это свобода. Скажи, профессор?

Марик, писавший рядом с Андреем очередное сочинение, на секунду оторвался и поднял голову от тетради. Взгляд у него, как всегда в такие моменты, какое-то время был отсутствующий, словно он тщетно пытался вернуться к реальности, в которой говорили о свободе. Понятие свободы к шестнадцати годам у Марика или совсем отсутствовало или было очень относительным. Свобода по Марика не укладывалась ни в континенты, ушедшие под воду, ни в горы, ни даже в отсутствие внешних воздействий. Свобода по Марика – это право выбирать из предложенных обстоятельств и призрачная надежда, что человек сам творец своей судьбы.

Они смотрели на Марика, как будто он был носителем единственной истины в этом мире. Такой уж у них сложился стереотип с первого класса, если и вовсе не со времени их знакомства, Марик превосходил их всех на голову по количеству хранимых им знаний. За это в тот вечер, когда они познакомились с Конан-Дойлем, он получил прозвище профессор Мориарти, которое сохранилось за ним до самого последнего дня. Только у их унылого Мориарти, как называл его иногда Александр Сергеевич, хватало терпения постигать сначала алфавит, потом таблицу умножения, затем синусы и логарифмы. Он охотно объяснял своим друзьям алгебру и физику и никогда не обижался на их добродушные шуточки. Марик был человеком, наделенным Господом не только незаурядным интеллектом, но и щедростью по-настоящему умного человека, щедростью, которая позволяет безо всяких сомнений и сожалений делиться своими знаниями с другими людьми. Единственное, в чем, на его взгляд, ни Костя, ни Саша, ни Андрей не нуждались, это в советах о жизни, философии и литературе. В разговорах об абстрактных материях, литературе и политике Марик всегда занимал места в зрительном зале. Друзья напоминали ему молодых французских революционеров – от них ему сообщалось ощущение сопричастности к чему-то огромному, к какой-то большой идее или тайному клубу избранных. Марик хотел сказать, что Руссо, очевидно, имел огромный жизненный опыт и не зря вписал свое имя в историю, но не успел. Мысль Андрюши, как всегда, не требовала никаких комментариев, она неслась

дальше, опережая время и пространство.

– Леннон был свободен. В известном смысле, – продолжал рассуждать он, сцепив пальцы в замок. Так Андрей делал всегда, когда думал о чем-то важном. Костя с интересом смотрел на друга. Александр Сергеевич даже отложил Булгакова. Андрей любил «Битлз» и учил английский язык по текстам их песен. Его кумиром долгое время был Джон Леннон. Этот одаренный человек владел его мыслями и по сей день. И к этому увлечению Андрея все относились с уважением. Они все что-то любили, но только Андрей умел сделать из этого не идолопоклонничество, а философию. В нем был заложен огромный потенциал и запас жизненной энергии, с которыми все вынуждены были считаться, даже Александр Сергеевич, которому что-то в Андрее никак не давало покоя с детства.

– Ты подменяешь понятия, – не выдержал, наконец, Александр Сергеевич. – Свобода – это не только ты и континенты. Будь последователен, в конце концов! Рассуждая о свободе, ты как-то забываешь о бабке, которая твои вещи стирает и гладит, готовит тебе обед и носитя с тобой, будто ты маленький ребенок. Ты забываешь о том, что, в сущности, еще ничего не заработал. И твои континенты, о которых ты фантазируешь, на самом деле не могут тебе принадлежать.

– На восемнадцатилетие отец обещал мотоцикл, – неохотно сказал Андрей, и стало понятно, что удар достиг цели.

В выпускном классе собирались чуть реже – пытались готовиться к экзаменам, прощались с детством, старались исправить собственные ошибки. Все ощущали важность предстоящего выбора, но о том, что будет после окончания школы, предпочитали не говорить. Молчали и о неразделенной любви Марика, и о разводе Андрюшиных родителей. После откровенных разговоров о свободе и философии пришло время пустой болтовни. Вспоминали лето, проведенное на огромной Сашиной даче; Марика, впервые попробовавшего водку и мгновенно опьяневшего; вспоминали свои предыдущие годы, приводя их к общему знаменателю. Семнадцатилетним одиннадцатиклассникам это казалось невероятно важным, краеугольным выводом всей их жизни. На самом деле это был очередной промежуточный этап. В то время они даже разделились – сблизилась Александр Сергеевич и Марик, которые шли пусть по разным, но, тем не менее, проторенным родителями дорогам, и Костя с Андреем, которых объединяло, в первую очередь, то, что они жили в соседних домах, а потом уже взгляды на жизнь.

Константин не хотел идти на выпускной

вечер и предлагал вместо этого собраться у него дома. Но Александр Сергеевич и Марик его уговорили. Андрей участия в этом разговоре не принимал. Он в тот день умчался выбирать подарок на окончание школы – долгожданный мотоцикл. На выпускном были и их старики. Это были последние годы всеобщей идиллии – они еще не знали, что спустя полтора года Серафима Николаевна разругается с Сашиной и Андрюшиной бабушками, а Костина бабушка поддержит Серафиму Николаевну, так их дружбе придет конец. Тогда они еще не знали, что спустя три года Марик, а с ним и его интеллигентная мать и бабушка уедут в Америку, где устроят свою жизнь в соответствии с Большой Американской Мечтой.

Они пришли к Косте домой под утро, пьяные и окрыленные свободой. Безуспешно пытались не шуметь, чтобы не разбудить Костиных стариков. Но его дед все равно вышел, одетый в домашний халат, со сдвинутыми брежневскими бровями. Он щелкнул выключателем, и экономичная лампочка осветила прихожую.

– Молодежь-молодежь... – укоризненно протянул старик и скрылся за дверью спальни.

– Давно замечаю, что он не стареет, – шепотом сказал Александр Сергеевич заговорщицким тоном.

В ту ночь они пили, смеялись и строили планы на жизнь. Им казалось, что вот сейчас все и начнется по-настоящему – исчезнут все ограничения, появится возможность распоряжаться собственным временем так, как хочется. Ответственность за свои поступки и ответственность вообще в ту ночь отрицали. Она была обратной стороной этой медали и мешала ощущению свободы, которое в семнадцать лет у всех горячих голов невольно становится однобоким. Они утверждались в этой жизни и, оставаясь детьми, начитавшись умных книжек, начинали требовать к себе взрослого отношения, несмотря на то, что признавали, что и сами еще не определились с мерилами взрослости.

Утром Андрей потащил их во двор показывать свой новый мотоцикл. Это был один из последних подарков его отца, отношения с которым потом сошли на нет. Когда закрывали дверь, тщетно пытаясь попасть ключом в замочную скважину, встретили Костину соседку, их ровесницу. Ее звали Полиной. Но Костин дед, встречаясь с соседкой на лестничной клетке, именовал ее Апполинарией, и им обоим эта игра чрезвычайно нравилась. Полина была худая девочка с заурядной внешностью и нескладной угловатой фигурой. Она выглянула из-за двери, смотрела на них сквозь узкую щель и тихонько

смеялась. Полина в то время была ничем не испорчена, ее отличала естественность реакции на происходящее. Когда они сошлись с Андреем, он стал называть ее коротасаровской Магой, но не забывал добавлять «только умнее». Она вошла в их компанию почти сразу же после той лестничной клетки. Она просто пришла как-то раз вместе с Андреем и была отрекомендована им как «наша Полли». «Нашей Полли» она и осталась.

Полли невозможно было не любить. Она была из тех простых воспитанных девочек, которые с детства жили в мире книг и типографской краски. Вырастая, девочки приобретали привычку извиняться за свое существование на белом свете. Ее воспитывала одинокая мама, учительница музыкальной школы. Полли любила петь, но природа не наделила ее особыми вокальными данными. Она неплохо исполняла фольклорные песенки и даже замахнулась однажды на знаменитую английскую «Леди с зелеными рукавами», балладу, которую, как утверждала Полли, повторяя слова какой-то книжки, Генрих VIII написал для Анны Болейн. Правда, история этой волновавшей ее воображение леди, которую ей рассказал Марк, Полли не очень понравилась, и она перестала петь.

Они всегда удивлялись, почему именно Полли стала первой и единственной серьезной любовью Андрея. В то время, как она создавала вокруг себя уютное маленькое пространство и совсем не торопилась жить, он несся куда-то на сумасшедшей скорости и говорил, что боится что-то не успеть. Он двигал их отношения вперед – все торопился заполучить свою Полли. Она училась в педагогическом, шла по стопам матери и утверждала, что не боится повторить ее судьбу. Он учился на юридическом вместе с Сашкой и Костей, но всем было очевидно, что никогда из него не выйдет серьезного мужчины в дорогом деловом костюме. Андрей гонял на мотоцикле, не вылезал из кожаной куртки и увлекался независимым кино. В их взрослые разговоры он вносил необходимую им долю юношеского максимализма, от которого он все никак не мог избавиться. В жизни Андрей если и видел весь цветовой спектр, то на космической скорости проскакивал все цвета, кроме черного и белого. Они так и не поняли, страдал он от этого или нет.

Им было по двадцать, когда они собрались своей четверкой в последний раз. Было лето, Костины старики тогда отдыхали на даче, мать уехала греться на солнышке. Веселья не выходило – каждая шутка разбивалась о Мариково безэмоциональное лицо.

– Давай, профессор Мориарти, – Александр Сергеевич решительно хлопнул ла-

донью по столу, – я вижу, ты собираешься толкнуть речь. Что нас ждет? Мировой финансовый кризис? Забастовки рабочих?

– Да ну тебя, – отмахнулся тот, – я не умею говорить о расставаниях. Но придется. В общем, господа хорошие, начинают сбываться мои мечты – в следующую пятницу самолет. Америка, ребята!

Марик пытался радоваться, они некоторое время молчали и переглядывались. Прощаться вот так было как-то ново и нелепо. Им всем казалось, что о таких событиях принято сообщать заранее хотя бы за несколько месяцев. Но потом Косте пришло в голову, что Марк просто боялся сглазить или не считал дело решенным. Он обменялся взглядами с Андреем и Александром Сергеевичем, потом медленно встал и подошел к Марику. Но Андрюша его опередил. Он соскочил со своего места и хлопнул друга по плечу.

– Откуси там от Большого Яблока кусок побольше, приятель! – они засмеялись весело и с облегчением.

– Я надеюсь, профессор, ты навсегда отчаливаешь? – спросил Саша и, получив в ответ утвердительный кивок, невпопад сказал, – нам будет не хватать, пожалуй, нашего задуны.

Марика провожали всем миром. Вместе с ним в самолет сажались его мать и бабушка. Они летели к каким-то своим благоприобретенным американским родственникам, которые на самом деле были лишь предлогом. Серафима Николаевна всегда мечтала о двух вещах – хорошо жить и сделать своему внуку успешную карьеру. Когда они махали им на прощание, было очевидно, что Серафима Николаевна решила совместить приятное с полезным.

– Я вдруг вспомнил, – сказал Александр Сергеевич, когда они пришли к Косте, – когда первый раз смотрели «Титаник», долго звали Серафиму Николаевну «непотопляемой Молли Браун».

– Да, – протянул Андрей, развалясь на стуле, – она тогда ругалась, обижалась, но все равно так и отбыла за океан непотопляемой.

– Уверен, она не всерьез, – возразил Константин, и они только сейчас обратили внимание, какой у него на самом деле тихий и хрипловатый голос, – Марик как-то сказал, что ее кумир – Маргарет Тэтчер. Вы что, думаете, ей было неприятно быть непотопляемой?

Они засмеялись. Потом пришла Полли. Тот прощальный день, перешедший в первый вечер без Марка, положил начало новой череде встреч, которые проходили вокруг Костиного ноутбука – ждали писем от Марика. Письма исправно приходили каж-

дую неделю. Наверное, он по ним все-таки скучал.

Годы после отъезда Марика можно было уложить в несколько коротких писем в Штаты. Они выросли, расставались с кожаными куртками, примеряли солидные брючные костюмы; писали резюме и пытались найти работу; встречались и расставались с девушками; гуляли после помолвки Андрея и Полли всю ночь; съездили отдохнуть всей компанией в Европу – наслаждались тишиной маленьких древних городков. Взрослея, пытались уложить свою новую жизненную философию в некий комплекс подходящих понятий, но получалось не очень, и тогда Марик из-за океана ставил им мозги на место. Потом одну ночь вместе склеивали Костино разбитое сердце в его дворе, с бутылками вина и Андрюшиной гитарой, долго убеждали его в бессмысленности серьезных отношений с девушками, но сами себе тогда уже не верили. В какой-то короткий период, который в письмах другу почти не отразился, они хотели улучшить мир. Делали это, как умели. Мир остался прежним.

Когда Александр Сергеевич получил работу в фирме отца, а Андрей никак не мог найти свое место в жизни, они впервые серьезно поссорились. Костя пытался помирить их, но острые углы обычно сглаживал Марик, у Кости же не было такого навыка. В конце концов они помирились сами. Важный отец Александра Сергеевича помог Андрею устроиться на работу. И всем показалось, что конфликт между ними исчерпан.

Андрюши не стало в двадцать четыре. Он как-то сказал, лет в семнадцать, когда они завалились к Косте домой после последнего звонка усталые и пьяные, что не хочет ни о чем жалеть в жизни и попытается все успеть. В его планах тогда был космический туризм, тусовки байкеров, кругосветное путешествие. Собственно, с годами из его мечтаний исчезли только бабушкины пирожки – отношения матери и бабки окончательно разладились, родители развелись, и мать вместе с Андреем переехала на другую квартиру. Связь с «той семьей» (он будет говорить так вслед за матерью почти восемь лет) прервалась как-то незаметно и так естественно, что не оставила никаких видимых ран. Так, во всяком случае, считали все окружающие. Когда мотоцикл Андрея на огромной скорости вылетел с шоссе, перевернулся несколько раз и замер сюрреалистичным хромированным стоп-кадром, когда стало очевидно, что все кончилось, все сказали, что так и не смогли его понять до конца. Только тогда это уже никого не могло утешить.

Они проводили домой Полину, долго сидели вместе с ней в дорогом надушенном сало-

не Сашиной машины и молчали, подбирая слова. На самом деле все трое понимали, что сказать им друг другу нечего, и эта машина – точка невозврата. В подтверждение этого Александр Сергеевич достал из бардачка очки без диоптрий, которые носил только на работе, надел их и положил руки на руль. На прощание Полли слабо пожалала им руки и скрылась в подъезде.

Когда зашли в Костину квартиру, навстречу вышла его бабушка. Дед сидел на кухне и ничего не говорил. Он всегда молчал, когда не мог подобрать веских и искренних слов для выражения своих чувств. Бабушка неловко взмахнула руками – жест из прошлых жизней, из черно-белых фильмов, который всем троим показался неловким. Но никто ничего не сказал. Только Александр Сергеевич снял очки и провел руками по лицу. Они сделали все, как полагается. Сами себя успокаивали этим, когда Полина ушла. На деле же ничего не испытывали. Было пусто и невыносимо от того, что они не испытывают боли – как будто они были недостаточно близкими друзьями или просто не могли освоиться с непривычной пустотой, с освободившимся после ухода Андрея пространством.

– Мне всегда казалось, что он занимал много места, – без иронии сказал Саша, снимая пиджак. Расстегнул верхние пуговицы на рубашке, закатал рукава. Сел. Встал. Налил им по стопке водки, но пить не стали.

– В каком смысле? – спросил Константин скорее по привычке, заменяя Андрея, который всегда искал в словах Александра Сергеевича двойной смысл.

– В самом лучшем из всех существующих, – ответил он и больше ничего не сказал. В этот самый лучший из всех смыслов он уместил всю свою боль. Помолчали.

– Надо профессору написать, – произнес в пустоту Костя, понимая, что не знает, как начать это еженедельное электронное письмо, которое улетало за тысячи километров, за целый Атлантический океан к их профессору Мориарти, который всегда знал, как им надо поступать. В ту ночь они не спали. Слышали, как шаркая ногами по коридору, идут спать старики. Саша сидел на полу, опершись на подлокотник дивана. Константин сидел за столом перед открытым ноутбуком, то и дело заносил руки над клавиатурой – пытался написать письмо. Но нужные слова все никак не приходили, да и были ли они, нужные слова? Могли ли они вообще существовать?

– Ты думал когда-нибудь, что со всеми нами будет? – вдруг спросил Костя в ту самую секунду, когда на улице погасли фонари и с пола исчез квадрат их слабо пробивав-

шегоса в комнату света. Он спросил только потому, что был уверен – Александр Сергеевич давно уже спит, так тихо и неподвижно он сидел.

– Сам знаешь, – хриплый Сашин голос разорвал сжавшееся пространство комнаты, – все знают. Ты знаешь, я знаю, Полли знает. И профессор в своих Штатах тоже знает. Даже десятилетние дети имеют представление о своей будущности. Но все равно хотят повзрослеть. И чего-то не успевают. А что-то переделывают с лихвой. Это дисбаланс, Константин. Я сегодня понял, что это чудовищный дисбаланс.

В тот вечер невольно начали новый печальный отсчет. Девять дней, сорок дней, год. Через год поняли с опозданием, как больно кого-то терять. Письма от Марика по-прежнему приходили каждую неделю. Через год после того, как не стало Андрея, Марк сообщил в своем письме, что получил хорошую работу и женился. Прислал им фотографию своей семьи и своего дома. «Непотопляемой Молли Браун» на этой фотографии уже не было.

Полли ходила к ним все это время. Молчала, когда они пытались говорить, отвечала на их вопросы с извиняющейся улыбкой. Они заметили, что со временем их Полли приобрела привычку говорить «все хорошо», отвечая на все вопросы. «Не понимаю, кого она хочет обмануть, – сказал тогда Александр Сергеевич, – мы одна семья. Нам тоже больно».

Без Андрюшиного максимализма, его философии свободных людей и собственного, отличного от всех прочих взгляда на жизнь им очень быстро стало скучно. Через два года им только и оставалось, что говорить о жизни – о сиюминутных ее проявлениях. Рассказывали друг другу, как работа, как дела, как стареют родители и бабушки с дедушками. Иногда вспоминали о детстве, счастливом детстве, когда слова «свобода», «любовь» и «дружба» еще имели глубокий смысл. Однажды Александр Сергеевич сказал, что мельчают, в конечном счете, совсем не понятия, а сами люди. Костя с ним согласился – он не любил спорить. В тот вечер темы вечного окончательно ушли из их разговоров.

Через два года после того, как ушел Андрей, Александр Сергеевич не приехал к Константину в назначенный час. – Прости, старик, работа, – зазвучал в трубке его голос, – если вырвусь – заеду обязательно, если не выйдет – передай от меня привет и пожелания здоровья профессору и профессорскому семейству.

В тот вечер Костя впервые позвонил за океан, позабыв о разнице во времени. В

Штатах было ранее утро. В трубке зазвучал знакомый профессорский голос с легким американским акцентом.

– Мориарти?

На том конце провода воцарилось недолгое молчание.

– Бог ты мой! Костик! Как у вас? Сто лет вас не слышал!

– У нас здесь все рушится, профессор. Стареет, дряхлеет, меняются. Ко мне даже Полли не заходит.

– А Александр Сергеевич?

– Просил передать привет и пожелания здоровья.

– Не хандри, Константин, я тебе так скажу. Плюнь на всех, пакуй чемоданы и приезжай. Отдохнешь, познакомишься с моими, поищем тебе здесь что-нибудь...

– А мои старики? Лучше уж ты выбирайся.

– Договорились. Посмотрим, как выйдет. Но ты освобождай комнату к августу.

В августе профессор не приехал. Писал длинные письма, изредка звонил, объяснял, что они ждут второго ребенка и не могут никуда ехать. Потом прислал еще одну фотографию. Александр Сергеевич тоже ограничивался звонками. Он курил какой-то проект в отцовской фирме и никак не мог себе позволить сдать назад. Костина жизнь была не столь интересна. Он сидел в консультации и отвечал на вопросы граждан. Отказывался от предложений Александра Сергеевича работать вместе и, как всегда, всех понимал.

Костя возвращался с работы и встретил на площадке Полину мать с большой сумкой.

– Здравствуйте. Давно вас не видно было.

– Привет, Костя. Ну, у молодых своя жизнь. И меня вот теперь перетаскивают, Поля говорит, что не хочет, чтобы я одна жила. И Саша с ней согласен. Говорит, когда внуки пойдут, надо же будет кому-то Полине помогать...

– Саша?..

Полина мать смутилась на мгновение:

– Саша. Ну, ваш Саша.

– Александр Сергеевич?

– Саша. Да, он. Ну, – суетливо подхватила она, – побегу я, меня к семи ждут.

Она быстро спускалась по лестнице. Костя машинально воткнул ключ в замочную скважину и долго смотрел ей вслед. Александр Сергеевич и Полли...

– Желай людям счастья, – открывая дверь, сказала его бабушка, которая, по всей видимости, слышала их разговор, – и не стой столбом.

Бабушка гремела посудой на кухне и о чем-то негромко говорила с матерью. Дед сидел рядом с ними и читал газету. Конечно, говорили о нем. А еще о Полли и Саше. И о

Марике, фотографии которого разглядывали всей семьей. А между строк звучал разговор о навсегда ушедшем два года назад.

Август подходил к концу. И все, что останется в его памяти от этого лета, – зной, ма-рево, облачка пыли, поднимающиеся над дорогой (неутомимый дед и его «Победа», на которой он до сих пор разъезжает на даче). Все его предыдущие лета пахли медом. В этом году к запаху меда добавился привязчивый запах горечи. Он струится по телу, входит во все его существо. А он вспоминает, как маленький лежал на даче на траве, рядом Александр Сергеевич, Марик, Андрей. А над ними небо, голубое, словно на картинах Дали, и на уровне глаз медленно движутся воздушные массы, а потом взгляд останавливается на перспективе – горизонт, лента реки, пожелтевшая трава. Бесконечность, охваченная полуденным зноем. И кажется, что духота разливается внутри нас, поднимается к легким, сжимает сердце, и все существо ждет дуновения ветерка, малейшего движения. Когда от жары желтела и выцветала трава, Косте всегда казалось, что таким и должен быть Техас. Надо будет спросить у Марика при случае.

Они поменялись с тех пор, как смотрели на то глубокое небо. Выросли, но как-то неловко. И к фотографиям деда с бабушкой и матери на комод добавились их собственные. Александр Сергеевич в семнадцать ничуть не похож на Пушкина, у него прямые, черные, гладко зачесанные назад волосы, костюм с иголки и лента выпускника. Андрей выше него на полголовы, крепкий, складный парень с широкими ладонями. Русые волосы собраны в растрепанный хвост. Костюм ему никогда не шел. Марик – тот всегда был профессором Мориарти. На фотографии с выпускного у него отличный новенький костюм, белая рубашка и густые каштановые волосы, уложенные подобающе торжественному случаю. Костя стоит рядом с Мариком. Костюм у него попроще, и глаза, как обычно, усталые. В двадцать на веселой пирушке по случаю дня рождения Марика – Андрей в кожаной куртке с гитарой, Сашка в простой футболке и джинсах, имениник – в светлом брючном костюме. Они смеются, хлопают друг друга по плечу. Тогда они еще и не думали спориться, не знали, кому из них придется уйти первым. Кости на этой фотографии нет – он стоит с фотоаппаратом. Вот Полли и Андрей в день помолвки. Полли в белом ситцевом платье, Андрей держит ее за руку. Все знали, что за Полли он порвет любого. И даже

Александра Сергеевича порвал бы. Если бы мог. Полли на этом снимке даже красива. У нее, оказывается, необычное лицо – круглое, с широкими скулами, большие глаза, как льдинки, и облако русых волос. Вот семейство Марика – располневший слегка, но все еще привлекательный Марк обнимает невысокую полную девушку, которая держит в руках ребенка в голубом одеяльце. Его мать, породная статная дама, стоит чуть поодаль. Ей жизнь в Америке явно пошла на пользу. Вот второе фото – мальчишка теперь на руках у Марика, похож на него, как две капли воды. Его жена снова с малышом на руках – девочка в розовой футболочке со смешными перетяжечками на ножках. Мать Марка рядом с невесткой улыбается в объектив так, как могут улыбаться только очень счастливые люди. Скоро к этим фотографиям прибавится свадебная фотография Полли и Александра Сергеевича и последнее их общее фото – они (их моложавые черты время тоже начинает понемногу сглаживать, приводя к какому-то знаменателю), их старики, приятели, Сашины коллеги по работе.

А потом на долгое время образуется провал. Редкие звонки от Саши и Полли, письма от Марика. Каждый год в планах у них – собраться у кого-нибудь на даче, и чтобы профессор Мориарти обязательно привез свою семью. Но они так и не увидятся. Марк получит очередное повышение и откусит очередной кусок от Большого Яблока. Домой он никогда уже не вернется. Александра Сергеевича и его Полли совсем скоро будут занимать совсем другие проблемы – у них будет трое детей, и старшего сына они назовут Андреем.

Костя пойдет по карьерной лестнице медленно, отказываясь от помощи друзей, и так ничего существенного в жизни не добьется. Когда ему будет восемьдесят четыре и две из трех комнат его квартиры будут завалены памятным барахлом и книгами, он захочет собрать своих друзей, чтобы попытаться вспомнить и еще чтобы все успеть. Он узнает от постаревшей Полли, что Александр Сергеевич умер год назад. А в Штатах, когда он наберет знакомый номер, ему ответит незнакомая молодая женщина: «Бабушка с дедушкой уехали отдыхать. Перезвоните через неделю». Но Костя не станет никому перезванивать. У него еще осталось немного времени, фотографий и воспоминаний.

В комнате на третьем этаже гаснет свет, и исчезает одинокий расплывчатый силуэт в окне.

Антон ПРОЗОРОВ

поэт, лауреат конкурса
«Заблудившийся трамвай»
имени Николая Гумилева,
живет в Санкт-Петербурге

«...ОБЛАКА КРОИТЬ, СИНЕВУ ПРОСЕИВАТЬ, ВЕТЕР МЯТЬ...»

ВЫСОТКИ

даже высоты знают, что небо – дом,
тянут ладони к свету, пока растут,
это потом их сковывает бетон
и обвивает горло железный прут.
я крановщик, я знаю, что говорю,
видел не раз, как падает в небо кран,
как арматура вспарывает зарю
и окропляет пепельный котлован,
как расправляет крылья над пустырем
архитектурный комплекс, пыль окрест,
страхивая леса, и, ты знаешь, в нем
минимум миллион пассажирских мест.

СОННИК

а она ты знаешь жила негромко
собирала мысли слова дела
собирала марки с волнистой кромкой
собирала счастье не собрала

подступила осень усталость старость
и рефрен такой мол пора пора
в телефонной книге ее остались
только раритетные номера

а какие платья поди надень их
не по моде нынче не тот стандарт
но ее коллекция сновидений
и сейчас невиданный авангард

так бывало ночью в лицо ударит
белоснежный ветер но вот беда
эти сны кому их потом куда их
никому наверное никуда

до свиданья жаворонки и совы
трепетанье ситцевой пелены
до чего мы господа невесомы
несладимы призрачны неполны

* * *

Отец меня брал подмышки, переносил
за перила.

С той стороны моста
болтались смешные сандалики.
Там внизу по воде мурашки бежали.
Воды боялся, и высоты боялся, но перестал.
Теперь ничего не страшно – и это страшно.
Голуби. Мостовые. Замок на берегу.
Психологи говорят, от двух до семи –
краеугольный выбор.
У меня был город Выборг, и я его берегу.
У меня и сейчас есть Выборг.

ОТЕЦ

так учил он меня летать забрасывал в небо
и говорил лети
хапай крыльями пустоту набирай высоту
обживай простор
сын мой будет тебе закат позади
восход впереди
не смотри на мать что рыдает что тянет руки
постой постой
у нее другая сила иное дело на то и мать
дай ей волю век бы жалела держала тебя
птенцом
а тебе положено облака кроить синеву
просеивать ветер мять
выйдет срок сын мой станешь и ты отцом

парижанка

вот, стоим и мерзнем, стоим и курим,
провожаем фары, сугроб пинаем.
и с какой-токой, непонятно, дури
занесло нас в эти края, родная?

оглянись: провинция из провинций,
тишина – как будто надел ушанку.
но и в этом ватнике, в рукавицах
для меня ты – первая парижанка.

ну и что, что ночью, что на отшибе,
что ни денег нету, ни веры в чудо,
мы же сами – сильные и большие,
не волнуясь, выберемся отсюда.

номер

послушай
если я не говорил тебе об этом раньше
а я так много говорю
что могу и забыть
послушай
это неизмеримо важнее всего прочего
это как множество мощности континуум
в сравнении со счетным множеством
послушай
когда на Уолл Стрит
курсы всех денежных единиц
в пересчете на время
продемонстрируют
головокружительный нисходящий тренд
когда ядерные грибы
начнут тереться шляпками друг о друга
и сыпать ядовитыми спорами
когда Всадники Апокалипсиса
с самодовольными минами
проскачут мимо Макдональдса
ты знаешь что делать
мой номер
плюс семь девятьсот одиннадцать
девятьсот десять восемьдесят девять
семьдесят пять
позвони
что-нибудь придумаем

Спираль

По лыжне ли, по ржавой жиже ли,
Мы дошли в настоящий день,
Но одно непреложно – выжили.

Среди улиц и площадей,
В миллионном минорном Питере
Мы очнулись. И вот итог:
На сегодня мы – победители.

Завтра – следующий виток...

трамвай

в осеннее утро
в молочный туман
уходят трамваи
такое не забывают
угловатые птицы
с металлическими голосами
невзлетевшие самолеты
позвякивают на прощание
по-детски и мужественно
прощайте
прощайте
прощайте
туман рассеется
рельсы разберут

Если растаю...

Если растаю как снег, как свет,
Если растаю как в небе стая,
Если в осенней сырой листве
Я затеряюсь, то что оставить?
Что за мерцающий тайный код,
След исчезающий, отблеск зыбкий?..
Я бы хотел, как Чеширский Кот,
После себя сохранить улыбку.

Мари

Бенгальским огнем горим,
Но холод неборим.

Над бездной парим, Мари,
На пару и на пари.

Мари, что ни говори,
Мы странное попури.

Мы бранные мотыльки.
Как пошло, о Боже, как пошло...

Прощайка

Так кончаются все новеллы,
Так вещает помощник Word'a:
Кавалеры – на каравеллы,
Королевы – за клавикорды.

Над причалом закружит чайка.
В будуаре уронят чашку.
Для духовных людей прощайка,
Что считалка для первоклашки.

Вот и нас посчитали, Darling,
И, как водится, водит ветер.
Проводник из него бездарный –
Значит, нам ничего не светит.

